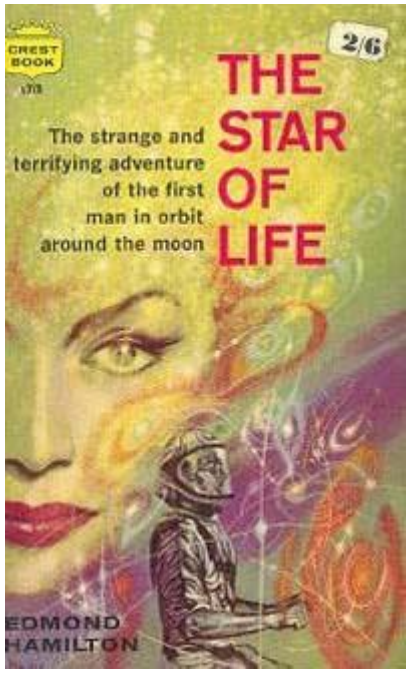
Эдмонд Гамильтон
Звезда жизни



Странное и ужасающее приключение первого человека на орбите Луны

1

Он был более одинок, чем кто бы то ни было прежде.

Он был один и мертв.

Хотя сердце билось. Глаза видели, уши слышали, и он чувствовал. И еще, думал Кирк Хэммонд, он был мертвецом и всегда находился в своей могиле – сфероиде из магния и стали, этот пузырь из воздуха и света молчаливо летел через глубины космоса, в огромных и неограниченных океанах ночи.

Это было забавно. Это было так забавно, что солнце, луна и звезды захлебывались от беззвучного смеха. У великой нации были амбиции и многие сотни блестящих людей, обеспокоенных взмокших от пота, и многие миллионы долларов были потрачены на то, чтобы обеспечить Кирку Хэммонду похороны, которых никто не удосужился прежде.

Он рассмеялся.

Он зарыдал.

Радио жужжало, последние скучные закодированные звуки, которые доносились с Земли. Скоро, очень скоро пуповина звука, который связывал его с родным миром, оборвалась и он стал для Земли мертвым.

«Канаверал – „Эксплореру-19“, 17:44. Президент объявил о награждении Кирка Хэммонда Медалью Чести Конгресса. Президент добавил: „Это благодарность всей нации герою“. Конец послания».

Чудесно, подумал Хэммонд. Я герой. И получил медаль. Они могли бы назвать ее посмертной наградой. Каковой она и является на самом деле.

Радио взорвалось снова, почти тотчас.

«Канаверал – „Эксплореру-19“, 17:47. Весь мир молится за вас, Хэммонд. Каждая церковь, каждый верующий, отслужили специальные службы. Конец послания».

Поминальная молитва, подумал он тупо. Прекрасно. Замечательно.

Он мог представить себе огромную эмоциональную волну, прокатившуюся по миру, ужас и сожаление о его судьбе. Эти люди его не знали. До пожара на «Эксплорере-19» они ничего не слышали о нем. Но теперь, когда он угодил в западню и был пропащим человеком, их эмоции были необыкновенно сильны.

Хэммонд устал. Сотни часов он сидел скрюченный в кресле своей небольшой сферы, и тело его свела судорога и оцепенение. Его ум тоже оцепенел. На него обрушилось слишком многое за слишком короткое время. Потрясение от возгорания. Обморок. Приход в чувство, борьба за дыхание, мысль дотянуться до передатчика и сообщить, что он все еще жив. Страх и понимание безнадежности, а затем благодарение Господу, когда раздался грохот ракет второй ступени, после которого он потерял сознание. Очнулся он слабый и больной, но внутри все было целым. И затем пришло напряженное ожидание, ожидание третьей вспышки, которая должна была вывести маленькую оболочку корабля Хэммонда на расчетную орбиту. Орбиту, которая понесет Кирка Хэммонда, первого из людей, вокруг Луны и затем назад на Землю.

Годы после тысяча девятьсот пятьдесят седьмого и первого русского спутника они посылали свои аппараты. Начав запускать на околоземную орбиту необитаемые механизмы, их усовершенствовали до такой степени, что стали посылать людей. Затем первый беспилотный спутник вышел на орбиту вокруг Луны. Теперь человек собирался не приземлиться на Луну, а облететь вокруг нее и приземлиться – если все сработает как надо – безопасно на Землю. И Хэммонд был тем парнем, который ожидал, когда сработает третья степень и он направиться на Землю по расчетной траектории.

Очень скоро! Он быстро определил по взрыву третьей ступени, что происходит что-то неправильное, что она сработала раньше времени. Это произошло преждевременно. Кривая была слишком крутой и орбита отклонилась от заданной. «Эксплорер-19» не прошел так близко от Луны, как планировалось. Он прошел дальше, чем необходимо было, и лунное притяжение не достало до него в полной мере. А это означало...

Это значило, что спутник не обогнет Луну, а пройдет мимо и так будет продолжаться раз за разом.

Радио снова взорвалось.

«Канаверал – „Эксплореру-19“, 18:02. Ваш часовой доклад запаздывает на две минуты. Пожалуйста, сделайте сообщение. Конец послания».

Хэммонд невесело усмехнулся. Это был Джон Уиллинг. Он мог представить Джона Уиллинга там внизу, в зале Управления, потного, полного претензий к нему, показывавшего ему, что все рутина. Он переключился на приборы, отметил расстояние, плотность пыли, радиацию, температуру на солнечной и теневой стороне. Прежде чем продолжить, он обернулся. Алюминиевая рама катапульты сидения, сидение, в котором он находился все это время, легко провернулось в креплениях и он глянул в затянутый стеклянным фильтром иллюминатор.

Гигантский затененный череп глянул на него, заполняя усеянный звездами темный небосклон. Это его немного отвлекло и он не мог не видеть, что стал меньше, чем за час до этого. Луна становилась меньше и меньше по мере того, как «Эксплорер-19» удалялся от нее. Он поглядел на Землю. Она оставалась огромным размытым зеленым шаром. Попробовал снова думать каким великим является то, что первый человек улетел так далеко от нее.

Он устал. О, Боже, ну почему ему так достается? Иной раз человек должен умереть, но никто не умирал еще подобным образом, один в темной безжизненной пустоте за миллионы миль от его родины. Теплое и печальное понимание Земли, всех ее путей, которые он всегда считал само собой разумеющимися, нарастало в Хэммонде. Ласковый дождь весенней ночью, старые деревья у спящей фермы, грубая, обрывистая толкотня людских звуков на улицах больших городов, приливы и отливы моря, тропы ветра, волн и птиц. У вас так много всего, пока вы живы, что не думаете обо всем этом, пока не подступит смерть. Может ли мертвец думать? Он мог. Он – Кирк Хэммонд.

Он сжал кулак и унял дрожь в пальцах, прежде чем послал последние замечания в

доклад, на основе зрительных реакций. Ответ пришел быстро:

«Канаверал – „Эксплореру-19“, 18:24. Доклад получен. Не теряйте надежды, Хэммонд. Совет астронавтов считает, что существует вероятность неизвестных гравитационных факторов, способный вернуть вас назад на расчетную орбиту. Конец связи».

Хэммонд вымучено улыбнулся.

«Эксплорер-19» – Канаверал, 18:33. Не думайте, что вам следует приободрять меня, Уиллинг. Я достаточно хорошо изучал астрономию на Базе, поэтому в состоянии рассчитать, что корабль вернется на орбиту по прошествии очень долгого времени. Конец связи"

Да, не скоро. Вычисления, отчаянные наброски на листках, которые медленно уточняли его судьбу, были все еще на его колене. С холодной окончательностью математики, они говорили ему, что его ждет. «Эксплорер-19» далеко ушел от Луны, очень далеко. Его орбита была огромным вытянутым эллипсом и означала, что где-то очень далеко она повернет и обернется вокруг Солнца как комета. Через столетие или два он пройдет вблизи от Земли.

Через столетие... Запас воды и пищи Хэммонда был рассчитан на шестидневное путешествие вокруг Луны и обратно. И эти шесть дней уже подходили к концу. Он глянул вниз, на рычаг катапульты, которая должна была в безопасности вернуть его назад. Теперь уже она не нужна. Он не собирался возвращаться.

«Канаверал – „Эксплореру-19“, 18:55. Ваши ответы слабеют, но мы все еще можем работать с вами. Исправны ли ваши батареи? Есть сообщения? Конец связи.»

Да, подумал Хэммонд, у него есть сообщение для них. Он хотел послать его, прокричать, прореветь. Он хотел сказать, чтобы его вытащили из этой маленькой мерцающей могилы назад на Землю, как угодно. Но способа не было. Помощь не могла его достигнуть. Не было никакого пути. Когда-нибудь, в будущем, появятся управляемые корабли, но не сейчас. Все, что человечество могло сделать, это ждать и беспомощно слушать как «Эксплорер-19» нес его неотвратимо в темноту и смерть.

Хэммонд почувствовал как паника быстро нарастает в нем. Он не должен позволить страху овладеть собой всецело. И не поможет ему, даже если он будет изливать его по радио. Он взялся сам за эту работу, знал, что она опасна и он должен принять свой конец как мужчина, а не как хнычущий сосунок.

Но он себе не доверял. Рано или поздно истерика могла овладеть им и заставить причитать во весь голос.

Приняв решение, Хэммонд передал:

«Эксплорер-19» – Канаверал. Да, мои аккумуляторы выходят из строя. Это будет мой последний контакт. Не дайте этому происшествию прекратить дальнейшие попытки в будущем. Удачи всем ребятам, которые последуют за мной. Конец связи".

И после того, как он закончил, Хэммонд сильным ударом кулака сокрушил передатчик. После этого он неловко сидел. Аккумуляторы были в порядке, а радио нет. Никакой возможности обратной связи. Теперь опасность его не сломает и не заставит устроить спектакль. Там, на Земле, они думают, что это было героическое сообщение, они не узнают, что паника овладела им.

Теперь он был один. По настоящему один.

Он глянул через иллюминатор прямо пред собой на мерцающие звездные цепи. Он собирался умереть здесь, где до него не умирал ни один человек. Ладно, некоторое отличие было в этом.

Хэммонд чувствовал крайнюю усталость. Это было странно, что со смертью вырисовывающейся, вы могли чувствовать утомленность. Но это так и было. Он сидел в тесном сидении внутри корабля более чем ста часах и его тело болело, а мозг оцепенел. Он прошел долгий путь от мальчика в Огайо, который кричал в восхищении при известии о первом спутнике. Неужели так важно было стремиться ко всему этому через техническое училище, бессонные ночи занятий, планов и трудов.

Он устал представлять, что там говорят о нем сейчас на Земле. Слава Богу, там не осталось никого, кто бы слишком горевал о нем. Причиной этому было то, что его родители

погибли в автокатастрофе несколько лет назад, и он знал, почему Уиллинг выбрал его из большой группы добровольцев. Но что же теперь говорит Уиллинг радио и телеобозревателям? Не имеет значения. Когда он сломал радиопередатчик и оборвал последнюю цепь, связывавшую его с Землей и людьми, все потеряло смысл.

Он был Кирком Хэммондом, единственным во Вселенной и вскоре ушедшим из живых.

Как скоро?

Хэммонд изучал показания измерителя кислорода. Кислорода осталось на часа два, даже учитывая небольшой запас бака катапульты. Он пожалел, что осталось так мало времени. Он боялся, ужасно боялся, что обезумеет перед смертью.

Но к чему гадать?

Голос звучал внутри его усталого мозга. К чему ждать ужасных мук удушья? Все что он должен сделать, это открыть люк и безвоздушный холод люка положит конец всем его мучениям.

Хэммонд положил руку на тяжелую рукоять люка. Уверен ли он, что это приемлемый выход, чтобы избежать безумия и удушья?

Внезапно в голове у него ожили невозможные надежды.

«Не делай этого! Не открывай люк! Может быть, корабль вернется назад... Может быть кто-то придет на помощь... может...»

Безумие, невозможно, он знал, что это несбыточные надежды. Это были его подсознательные причины не пускаться в последний полет. Хэммонд подавил неумные голоса. Он должен проделать все быстро, или не сумеет сделать этого вовсе. Неровными движениями он стал открывать люк.

С громким «пам» люк отошел и образовалась крохотная щель. Воздух с шумом стал вырываться наподобие ракетного двигателя через микроскопическое отверстие. Хэммонд не открывал его больше, так как опасался резкого перепада давления. Он сел назад, его плечи поникли. Он проделал длинный путь и очень устал.

Внезапно он ощутил ужасное и агонизирующее ощущение холода, охватившего все его тело. Такая смерть не была болезненной, как он и ожидал!

Это была его последняя мысль.

2

Раньше была только темнота, а теперь появилась еще и боль.

Он желал бы, чтобы боль прошла и перестала терзать его удобное не-существование, его не-чувствование. Однако боль не проходила. Наоборот, она становилась сильнее. Каждый раз, когда он пытался вздохнуть, он попадал в огненную, разрывающую агонию.

Как же он мог дышать, если уже мертв? Такова была первая ошеломляющая и ужасающая мысль Хэммонда. Это было невозможно. Да, его легкие судорожно сокращались, требуя воздуха, которого не было.

Мозг безвольно пытался разрешить эту проблему. Он захотел открыть глаза, но не смог. Не мог пошевелить даже мускулом. Не мог чувствовать. С каждым мгновением пылающая агония возрастала и ползла по телу. Он чувствовал также, что кисти его, лежащие на металлических подлокотниках катапультирующего сидения, покрывались волдырями.

Он также мог слышать. Где-то очень близко около ушей раздавался тонкий шипящий, визжащий шум, который звучал все время на одной и той же ноте.

Очень скоро боль превратилась в пытку, которую было страшно вытерпеть. Он задыхался, должен был снова умереть. Очень несправедливо, что ему приходится снова умереть. Он сделал конвульсивную попытку, и его тело дернулось.

Глаза открылись.

Он смотрел, как бы, сквозь красную дымку. Он все еще сидел на катапультирующем кресле спутника. Выходной люк слегка треснул и визжащий звук шел оттуда. Разреженный воздух, настолько наполненный озоном, что он не мог им дышать, струился сквозь трещину.

Воздух или жалкое подобие воздуха был чрезвычайно холодным. Однако металл спутника скручивало от жара.

Хотя Хэммонд пришел в сознание только на одну треть, он знал, что умирает от недостатка кислорода. Тренировка там, на Ракетной Базе, глубоко въелась в память и одна фраза вспыхнула в угасающем мозгу. Длительность времени Полезного Сознания, за которое человек при утечке кислорода должен был спасти себя. Даже в верхних слоях атмосферы у него было менее двух минут в запасе. Еще выше в космосе счет шел на секунды. Его секунды уходили. Вспомни тренировку...

Он вспомнил. Руками, налитыми свинцом, он стал искать кислородную трубку катапультирующей капсулы. Взял ее в рот, а затем начал искать клапан. Пальцы почти не подчинялись. Руки были похожи на лапы собаки. Наконец, он открыл клапан.

Благословенный воздух начал проникать в его изголодавшиеся перегретые легкие и тело его затряслось.

Он сидел, дыша и дрожа, непонимающими глазами смотрел на усеянное звездами небо, которое ускользало в то время, как спутник медленно вращался. Затем, неспешно и величественно покачиваясь, какой-то серо-зеленый объект закрыл весь передний иллюминатор. Туманная поверхность проплыла вдоль стекла, затем какой-то кривой отросток и опять звезды.

Хэммонд тупо наблюдал все это. Через минуту все повторилось.

Первый слабый отблеск любопытства возник в его отупевшем мозгу. Кислород начал оказывать свое действие и он мог думать и изумляться. И его этот серо-зеленый объект удивил. Он повернул кресло на кардановой подвеске, чтобы получше рассмотреть этот объект.

Хриплый крик вырвался у Хэммонда. В звездном пространстве под спутником вращалась огромная серо-зеленая масса.

– Земля...

Он прошептал это слово, но сделал это автоматически. Он все еще не мог поверить.

Стекло жгло лицо. Спутник с каждой минутой нагревался, но он не мог убрать лицо, пока эта обширная масса полностью не появилась в иллюминаторе. В этом не было сомнений. Сознание внезапно пробудилось. На этот раз он провопил название своей планеты. Хэммонд ожидал, дрожа и все еще не веря, пока вращение спутника не привело Землю в иллюминатор снова. Теперь он изучал ее поверхность более тщательно. Он понял, что Исследовательский Центр Девятнадцать находился не более чем в сорока милях над поверхностью Земли и вращался вокруг нее со скоростью более двадцати тысяч миль в час. Хэммонд направлялся в открытый космос Солнечной системы. Он был уверен, что будет все дальше и дальше удаляться от Центра. Казалось, было невозможно вернуться на Землю. Но все же он вернулся.

«...по неизвестной причине факторы гравитации могут привести вас обратно на орбиту...»

Он вспомнил это сообщение из Канаверал. Он подумал тогда, что они просто пытаются облегчить его конец, дать маленькую надежду. Но, может быть, они были правы? Одно очевидно. Центр Девятнадцать упал обратно к Земле и в тесной спирали вращался вокруг нее.

Но было еще кое-что более загадочное. Он искал быстрой смерти, открыв люк в космосе. Он умер тогда, и все же был жив.

Как человек может замерзнуть, а затем снова ожить?

Торжественно и величественно Земля снова появилась в иллюминаторе. Он жадно сосал кислород и глядел. Тело было сплошной болью, а испепеляющее дыхание раскаленного металла и ледяной поток разреженного воздуха, который с визгом просачивался через приоткрытый люк, мгновенно обожгли и заморозили его.

Судорожно размышляя, Хэммонд пытался понять причину своего удивительного пробуждения. Может быть, он не умер по-настоящему, а был только в состоянии

ультра-гипотермии? Гипотермия или катастрофическое понижение температуры было обычным методом медицины и хирургии в эти дни. Первые эксперименты в сороковых и пятидесятых показали, что можно просто заморозить человека, а потом вернуть его к жизни, правильным образом разогревая его. Еще во времена первого спутника американские ученые замораживали собак, а затем снова оживляли примерно через час. Считалось, что русские делали то же самое с людьми, а затем заявили, что гипотермия дала удивительные результаты.

Гипотермия... А что, подумал Хэммонд, если все это сделалось мгновенно, как это не делали прежде в лабораториях, а сейчас это сделал космос? Настоящая супергипотермия, которая действует с ужасающей скоростью, замораживая каждую клеточку в теле прежде чем какой-нибудь орган разрушится. Возможно, сейчас, когда спутник упал к Земле в разреженный воздух верхних слоев атмосферы, увеличивающееся тепло от трения спутника возродили его.

Все это пронеслось в голове Хэммонда, типичная попытка человека двадцатого века найти рациональное объяснение невероятного. А затем он позабыл это. Ибо внезапно осознал, что как бы то ни было он вернулся к жизни для того, чтобы быстро умереть, если он ничего не предпримет.

Спутник раскалялся с каждой минутой. Хэммонд не мог больше выносить прикосновение раскаленного металла. Спутник вращался в верхних слоях атмосферы и трение раскаляло Центр Девятнадцать. Вскоре он сгорит, как падающий метеор.

И сгорит вместе со спутником, если не выберется из него.

До этого мгновения он был настолько изумлен и парализован, что не думал об этом. Но теперь инстинкт самосохранения привел его ум в лихорадочное состояние. Вследствие каких-то загадочных космических факторов Центр Девятнадцать вернулся к Земле. Теперь от Хэммонда зависело как выбраться. Его тело все еще было словно налито свинцом, голова раскалывалась, но он начал тщательно обдумывать создавшуюся ситуацию.

Внизу находилась освещенная сторона Земли, большая часть покрыта облаками. Ему показалось, что он узнал Иберийский полуостров. Если это так, то он двигался над Тихим океаном по направлению к Северной Америке, которая была на теневой стороне. Он должен точно определить время катапультирования из спутника, когда будет над Землей.

Неуклюжими пальцами он трогал рычаги и переключатели. Неожиданно ему на ум пришла очень смешная мысль.

«Неужели они не удивятся, когда их мертвый герой спустится на парашюте живым?»

Кресло Хэммонда было подвешено таким образом, что он висел внутри пластиковой чаши внутри спутника. Теперь, когда заработал пульт управления из-под Хэммонда поднялись другие пластиковые секции и запаковали кресло и пульт экстренного катапультирования.

Хэммонд не выпускал кислородной трубки изо рта, вглядывался сквозь пластик и стекло иллюминатора, чтобы определить, где находится Девятнадцатый.

«О чертовы облака! Не смогу увидеть огней городов.»

Спутник несся к теневой стороне Земли, которая была почти полностью закрыта облаками.

Внутри пластиковой сферы становилось все жарче. Внезапно он увидел, что алюминиевое ребро иллюминатора начало слегка светиться и коробиться. Центр Девятнадцать приближался к критической точке нагрева от трения.

Хэммонд едва удержался, чтобы тут же не дернуть рычаг катапультирования. Он находился где-то над Атлантикой, была ночь и его не смогут найти в течение длительного времени.

Нет, ждать, пока он не убедится, что находится над твердой землей.

Но мог ли он ждать? Зловещее слабое красное пламя покрывало всю поверхность спутника и у него от жары кружилась голова. Он сцепил зубы и стал ждать. Он не мог видеть, с какой скоростью и на какой высоте летел. Мог только предполагать. Однако

считал, что летит уже над побережьем. Подождать еще немного, чтобы полностью удостовериться...

Хэммонд дернул один из двух рычагов. Ничего не произошло.

Его снова охватила паника. Если не сможет открыть люк катапультирования, то не выберется. С неистовством он тянул рычаг.

В этот рычаг заработал. Со скрежетом нижняя часть спутника отделилась и взорвалась. Теперь Хэммонд мог прямо сквозь пластик прямо под ноги. Его пальцы ухватили другой рычаг, на котором была буква "К". Рычаг был так раскален, что его едва можно было держать. Хэммонд не мог больше ждать. Конечно же, он был над твердой землей.

Хэммонд потянул рычаг "К".

Его страшно дернуло, когда катапульта выбросила капсулу. Тело Хэммонда, налитое свинцом, мотало из стороны в сторону, в то время как капсула крутилась вокруг своей оси. Кислородная трубка выпала у него изо рта. Он начал шарить вокруг, но огненная дымка не давала ничего увидеть. Стало трудно дышать. Боль в легких заставила его еще судорожнее задвигать руками. Наконец пальцы нащупали раскачивающуюся трубку. Он сунул ее в рот, а потом едва не выронил снова при очередном рывке. Через некоторое время в голове слегка прояснилось. Капсула перестала вращаться. Он поднял голову и увидел небо, усеянное звездами. Первый раз после пробуждения. Прямо над ним висел парашют капсулы. Он раскрылся как раз вовремя. Хэммонд опускался на ночную поверхность Земли.

От облегчения его слегка передернуло. Все, что он делал до этого момента, он делал механически, благодаря своей тренированности.

Он почувствовал некоторое возбуждение.

«У меня получится...»

Кровь пульсировала в венам. Он почувствовал ужасную слабость, но новое состояние вымыло из него свинцовую тяжесть. Хэммонд с жадностью взглянул вниз. Там плыли только свинцовые облака. Пока он их не пролетит ничего не увидит.

Прошло много времени, прежде чем он спустился под облака. Сердце неистово застучало, когда он вынул изо рта кислородную трубку. Она была больше не нужна...

Он продолжал всматриваться вниз, ловя какие-нибудь огни.

Никаких огней не увидел. Вокруг была плотная, ужасающая темнота и он не был даже уверен что пролетел сквозь облака. Но он же должен уже что-то видеть! Затем, внезапно, глаза уловили какое-то слабое свечение. Он с ужасом осознал, что свечение было не далеко под ним, а очень-очень близко и понял, что это такое.

Это было море. Он ошибся и катапультировался раньше времени.

Пластиковый шар ударился о воду и его подняло на гребень волны. Хэммонд вспомнил о парашюте и нажал отцепляющее устройство. Капсула катапультирования была сконструирована и для посадки на воду. Сейчас она поднималась вверх и опускалась вниз и спасенный почувствовал себя маленьким в плавающей бутылке. Он расслабился, чувствуя себя ужасно и заснул.

Когда он проснулся, то подумал, что прошло несколько часов. Над морем дул ветер и облака рассеялись. На всем небе сияли звезды. Хэммонд взглянул на запад. Конечно же он не может быть далеко от побережья. Там, где звезды соприкасались с океаном, он увидел темную низкую полосу. Он почувствовал уверенность в том, что это побережье и ветер гонит капсулу в нужном направлении.

Хэммонд взглянул на небо. Казалось невероятным, что он вернулся оттуда, пережив ложную смерть в космосе, снова пробудившись, когда по какой-то странной и загадочной причине спутник вернулся к Земле. Что же послужило этому причиной?

Но вопрос этот вылетел из его головы, когда он пристально взглянул на звезды в северном направлении.

Что-то странное произошло со звездами, странное до сумасшествия.

Хэммонд отлично разбирался в созвездиях. Тщательное их изучение было частью астронавигационного курса, который им вдалбливали до прибытия на Канаверал. Северные созвездия, мерцавшие низко над морем, были не такие как положено. Большая Медведица, Дракон и другие медленно вращались вокруг небесного северного полюса. Но центром этого движения была не Полярная звезда. Он был тусклее и Хэммонд узнал ее – это была Дельта Лебедя, которая находилась на много градусов дальше, чем бывшая Полярная звезда.

Сначала он не мог поверить своим глазам. Но по мере того, как капсула перекатывалась по направлению к суше, а Хэммонд продолжал следить за звездами, у него исчезли все сомнения. Он был сильно озадачен.

«Но ведь это означает, что прошли сотни лет. Нет, не сотни, а тысячи.»

Небесный северный полюс постоянно менял свое местоположение на небе из-за прецессии равноденствий. В течение двадцати семи тысяч лет полюс описывает небольшой круг на небе.

Если полюс был сейчас около Дельты Лебедя, значит он совершил одну треть круга. А это означает, что прошло около десяти тысяч лет с того времени, как Хэммонд в последний раз наблюдал северные звезды.

Десять тысяч лет? Это было слишком смехотворно. Слишком фантастично. Или это была какая-то аберрация света или что-то случилось с его глазами. Невозможно было представить, что прошло такое огромное количество времени с тех пор, как он умер, с тех пор...

На смену раздраженному неприятию в голову ему пришла мысль, от которой он похолодел: может, было какое-то объяснение, о котором он не предполагал, нечто потрясающее. Сон в замороженном состоянии, состояние ультрагипотермии, в которой он находился. Даже не подумав, он считал, что это состояние длилось недолго. Несколько дней, неделю, но не больше. Но на каком основании он так думал? Абсолютный и постоянный холод заморозил все клеточки в его теле, когда он открыл люк. Он мог быть в этом состоянии как день, так и год. Или даже тысячу лет.

Сколько же времени он провел в замороженном состоянии?

Мерцающие стрелки звездных часов дали ему ответ, но он не мог принять этот ужасающий ответ.

Но все же это объясняло, почему Центр Девятнадцать вернулся к Земле. Когда Хэммонд открыл люк, чтобы избежать ужасного конца, спутник находился за Луной в направлении космоса по огромной эллиптической орбите, Хэммонд вычислил, что спутник вернется на орбиту через много лет и, возможно, попадет в гравитационное поле Земли. Если произошло именно так, если звездные часы показывали истинное время, то Хэммонд сидел в течение столетий замороженный в капсуле, пока спутник не подошел так близко к своей планете, что попал в гравитационное поле Земли и тепло от трения в атмосфере пробудило его.

Голова ходила кругом. Он не мог, не хотел поверить этому. Если это на самом деле было так, то с тех пор как он стартовал с мыса Канаверал, бесчисленные поколения людей родились и умерли на Земле. Если это было именно так, то как свечи на ветру появились и исчезли целые народы и империи, а он, замерзший, находился в это время в коме, как ему казалось, кратковременной. И если это было именно так, все, кого Кирк Дуглас знал на Земле, давным-давно умерли и прах их развеялся по ветру, а память о них давно позабыта.

Джон Уиллинг и Барнет, и Крэй, и та девушка из Кливленда, и...

Нет. Было какое-то другое объяснение, должно было быть. Он все узнает, когда доберется до суши. Потом будет смеяться над такими фантастическими мыслями. Все они будут смеяться.

Хэммонд внимательно всматривался в приближающуюся землю. Он хотел как можно быстрее достичь ее, чтобы избавиться от этих кошмарных мыслей.

Темная толстая линия побережья возвышалась под звездным небом. Вскоре под ней он

увидел белую спектральную линию и понял, что это прибой. Беспокойство охватило его. Прибоем капсулу может швырнуть о скалы. Его тревога возросла, когда он приблизился к берегу и увидел темные пятна скал, о которые бился прибой. Он ослабил ремни и приготовился выбираться из капсулы и плыть к берегу. Однако ничего страшного не произошло. Прибой приподнял капсулу между двумя утесами и мягко опустил ее на песок. Хэммонд мгновенно выбрался из нее. Едва ноги его коснулись песка, он упал лицом вниз и рот его наполнился песком. Ноги не держали. Он позабыл сколько времени просидел в полубессознательном состоянии в спутнике, не говоря уже о том, сколько времени провел в космосе в замороженном состоянии.

Не в состоянии двигаться, он лежал на песке. Он сдался.

Затем холодный поток воды накрыл тело и озноб, охвативший его и страх быть смытым в океан заставил сделать новую попытку. Ноги не держали его и он пополз на четвереньках дальше по берегу, пока не достиг скалы, к которой мог прижаться. Через несколько минут Хэммонд ухватился за скалу и с трудом встал на ноги. Держась за нее, он все же мог стоять. Не отпуская скалу, он снова направил свой взор вверх, чтобы посмотреть на эти непонятные северные созвездия.

Но подняв голову, он увидел огоньки, похожие на светлячков.

Их было несколько штук высоко над освещенным звездами морем. Они кружились и вращались по большой площади. Хэммонд понимал, что это не могли быть светлячки. Значит, это бортовые огни самолетов. Но огни не были похожи ни на какие самолеты.

И вдруг без всякого предупреждения его схватила чья-то мощная рука.

– Какого черта! – воскликнул Хэммонд, пытаясь повернуться.

Но не смог сделать этого. Правая рука была захвачена в замок и закручена за спину. Не в состоянии повернуться, Хэммонд судорожно пытался освободиться, чтобы взглянуть на напавшего.

Человек, который держал его, был грузным и крупным. На нем был темный пиджак свободного покроя и брюки. Он был выше Хэммонда на добрый фут. Блестящие черные волосы были коротко подстрижены. Их частично плотно закрывал тюрбан. Но Хэммонда изумило его лицо. Оно было массивным и напоминало лицо бывшего боксера, на вид вовсе не противное. Но глаза его смотрели на Хэммонда враждебно и подозрительно. А самым поразительным был цвет лица.

Оно было голубое.

Держа Хэммонда как ребенка, голубой человек незанятой рукой указал на огоньки светлячков вдалеке и начал что-то резко говорить. Хэммонд не мог понять ни слова. Это не был английский или какой-то другой язык, который он когда-либо слышал. Стоя здесь на казалось бы знакомом побережье Америки и глядя на этого человека неведомой расы и языка, Хэммонд внезапно с ужасом почувствовал уверенность, что звездные часы показывают правильное время и он веками носился в космосе в замороженном состоянии.

Голубому человеку явно не понравилось то, что Хэммонд ничего не понимал. Кроме того, незнакомец был чем-то озадачен. Он показал на голову Хэммонда, потом на свою собственную, затем снова на мерцающие светлячки над морем.

– Врамэн, врамэн! – повторил он резким тоном, в котором было либо подозрение с вызовом, либо предупреждение.

Хэммонд ничего не понял. Снова человек вопросительно показал на свою собственную голову, а затем на голову своего оппонента.

Хэммонд посмотрел на него более внимательно. Он увидел, что тесный тюрбан, который частично покрывал череп голубого человека, был сделан из сверкающего металла.

– Врамэн! – внезапно завопил он, показывая на восток.

Хэммонд посмотрел туда и увидел, что светлячки расходятся. Один из них все еще висел низко над морем, а остальные плыли на запад, быстро приближаясь к берегу.

Лицо голубого человека выражало неуверенность и сомнение. Наконец он, казалось, пришел к какому-то решению. Он резко пригнул Хэммонда к земле и потащил в глубокую

черную тень утеса. Хэммонд сердито сопротивлялся, но голубой человек без всяких усилий легко удерживал его и яростным движением подавил всякое сопротивление.

Хэммонд взглянул вверх и увидел, что один из светлячков приближается к ним на низкой высоте. Он летел почти бесшумно и с большой скоростью. Хэммонд мог различить длинный прозрачный фюзеляж. Луч света из него все время двигался, что-то отыскивая, и Хэммонд понял, почему принял эти огни за светлячки. Голубой человек сзади него перестал его держать, отмотал часть металлического тюрбана и тонким ножом отрезал этот кусок. Это было так непонятно, что Хэммонд, позабыл о том, что свободен, раскрыл от изумления рот.

Внезапно прямо у себя в голове Хэммонд услышал чистый голос. В голосе звучали повелительные интонации и действовал он гипнотически.

«Выйди из укрытия и покажись, – скомандовал голос. – Сообщи нам свое местонахождение».

Хэммонд совершенно механически поднялся на ноги и направился из тени к освещенному звездами берегу. Голубой человек схватил его за лодыжки и опрокинул. Затем обмотал голову Хэммонда куском металлической ткани, который отрезал от тюрбана. Гипнокоманды прекратились.

Тело Хэммонда неистово тряслось, как будто его оттащили от края бездны. Все то, что он только что перенес, не было похоже на земные переживания. Он лежал в тени, дрожа, как загнанное животное.

Что же это за Земля, на которую его забросило?

Но его компаньон, казалось, воспринимал все как само собой разумеющееся.

Голубой человек припал к земле, внимательно глядя на аппарат-светлячок, который вертелся туда и обратно. Эти молчаливые летательные аппараты все время прочесывали побережье. Хэммонд начал кое-что понимать. Этот странный мысленный приказ исходил из этого аппарата и, поскольку он был мысленный, не было никаких языковых барьеров. Напрямую посланная мысль не требует перевода. Металлический тюрбан был изготовлен из материала, который обеспечивал защиту от гипнотической атаки. И голубой человек носил тюрбан именно по этой причине, а обрезанный кусок обеспечил защиту Хэммонду.

Голубой человек хмыкнул удовлетворенно. Все остальные светлячки летели теперь обратно к тому, который остался вдали, высоко над морем. Они, по всей вероятности, прекратили поиски.

Выпрямившись, голубой человек посмотрел на Хэммонда.

Он все еще был настороже, но в нем было больше интереса и любопытства, чем враждебности. Наконец, он коснулся своей груди и заговорил.

– Рэб Квобба, – сказал он.

По крайней мере, это было понятно. Хэммонд коснулся своей груди и назвал свое имя.

– Хэммонд? – повторил человек со странным акцентом. Он глядел на Хэммонда с озадаченным видом, затем указал на темную землю на западе и спросил: – До рурума?..

Это не означало ничего. Хэммонд пожал плечами, показывая, что ничего не понял.

Рэб Квобба нахмурился. Он был крупным и интересным мужчиной, но явно не относился к интеллектуальному типу. Он вновь показал вглубь земли и повторил: – Рурума? Дэл врамэн?..

Хэммонду показалось, что он спрашивает, не прибыл ли Хэммонд, с того направления которого прилетела эскадрилья светлячков. Он не был уверен, но решил попытаться и покачал отрицательно головой.

Квобба нахмурился, встал и, казалось, принял решение. Он сделал знак Хэммонду, чтобы тот сопровождал его и направился вдоль берега к югу длинными шагами. Какое-то мгновение Хэммонд колебался, а потом пошел за ним. Он не имел ни малейшего представления, куда они направлялись и кто был этот крупный голубокожий человек. Хэммонда забросило на какую-то Землю, которая была непонятна ему также, как чужая планета. Но он почувствовал что-то угрожающее в гипнотической атаке, которой подвергся. А Рэб Квобба был настроен дружелюбно. По крайней мере, до настоящего момента.

Он прошел с десяток шагов, а затем остановился, покачиваясь. Ноги были слабые и словно налитые свинцом. Он не мог даже стоять. Квобба быстро обернулся и вернулся к нему. Казалось, голубой человек понял, что Хэммонд слаб. Он хмыкнул и одной рукой обнял Хэммонда.

Квобба старался все время находиться в тени валунов, которые покрывали берег. Он быстро пересекал незатененное пространство и настороженно смотрел на светлячков над морем. Казалось, он очень торопится добраться до того места, куда они направлялись. Голова Хэммонда была в тумане. Силы его уходили и он передвигал ногами, как плохо изготовленная механическая кукла. Он все больше повисал на мускулистой руке Квоббы. На мгновение он вздрогнул и вышел из оцепенения.

Далеко на западе вверх взметнулся столб огня. Он был похож на чудовищную молнию, оставляющую после себя яркий огненный след. Когда след исчез, вдали раздался взрыв.

Квобба в ответ на вопрошающий взгляд Хэммонда показал на запад, а потом вверх по направлению к звездам. Хэммонд был изумлен. Огненная вспышка выглядела как след от запускаемого космического корабля. Если в самом деле прошли столетия, люди, наверное, полностью покорили космос? Возможно, даже межзвездное пространство?

Но если это было так, почему некоторым людям с Земли приходилось прятаться и от кого?

Хэммонд качался из стороны в сторону и понял, что не может дальше идти. Наконец Квобба остановился. Они стояли в тени большого валуна далеко от побережья в глубине суши.

Голубой человек тщательно оглядел все звездное небо, затем заговорил резким тоном:

– Шау таммас! Квобба – абэн!

Часть огромного валуна сдвинулась вовнутрь, открыв темное отверстие. Сначала Хэммонд подумал, что его подводят глаза. Затем он понял, что весь валун был полым. У него было мало времени, чтобы оглядеться, так как Квобба торопливо втащил его внутрь. Послышалось что-то вроде вздоха, когда отверстие закрылось за ними. Они очутились в полной темноте. Затем в глобусе над ними зажегся свет.

Хэммонд стоял, покачиваясь и осматривая все. Внутренняя часть ложного валуна состояла из небольшой комнаты. В ней было трое мужчин, тоже одетых в темные пиджаки и брюки. Двое из них были обычными людьми примерно его возраста. Третий человек, которого Квобба называл Таммас, выглядел совсем необычно. Это был сморщенный человечек со сморщенным золотисто-желтым лицом и выпуклыми черными глазами. Однако в лице его не было ничего от человека восточного типа. Он удивленно вскрикнул, увидев Хэммонда, остальные глазели в изумлении.

Хэммонд перевел свой взгляд с людей на большой прибор, который занимал большую часть комнаты. Он выглядел как шестидюймовый телескоп, установленный на тяжелом постаменте. Однако на нем были детали, которых не могло быть на телескопе. Хэммонд заметил, что секция потолка была тоже выдвижная, чтобы большую трубу можно было выдвинуть в небо. Неизвестный прибор, предназначенный неизвестно для каких целей, привел Хэммонда в еще большее изумление.

Квобба снял тюрбан с головы Хэммонда и потянул к отверстию колодца, которое зияло на одной из сторон комнаты. Узкая спиральная металлическая лестница вела вниз этого вертикального ствола. Хэммонд стал спускаться по ней. Голубой человек шел спереди, поддерживая его. Ссохшийся человечек по имени Шау Таммас шел за ними с проворством обезьяны. Внизу был виден яркий свет и они шли прямо к нему в большую комнату, выдолбленную в скале.

Комната была большая и выглядела величественно. Блестящие белые глобусы на потолке давали освещение почти без тени.

Вдоль стен стояли незнакомые станки, столы с приборами, блестящие металлические части машин в сборе. Множество людей работало на этих станках. Большинство из них были мужчины, но были и женщины в рубашках и шортах. У этих людей был абсолютно

знакомый вид, но несколько человек выглядели так же необычно, как Квобба и Таммас – несколько плотных мужчин с красными черепами, тощий мужчина с впалыми глазами и с лицом серого цвета. Они оторвались от работы и взглянули на Хэммонда с удивлением и тревогой.

Хэммонд тоже глядел на них и видел их лица как во сне. Он чувствовал, что почти теряет сознание. Он опустился бы на пол, если бы Квобба не поддерживал его, когда вел через зал. Следом за ним шли возбужденные мужчины и женщины и говорили что-то громкими голосами. Они пришли в небольшую комнату. В ней висели полки странных книг в металлических переплетах, карты астрономических диаграмм, стояли столы с разбросанными вещами.

– Эз Джон Уилсон, лэнф до ноос хоомен, – сказал Квобба Хэммонду, указывая на мужчину, который шел навстречу.

Джон Уилсон был пожилой человек. Он очень напомнил Хэммонду кого-то. Внезапно он вспомнил. Это был человек по имени Джон Браун из Хэрпер Фэрри. Резкий фанатичный лидер. Хэммонд видел его фотографии и вспомнил, что этот человек был похож на Брауна.

То же самое узкое и худое, как бы вырубленное лицо, те же самые волосы стального цвета, те же самые глубоко посаженные глаза. Все было похоже, кроме бороды.

Около него стояла стройная девушка. Черные волосы ее ниспадали до плеч. Она смотрела на Хэммонда внимательно и с беспокойством во взгляде. И была очень красива. Глаза ее широко открылись от изумления.

– Эз ан до врамэн? – спросила она Рэба Квоббу.

– Нан, Ива! – сказал голубой человек.

На лице у него была написана искренность, когда волнуясь и показывая вверх, он давал объяснения. С каждой минутой Хэммонду казалось, что это сон. Все покрывалось дымкой. Он держался на последнем волевом усилии. Ему казалось, что на него падает гора. Он старался держаться.

Вдруг он понял, что происходит перебранка. Высокий человек с суровыми глазами и волосами песочного цвета что-то быстро говорил Джону Уилсону, жестикулируя и указывая на Хэммонда, глядя на него с подозрением. С подозрением и ненавистью.

– Дито, эз фа врамэн! – сказал человек с песочного цвета волосами и толпа одобрительно загудела. Но Квобба отрицательно и сердито покачал головой.

– Эз нан, Лунд!

Но человек с песочного цвета волосами только повысил голос.

Все предельно ясно, подумал Хэммонд. По крайней мере некоторые из этих людей считали его шпионом или союзником их врагов, которых они называли врамэны. А он не знал языка и ничего не мог им объяснить.

Еще более важным было то, как он заставит их поверить сказанному.

4

Взгляд Хэммонда упал на астрономические карты на стене и в голову ему пришла интересная мысль. Неуклюжими шагами он подошел к картам. По-видимому, большинство из них были звездными картами Галактики, но одна была диаграммой солнечной системы, на которой были изображены все планеты. Хэммонд взял карандаш и быстро нарисовал на карте небольшую картинку. Он нарисовал крошечный спутник, который ракета выводила с Земли. Внутри спутника была фигурка одного человека.

Хэммонд указал на спутник и на маленькую фигурку в нем, а затем указал на себя. Но от этого враждебность толпы не уменьшилась.

«Как же, черт возьми, я сумею объяснить им, что я спал в спутнике в течение столетий?» – подумал Хэммонд.

Затем он заметил карту, на которой были изображены северные созвездия так, как они были видны с Земли. Небесный полюс был в звезде Дельта Лебедя. Он подошел к карте и

нарисовал несколько линий у Полярной звезды.

Он указал на Полярную, затем снова на спутник, покидающий Землю и на себя. Он надеялся, что они поймут, что он покинул Землю, когда Полярная звезда была звездой полюса, но если они не поняли, он не знал, что еще сможет сделать.

Некоторые из них поняли все сразу. Джон Уилсон понял. Враждебное выражение на его лице сменилось выражением невероятного изумления. Он взглянул на Хэммонда и казалось, хотел уже выразить вслух свое скептическое отношение, но что-то во внешности космонавта остановило его. В его глубоких глазах появилось выражение крайнего ужаса.

– До франн? – сказал он. В голосе его было недоверие и неуверенность.

Он, девушка Ива и другие смотрели теперь на Хэммонда с изумлением, а не с подозрением. Человек по имени Лунд резким тоном возражал, а Квобба отвечал ему громко и возбужденно, но Хэммонду было уже безразлично. Казалось, что вся комната потемнела и стала крутиться вокруг его.

Квобба побежал к нему и вместе с темноволосой девушкой подхватил его. Джон Уилсон пошел впереди, а они вели Хэммонда по коридору в другую комнату. Это была небольшая спальня, выдолбленная в скале, как и другие комнаты этого странного подземного убежища. Сквозь туман Хэммонд чувствовал, как его положили на узкую койку и чем-то накрыли. Затем он провалился в сон.

Ему приснился кошмарный сон.

Снилось ему, что он совсем не спит, но полностью заморожен и безжизнен. Только так, как бывает во сне, он взглянул вокруг и увидел себя, Кирка Хэммонда, сидящего с ледяным достоинством как на троне внутри металлической капсулы. А трон, на котором сидит этот замороженный Хэммонд, находится далеко от Земли. Он двигается сквозь гигантскую темень, поворачивая то туда, то сюда. Замерзшие глаза глядят ничего не видя, на планеты и луны, которые появляются из этой тьмы, а затем опускаются позади него. Глаза видят бледное великолепие комет со струящимся светом и яркое грандиозное мерцание дальних звезд. А затем на слепые глаза падает яростная радиация солнца, когда трон-капсула, где он сидит, поворачивается, чтобы лететь обратно. Да, он был императором пространства и времени, ибо какое значение имеет время для усопших? Из года в год, из века в век он поддерживал свое ледяное императорское состояние. И все было замечательно, пока, наконец, он не услышал полный отчаяния голос: «О, Боже, я мог бы скакать в скорлупке от ореха и считать себя императором бесконечного пространства, вот только если бы у меня не было плохих сновидений!». А затем ореховая скорлупка-спутник раскрошился вокруг него и он одинок в космосе, и совсем не император, а усопший человек, который должен возродиться снова. И Хэммонд проснулся неистово вопя ту самую строчку из «Гамлета» и борясь с руками, которые пытались удержать его. Затем пришла боль в руке и наступил сон без сновидений.

Он просыпался наполовину снова и снова, а затем наступило время, когда проснулся полностью. Он чувствовал страшную слабость но, наконец, не чувствовал больше тошнотворного головокружения. Несколько минут он лежал, глядя на гладкий потолок скалы, на котором мягко излучал свет один глобус. Тот ночной кошмар не был просто сновидением. Это были те глубокие воспоминания, которые сохранило его физическое тело, каждая нитка его естества, сохранило то, что позабыл мозг.

При этой мысли от страха, охватившего его, Хэммонду захотелось заплакать. Он взглянул на свои руки и подумал о тех руках, замороженных и безжизненных, которые лежали на подлокотниках катапультирующего кресла в то время, как спутник тащился по бесконечной орбите, пока не попал в сферу притяжения Земли. Проходили годы, десятилетия, века. Как же человек мог пройти сквозь это и все же сохранить в себе человеческое естество? Как ему выбросить ледяной холод космоса из своих костей? Как сохранить душу от ночных кошмаров? Они будут приходить снова и снова и он сойдет с ума от них и...

Хэммонд не ощущал, что сидит на койке и неистово вопит, пока Квобба не вбежал с

девушкой Ивой в комнату. Голубой человек силой пытался уложить его в постель, разговаривая с ним громко и оживленно, как с перепуганным ребенком. Ива пронзительно глядела на него, грустная и перепуганная.

Хэммонд перестал сопротивляться и откинулся на постели. Он тупо повторял: «Все в порядке, все в порядке...». Затем осознал, что они ничего не понимают и заставил себя улыбнуться и кивнуть головой.

Теперь он прочел на их лицах облегчение. Квобба с горячностью сказал: – Эз нан до, врамэн!..

Он прошел в угол комнаты и вернулся с какими-то предметами, которые хотел показать Хэммонду. Он выглядел как защитник в суде, который выиграл дело.

Хэммонд узнал свою куртку и всякую мелочь, которая была у него в кармане. Книга с астронавигационными таблицами, небольшая линейка, полупустая упаковка с таблетками-стимуляторами. Лицо Квоббы расплылось в улыбке, когда он демонстрировал все это Хэммонду. Ива тоже улыбалась, но с некоторым ужасом в темных глазах. А когда Джон Уилсон торопливо вошел, чтобы сделать Хэммонду укол, у него был вполне дружелюбный вид.

Хэммонд понял, что они поверили ему. И внезапно он все понял. Эти простые предметы – ткань его куртки, книга на давно мертвом языке – предметы далекой старины. Все в нем, начиная с пломб в зубах и кончая пуговицами на брюках, служило бы доказательством для любого ученого. Никакие слова не были бы так эффективны и убедили бы их в том, что он говорит правду и что он не враг, не врамэн.

Он подумал, что нужно еще подтвердить это и сказал:

– Врамэн, – отрицательно и яростно тряся головой. Затем он указал на них и спросил: – Врамэн?..

Ива тоже отрицательно покачала головой. Ее глаза сверкали.

– Нан! Син до хумэн!

Хумэн! Как себя называли эти люди? Это звучало, как «хомо». Он хотел бы узнать больше, но Ива прижала его крепко к подушке. Она говорила с ним и он понял, что она приказывает ему спать. Он боялся заснуть, боялся, что ночной кошмар повторится вновь и его снова унесет в мертвое одиночество. Но он не мог сопротивляться лекарству, которое ему дали. И он заснул без сновидений.

Проходило время, которое он ощущал как периоды сна и бодрствования. Он чувствовал, как силы постепенно возвращаются к нему. У него не было аппетита, и хотя питательные желе, которые давали ему, не вызывали энтузиазма, он выздоравливал. Он хотел уже вставать, но Джон Уилсон и Ива, которая была его дочерью, не разрешили. Они также не позволили много разговаривать, и ему ничего не оставалось, как лежать глядя в потолок и размышлять. Он думал о друзьях, которые умерли века назад, обо всех обычаях, языках, нациях и народностях и ужасное одиночество охватывало его. Бывали моменты, когда он чувствовал, что только одна вещь удерживает его от сумасшествия.

Это было его любопытство. Он постоянно хотел знать что это за странная Земля будущего, в которую его выбросило. Он хотел знать, кто такие врамэны и кто такие хумэны, и почему они прятались, и что здесь делали и почему некоторые из них не земляне. Он хотел знать, был ли то космический корабль, чей грохот он слышал. Он хотел знать о них все, но нужно было выучить язык.

Долгими часами Ива обучала его, когда он уже сидеть. Она объясняла ему жестами и картинками, терпеливо увеличивая его словарный запас. Язык несколько напоминал языки его прошлого и общая структура, казалось, была похожа и это помогало ему. Но Квобба и желтый человечек Таммас не помогали совсем. Казалось, они говорили на каком-то диалекте или пользовались жаргоном и в конце концов Ива запретила им обучать Хэммонда.

Но когда Хэммонд научился задавать Иве простые вопросы, он обнаружил, что это не очень помогает. Иве было неудобно и она сказала:

– Мой отец все объяснит тебе.

– Когда? – потребовал он. – Как скоро?

– Скоро, – уклончиво сказала она. – Ты еще плохо говоришь. Нужно выучить больше слов.

Это возбуждало любопытство Хэммонда. Он был в мире, который коренным образом отличался от того, который он знал и языковый барьер не давал ему возможности узнать больше. Ему хотелось выучиться.

Наконец он потерял терпение и потребовал, чтобы его выпустили из подземной камеры.

– Я хочу солнца, – сказал он. – Я хочу выйти наружу.

Ива выглядела подавленной.

– Погоди, – сказала она и вышла из комнаты.

Она не вернулась. Вместо нее пришел Джон Уилсон.

Он стал глядя на Хэммонда и у Хэммонда снова появилось странное ощущение, что он был Джон Браун из Потаватами и его глубоко посаженные глаза испытующе глядели на Хэммонда. Он был убежден, что Уилсон был человеком, для которого важны идеи, и что он готов пожертвовать любым человеком и самим собой во имя идеи.

– Ты не можешь еще выходить, – сказал он. – Тебе повезло, что ты остался жить. Мы сперва думали, что ты не выживешь.

Хэммонд спросил:

– Сколько...

Затем он остановился и не смог сформулировать вопрос.

Сколько времени я был мертв? Сколько веков мое замерзшее тело носилось в темноте и молчании?

Как можно сформулировать такой вопрос? Но Джон Уилсон понял. Он сказал:

– Твое тело и твои вещи говорят о том, что ты родился очень давно. По старой хронологии в двадцатом или двадцать первом столетии.

– Я родился в 1949 году, – прошептал Хэммонд.

На мгновение Уилсон задумался.

– Тогда по той хронологии, которой мы больше не пользуемся, сейчас 12094 год.

Значит, все было правильно и звездные часы не обманывали. Но истинность эта была ужасающей для восприятия.

– Но как я мог снова вернуться к жизни? Я слышал об опытах по гипотермии, нечто подобное...

Уилсон пожал плечами.

– В нескольких словах я не могу описать тебе современную науку. Большинство терминов и слов ты просто не поймешь. Давным-давно в первый период покорения космоса мы узнали, что человека, погруженного в глубокую гипотермию космоса можно оживить. Обычный холод, обычное замерзание прекращает доступ крови к мозгу и его клеточки разрушаются до наступления полной гипотермии. А космический холод замораживает клеточки, не разрушая их. Все органы замерзают без повреждений. Выяснилось, что постепенное нагревание тела замороженного таким образом восстанавливает жизненные процессы.

Джон Уилсон прервал свою речь и задумчиво посмотрел на Хэммонда.

– В старое доброе время начала покорения космоса сказали бы, что тебя выбрало провидение. Когда спутник попал в атмосферу Земли, он начал разогреваться от трения и это привело к тому, что ты вышел из гипотермии.

Хэммонд охватил свою голову руками и закрыл глаза. Затем, поборов себя, он сказал:

– Ты говоришь, в первое время покорения космоса. Значит, космос покорен?

– Да, – сказал Уилсон.

– Звезды тоже?

– Да.

– Ну, а Квобба и Таммас...

– Квобба родился на одном из миров Веги, а Таммас с Мизара. Земляне колонизировали некоторые далекие миры, Хэммонд.

Хэммонд чувствовал, как тяжело бьется пульс. Значит, мечта его времени сбылась и за первыми попытками, обреченными на неудачу, как его собственная, последовали другие и океаны космоса открылись людям.

Хэммонд произнес это и Джон Уилсон рассмеялся. Это был резкий ужасающий звук и Хэммонд увидел глубокую горячую искорку в его глазах.

– Нет, – сказал он. – Ты ошибаешься. Космос покорили люди типа меня и типа моих предков. Но он не принадлежит ни нам, ни тебе. Космос принадлежит врамэнам.

Хэммонд сказал:

– Кто такие врамэны?

– Они те, из-за которых ты не можешь выйти, – сказал Уилсон. – Они наши враги и твои враги тоже. Они все еще прочесывают все побережье. Их радары засекли твой спутник, когда он падал на Землю, а их аппараты обнаружили твой парашют в море. Они охотятся за тобой, Хэммонд.

5

Хэммонд лежал без сна и груз тысячелетий давил на него. Была полночь, хотя он знал это только потому, что лампочки на потолке светили чуть тусклее, а гул в других комнатах прекратился. Он лежал в темноте и в молчании и лихорадочно обдумывал все то, что сказал ему Уилсон, а тысячелетия давили на него как снежный обвал.

Джон Уилсон рассказал ему многое. Впервые он тщательно и подробно отвечал на каждый вопрос Хэммонда. Уилсон спокойно спал, потому что все это было так знакомо ему, было нормой, статус-кво. Но Хэммонд не мог спать. Мозг его представлял собой яркий калейдоскоп, а образы, которые породили слова Уилсона, вертелись в калейдоскопе, пока в голове его не зашумело. Фантастические, прекрасные видения.

Земля посылает свои корабли, справляет по ним траур и продолжает упрямо посылать корабли снова и снова, пока один из них не возвращается. Кто-то, подумал Хэммонд, был более счастливым, чем я. Затем корабли стартуют гордые и уверенные в себе и берут детей Земли на необжитые планеты, наполняют их жизнью и юностью, и так до тех пор, пока дети Земли не расселяются по всей Галактике. Теперь они рождаются под чужими солнцами на бесчисленных чужих планетах. Они изменились как Квобба и Таммас, чтобы соответствовать окружающей среде, но все равно они остаются детьми Земли и космос принадлежит им.

По всем правам и законам космос принадлежит им. Но они им не владели. Им владели врамэны.

Странно, подумал Хэммонд, но он уже начал ненавидеть это имя. Он никогда не видел врамэна. Он знал только историю, которую рассказал ему Уилсон. И если она была не просто скопищем лжи, то по крайней мере так украшена фантастичными предрассудками, что ей невозможно было поверить. Хэммонд повторял себе, что легко получить от этих людей целую кучу предубеждений просто потому, что они относились к нему хорошо и нравились ему и у него не было другой информации, чтобы оценить все то, что они ему рассказали. Даже имя их «хумэны» было просто семантической ловушкой, которая автоматически объединяла его с ними и настраивала против не-людей врамэнов.

Но как он не старался быть справедливым, говоря, что не должен принимать решения по этому или тому факту пока не получит больше информации, все равно он чувствовал слепую ненависть при мысли о врамэнах. В какой степени на него влияли чувства людей, его окружавших. Но в большей мере это было его собственное ощущение и он знал, почему. Причиной тому был космос. Он принял скромное участие в его завоевании, отдал за это свою жизнь. Чудесным образом жизнь вернулась к нему и его приводило в ярость, что новая странная порода, которая появилась именно в результате завоевания космоса, стала нагло

между человеком Земли и тем, что он завоевал.

У Хэммонда было чувство собственника по отношению к космосу и к космическим полетам. И то и другое были его личной мечтой и он им бросал личный вызов. И его личным убеждением было то, что космос должен быть настолько свободным, насколько он был огромным.

Но врамэны, по словам Уилсона, так не думали.

Так кто же были эти врамэны, которые нагло захватили господство над космосом? Между ними и людьми было только одно существенное отличие.

Врамэны не умирали.

В сотый раз Хэммонд возвращался мысленно к истории, которую рассказал ему Уилсон. Это была невероятная история, но Хэммонд понимал, что если бы древний римлянин проснулся в двадцатом веке, он тоже посчитал бы атомную энергию чем-то невероятным.

Появились врамэны, по-видимому, случайно. Примерно две тысячи лет назад ученые исследовали район под названием Трифиды, который находился в самой плотной и наименее изученной части Галактики. Это был район с двойными и другими более сложными звездами. Ученые двадцатого столетия называли его Туманностью Трифид. И где-то среди звездной дикости Трифид в мире под названием Альтар они обнаружили тайну бесконечно длинной жизни.

– Что за тайна? – полускептически спросил Хэммонд. – Разве такое может быть?

– Считают, – сказал Уилсон, – что они обнаружили мир с радиоактивными излучениями, не похожими ни на что, нам известное. Ты ведь понимаешь, какое влияние оказывает на нас радиация. Но мы не знаем, что они обнаружили. Что бы они не обнаружили на Альтаре, это не давало вечной жизни обычному смертному организму. Врамэнам можно нанести рану, но они не подвержены болезням и возрасту. Никто не знает, сколько живет врамэн, ибо никто не видел врамэна умершего от преклонного возраста.

Первые врамэны открыли тайны врамэна в Трифиде. Их число увеличивалось за счет тщательно отобранных мужчин и женщин для отправки туда в загадочный мир под названием Альтар. Когда их стало, как они считали, достаточно, все кончилось. Больше к Альтару не пускали никого и в Трифид тоже. Человечество оставалось таким, каким было прежде, то есть с очень коротким сроком жизни.

– Является ли долголетие наследственным? Наследуют ли его их дети?

– У врамэнов нет детей, – ответил Уилсон. – Они также не женятся в нашем понимании этого слова. Хотя они сходятся друг с другом на длительный период и, возможно, совокупляются.

Поскольку все врамэны были выбраны из ученых и срок их обучения был неограничен, им нетрудно было сначала противостоять неорганизованным попыткам хумэнов выудить у них их секрет, а затем уничтожить их из чистой ревности. Они сделались неуязвимыми с помощью мощного оружия и обороны, а затем в течение десятилетий спокойно устанавливали контроль над всей цивилизованной жизнью Галактики. Официально они не участвовали в правительственном учреждении – Федерации Солнц, но их научные знания были так велики, так постоянно росли и их вклад в общественное благополучие так велик, что с неохотой хумэны вынуждены были подчиниться их теневому властвованию. И хумэны отдали врамэнам через посредство Федерации Солнц одну-единственную привилегию, которая была им нужна – право осуществлять непрямой контроль над межзвездными кораблями.

Именно это привело Хэммонда в ярость.

– В соответствии с законом, – объяснил ему Уилсон, – любой звездный корабль был оснащен тайным не поддающимся расшифровке устройством, которое устанавливали на нем врамэны. Оно может взорвать корабль, если он сунется в Трифид, который закрыт всем кораблям, кроме врамэнских. Кроме того, в любой солнечной системе имеются врамэнские станции для радарного контроля любого звездного корабля. Вот почему они так охотятся за

твоим аппаратом. Они не успокоятся, пока не найдут его и тебя.

Хэммонда очень обеспокоила мысль об этом. Ему до сих пор было страшно вспомнить свой контакт с врамэнской мощью, когда гипноусилитель чуть не заставил его сдаться, если бы Квобба не спас его. От этого его ненависть к врамэнам еще более усиливалась. У него было старомодное убеждение, что ум человека и исходящая из него свобода являлись нерушимым правом. В его историческом прошлом большие войны велись за это право. Он не собирался пожертвовать этим правом самозваным суперменам.

И вот именно тогда Уилсон кинул последнюю бомбу.

– Я хочу сказать тебе еще одну вещь, Хэммонд, и тебе потом придется решать, что ты будешь делать. Грубо и откровенно могу сказать тебе, что у тебя небольшой выбор, но я хотел бы рассказать тебе все, что могу.

Тебе очень хочется узнать, что мы делаем здесь, в этих ужасных катакомбах, почему мы прячемся и не высовываем носа наружу. Все очень просто. Мы занимаемся незаконными делами, и если нас поймают, мы получим высшую меру наказания.

Он помолчал, а затем добавил спокойно:

– Мы строим звездный корабль.

Хэммонд молчал. Он не понимал, почему эти слова так поразили его. Наверно, потому что сама идея космического корабля, законный он или незаконный, была для него поразительной.

– Звездный корабль?

– Да. Но без врамэнского устройства в нем. Им будет управлять тщательно выбранная команда. Все мы космонавты и добровольцы и, возможно, сможем достичь места назначения.

У Хэммонда снова начало стучать в висках. Он наклонился вперед.

– Альтар?

– Альтар. Скрытый мир врамэнов. Это будет попытка самоубийства, Хэммонд. Все мы знаем это.

Глаза Уилсона, снова выражением похожие на глаза Джона Брауна, были беспощадные и возбужденные.

– Но если попытка удастся, мы подарим всему человечеству бесконечно долгую жизнь, избавив их от тирании врамэнов и тирании времени. Мы считаем, что стоит рискнуть.

Он встал, глядя на Хэммонда.

– Я не знаю, думаешь ли ты так или нет. Но мы надеемся, что ты присоединишься к нам. Но ты должен решить сам.

Хэммонд глядел на него с изумлением.

– Но зачем я вам нужен? Какой смысл? Ну, предположим, все это верно, но мне все равно не верится, почему именно я? Я не знаю ни звезд, ни звездных кораблей. Я не знаю вашу технологию. По сравнению с вами я примитивен, какая от меня будет польза?

– Нас ожидает великая борьба, – сказал Уилсон. – Даже если мы достигнем Альтара, сообщим секрет врамэнов всей Галактике, только тогда и начнется битва. Народы Галактики привыкли жить под управлением врамэнов и им будет тяжело сбросить это иго. И поэтому ты нам нужен, Хэммонд. Как только мы докажем всем, что ты есть тот, кто ты есть, один из первых старинных космонавтов, ты станешь символом старинной свободы космоса, которую мы хотим вернуть.

Хэммонд хмыкнул.

– Понимаю. Пропаганда имеет силу. Мне следовало бы самому догадаться.

– Не принимай пока решения, – закончил свою мысль Уилсон. – Обдумай все. Поговори с Квоббой, Таммасом и другими. Затем принимай решение.

И вот Хэммонд лежал, обдумывая без сна и покоя в тускло освещенной комнате, вырубленной в скале. У него раскалывалась голова от мыслей, но он должен был решить, что делать.

А что он на самом деле намерен был делать? Он хотел бы вернуться в свое время и

послать к дьяволу это сумасшедшее время, эти разговоры о звездных кораблях и о людях, которые не умирают. Не стоит об этом думать. Обратно вернуться невозможно. Он находится в этом времени и нужно использовать его как можно лучше. Но как разобраться, что самое лучшее?

Во-первых, Уилсон может лгать. Возможно, эти люди просто преступники, которые прячутся от закона. Но нет, он не мог этому поверить. Они здесь что-то строят, он видел, как они работают. Но даже если это был звездный корабль, не было доказательств, что целью его полета будет обнаружение тайного мира врамэнов. Как обрести уверенность?

«Они...»

Слово, которое он произнес, ничего не говорило Квоббе. Наконец, он смог его объяснить.

– Так ты думаешь, они негодяи, – сказал Хэммонд. – Почему?

– А кто хочет умирать? – спросил Квобба. – Никто. Мы бы тоже не умирали, если бы врамэны открыли нам их тайну. Они живут и живут, а мы стареем и слабеем, болеем и умираем. Они говорят нам: «Вам лучше не жить столько, сколько живем мы. Вам это не понравится, вы будете себя плохо чувствовать. Для вашего блага вам не следует владеть этой тайной.» Для нашего же блага! Это просто...

Он снова употребил слово, которого Хэммонд не знал, но ему показалось, что он понимает его значение. А глядя на Квоббу, невозможно было поверить, что он лжет. Значит, это означало, что по крайней мере часть того, что рассказал Уилсон, было правдой. Хэммонд подумал, что эти врамэны и в самом деле грабили по большому счету, что они монополизировали и контроль над космосом, и тайну вечной жизни.

Квобба сел на угол койки, которая заскрипела под его весом. Хэммонд спросил его неожиданно:

– А ты в самом деле с Веги?

Голубой человек удивился этому вопросу.

– Конечно. С Веги-четыре.

– А какая она?

Квобба пожал плечами.

– Очень хороший мир. Однако не похожий на здешний. Я до сих пор еще не привык к желтому или красному свету и зеленой траве и ко всему другому. С моей стороны было глупо покидать свой мир, но я помешался на космосе. Десять лет я летал на космических кораблях, а затем Шау и я познакомились с Уилсоном и решили последовать за ним.

Хэммонд попытался представить, каково это родиться в мире голубого солнца, а провести свою жизнь на звездных путях. Трудно было себе представить. И все таки он чувствовал некоторую гордость от мысли, что он давным-давно прокладывал этот путь.

И гордость его возрастала, когда он беседовал с Квоббой в тусклом свете ночными часами, когда Квобба рассказывал о звездных путях и о людях, которые летали по ним. Голова его кружилась, когда он слушал рассказы веганца о жизни звездолетчика, о сумрачных космических туманностях, в которые корабли почти не осмеливались заходить, о катастрофах и гибели на неисследованных окраинах Галактики, о странных автохтонных расах, которые колонизировали земляне на далеких мирах, когда расы эти впервые там высадились. Думающие скалы Ригеля Два, города-амфибии подводного мира Арктура, деревья-мудрецы Алгола Девять – обо всем этом и о многом другом рассказывал Квобба. Хэммонду трудно было разобраться, что было действительностью, а что было космической легендой. А он, Хэммонд, который так давно мечтал стать первым человеком, облетевшим Луну, может теперь путешествовать по всей вселенной.

Однако существовали врамэны. Они всегда появлялись в рассказах Квоббы, приказывали кораблю лететь этим курсом и не следовать этим, и у Хэммонда создавалось впечатление, что над землянами господствовала высшая раса, олигархия сверхдолгожителей. Они царствовали над всеми звездными путями и для них хумэны умирающие поколение за поколениями были просто ничто. Хэммонд чувствовал, что разделяет ненависть Квоббы к

врамэнам.

На следующее утро, когда пришел Уилсон, Хэммонд сказал:

– Я с вами, если все, что вы сказали, правда.

Со всей серьезностью Уилсон сказал:

– Это правда. Но прежде, чем я назову тебя одним из наших, остальные должны это одобрить. А пока оставайся здесь.

Когда несколько позднее Ива принесла ему завтрак, он взглянул на нее и спросил:

– Ты тоже мой охранник?

– Конечно же, нет, – сказала она. – Я никогда не верила, что ты – шпион врамэнов. Я сказала Гурту Лунду той ночью, что врамэны никогда не стали бы использовать в виде шпиона такое слабое и беспомощное существо.

Хэммонд засмеялся впервые за много веков, а темноволосая Ива вспыхнула.

– О, я не хотела тебя обидеть. Естественно, после всего того, что ты пережил, ты был очень слаб.

Спустя некоторое время пришел Квобба и широко ему улыбнулся.

– Ты вляпался в это дело. Пошли.

Хэммонд с Квоббой и Ивой пошел в небольшую комнату, которая служила Уилсону кабинетом и была центром подземного сооружения. Лидер хумэнов находился там вместе с Лундом, песчановолосым человеком, которого Хэммонд хорошо помнил, и двумя другими.

Лунд встал и пошел навстречу, протягивая руку. Вся враждебность сошла с его юного квадратного лица.

– Тебя приняли и теперь все в порядке, – сказал он. – Я надеюсь, ты не питаешь ко мне злобы?

– Конечно, нет. Если бы кто-нибудь пришел ко мне с подобной историей, я бы тоже ему не поверил.

– Итак, ты стал одним из нас, – сказал Джон Уилсон. – Я не могу не считать, что судьба заслала нам тебя из прошлого. Ты спасся как будто бы специально, чтобы стать полезным.

Лунд сказал:

– Тебя, конечно, не нужно предупреждать, если мы потерпим поражение, тебя ждет то же наказание, что и нас.

– Ты хочешь сказать, что врамэны убьют нас, если поймают?

Ответил ему Уилсон.

– Врамэны не имеют никакой официальной власти. Они давят с помощью своего научного престижа. Они просто передадут нас в ближайший суд Федерации Солнц, который и осудит нас за нарушение законов о звездных кораблях.

Затем они повели его по рабочим цехам, и он увидел, как живо шла работа. Хэммонд задал несколько вопросов, ничего не понял и просто стоял, наблюдал и слушал. Он не понимал и десятой части, так как не знал технической терминологии и технических значений. Он понял, что источником энергии была атомная энергия, но машины для него были так же непонятны, как радио готтентоту.

Он ожидал увидеть хотя бы корпус звездного корабля, но тот еще не был готов. Корабль изготовлялся небольшими секциями. Когда наступит время для сборки, стены разных комнат будут вырезаны и вся площадь будет превращена в подземный ангар.

– А когда корабль будет готов, мы просто вырежем крышу и стартуем ночью.

– Но разве вас не поймает радар в Руруме? – спросил Хэммонд.

Лунд сказал:

– Об этом позаботятся. Будет ложный корабль, а мы стартуем во время. Врамэны ничего не заподозрят, пока мы не будем в глубоком космосе на пути к Трифиду и Альтару.

Глубоко посаженные глаза Уилсона засияли.

– Впервые за века свободный корабль полетит снова в космос. Корабль, который врамэны не смогут уничтожить.

Хэммонд познакомился со всеми членами команды. Это были тридцать два мужчины и

тринадцать женщин. Все были техники или астронавты, тщательно отобранные для участия в этом проекте. Кроме Квоббы и Таммаса, которые несли службу наблюдателей снаружи, там было еще четверо уроженцев других звездных систем – два краснокожих инженера с Бетельгейзе, плотный маленький пилот с Альтара и угрюмый техник с кожей сероватого цвета и впалыми глазами откуда-то с Алгола. Хэммонд смотрел с изумлением, которое служило доказательством того, как далеко распространилась по космосу земная раса. Только позднее он заметил, что они смотрели на него с еще большим интересом.

– Для всех нас, – сказал Уилсон, – ты являешься чем-то невероятным. Время, из которого ты прибыл, является для нас зарей истории, от которой осталось очень мало следов.

Внезапно торопливо появился Томмас. Он сказал:

– Квобба обеспокоен. Врамэнский аппарат кружится над нами. Квобба боится, что он обнаружит место расположения.

На худом лице Уилсона появилось выражение озабоченности.

– Не думаю, что они смогут, но выйду наверх.

Вместе с Таммасом и Лундом он стал подниматься наверх по спиральной лестнице. Хэммонду очень хотелось взглянуть на небо и он пошел за ними. Никто не возражал. Оглянувшись, он увидел, что все прекратили работу, передавая друг другу тревожное сообщение и собираясь в небольшие группы, наверху на наблюдательном пункте в комнате внутри ложного валуна был Квобба и еще один человек. Наблюдательный был очень мал и Хэммонд едва втиснулся в него.

– Посмотрите, как аппарат кружится над этим местом, – сказал Квобба Уилсону.

Уилсон и Лунд прильнули к тщательно замаскированным щелям. Через некоторое время Хэммонд обнаружил еще одну щель и стал глядеть сквозь линзы крошечного отверстия. Линзы давали возможность широкого обзора.

Было яркое солнечное утро. На синих волнах пенились белые барашки. Все выглядело таким знакомым, таким милым, таким мирным.

До тех пор, пока он не увидел врамэнский аппарат.

Тот внезапно появился в поле зрения, похожий на торпеду без крыльев и ракетных двигателей. Аппарат был слегка прозрачным. Он летел медленно и довольно низко, замкнутыми кругами.

– Они не могли нас обнаружить, – сказал Уилсон. – Их лучи-разведчики не могут проникнуть сквозь наше защитное поле.

Однако в голосе его звучала озабоченность. Врамэнский аппарат подлетал кругами все ближе и ближе, наконец неподвижно завис в воздухе всего в нескольких сотнях футов над замаскированным наблюдательным пунктом. Уилсон застонал.

– Теперь все ясно. Нужно сбить его пока он не позовет сюда еще врамэнов.

На лице Квоббы сияло возбуждение.

– Я собью его! Открой потолок, Таммас!

Таммас быстро сдвинул в сторону подвижную секцию потолка ложного валуна. Квобба уже находился у основания прибора, похожего на телескоп и Хэммонд внезапно понял, что это – оружие.

6

Квобба ухватился за рычаг и послышалось мощное жужжание. Оно исходило из основания «телескопа». Квобба быстро огляделся и нажал кнопку.

Из конца трубы вырвался клуб сверкающего пара. Хэммонд подумал, что если это было оружие, то оно производило впечатление. Но он быстро понял, что это не так. Небольшой клуб пара быстро понесся вперед, почти мгновенно изменил форму и размер, превратился в крутящийся сверкающий вихрь, который за доли секунды становился все больше и больше.

Врамэнский аппарат сделал внезапно судорожный рывок прочь, но на секунду опоздал. Один конец вихря коснулся хвоста аппарата и тот превратился в пыль. Аппарат рванулся на

восток, но вихрь закружился еще выше и выше, сверкая и разрастаясь. С ужасом Хэммонд увидел, как вихрь исчез. Только после этого Хэммонд взглянул на врамэнский аппарат, который упал на землю в сотне ярдов от наблюдательного пункта и начал катиться по земле, пока не ударился о массивный валун.

– Я достал его, – сказал Квобба, глаза которого сверкали яростным возбуждением.

Уилсон сказал:

– Гурт, Рэб, уничтожьте все следы аппарата, пока другие не обнаружили их здесь.

Он распахнул дверь, скрытую сбоку замаскированного наблюдательного пункта и выбежал с Лундом и Квоббой под солнечный свет. Хэммонд удержался от того, чтобы не побежать за ними.

Ноги под ним слегка дрожали, но солнце сияло так приветливо, а ветер с моря, чистый и холодный, обдувал его лицо. Он увидел, что передняя часть аппарата была полностью покорежена, некоторые части корпуса и фюзеляжа были прозрачными, а другие из темного и серебристого металла.

Квобба оторвал дверцу, которая висела как сломанная челюсть. Он влез внутрь разбитого аппарата с Уилсоном и Лундом, направляясь в нос корабля.

– Они оба погибли, – крикнул веганец.

Хэммонд залез за ними, взглянул из-за их плеч на двух мужчин, погребенных под кусками металла. Он хотел пробираться за ними дальше, когда услышал сзади шорох.

Он обернулся и замер от изумления. Сзади в полутемном отсеке аппарата поднималась с пола какая-то фигура. Это была женщина, так как он увидел пепельные волосы и изгиб белого колена, когда она с трудом поднималась с пола. Она была молодая и на ней был такой же костюм, как и у хумэнских женщин – юбка и шорты.

Широко открытыми голубыми глазами, все еще затуманенными шоком, она глядела на Хэммонда и на хумэнов. Хэммонд подумал, что лицо ее даже сейчас, когда она была в шоке, было одно из самых прекрасных, какие он когда-либо видел, и одно из самых сильных. По мнению Хэммонда, что сила происходила от красоты, он сразу возненавидел эту женщину, ибо мгновенно понял, что она во многом превосходила его и всегда будет превосходить.

Хэммонд продолжал смотреть на женщину с изумлением, а женщина глядела на него и в глазах ее были боль и шок. Затем Лунд обернулся. Сначала он заметил только Хэммонда.

– Иди назад в...

Затем на мгновение наступило молчание и Лунд сказал два слова:

– Тайан Марден.

Уилсон резко обернулся.

– Марден! Забери ее, Лунд... не причини ей вреда... берегись!

Последние слова прозвучали резким предупреждением и люди сзади Хэммонда ринулись к нему. Казалось, что голос Лунда внезапно вывел врамэнскую женщину из оцепенения. Она прыгнула к шкафчику в стене и вцепилась в его дверцу. Дверь заклинило и она не открывалась.

Из резкого предупреждения Уилсона Хэммонд понял, что это была опасность, что бы женщина не хотела достать из шкафчика. Это угрожало им всем. Он неуклюже прыгнул и схватил ее. Через мгновение Хэммонд почувствовал, что схватил дикую кошку. В ее женском теле была огромная физическая сила, а он был такой слабый, что почти не мог ее держать. Однако он держал ее и его лицо было прижато к ее душистым светлым волосам, как будто два любовника сошлись в неистовом объятии. Наконец, Квобба добрался до них и схватил женщину своими мощными руками.

– Свяжите ей руки, – сказал Уилсон.

– Быстро, быстро!

Лунд оторвал кусок тонкого провода, торчавшего рядом, и связал ей руки. Потрясенный Хэммонд тяжело дышал. Женщина перестала сопротивляться, но ее глаза сверкали яростью и негодованием. Она ничего не сказала.

– Заберите ее в наблюдательный пункт, – сказал Уилсон Квоббе. – Гурт и я взорвем

энергетические камеры. – Он добавил сердито Хэммонду: – Уходите с ними! Убирайтесь отсюда!

Квобба поднял женщину, как ребенка, и выбрался из аппарата. Хэммонд следовал за ним. Голубой человек торопливо шел по скале к ложному валуну. Когда они вошли, то увидели Иву Уилсон, которая с нетерпением их ждала. Она с глубоким изумлением взглянула на них.

– Тайан Марден, – сказала она.

– Ты знаешь ее? – спросил Хэммонд.

Ива кивнула головой.

– Конечно. Эта врамэнская женщина была в Руруме задолго до того, как я появилась на свет.

Это глубоко потрясло Хэммонда. В своем возбуждении он позабыл, как долго живут врамэны. А теперь, рассматривая эту женщину, он думал, что это утверждение. Просто смехотворно. Ее потрясающая красота несла в себе неосознанную силу и чувство превосходства. Физически она выглядела не старше Ивы.

Тайан обрела присутствие духа. Она стояла прямая как стрела и глядела на них. С неприязнью Хэммонд подумал, что вот так разъяренный взрослый глядит на порочных несовершеннолетних преступников. Она все еще продолжала молчать.

– Сейчас конец аппарату! – ликующе воскликнул Таммас.

Хэммонд обернулся и увидел, что Уилсон и Лунд выходят из сбитого аппарата и прячутся за большим валуном. Внутри аппарата сиял яркий белый свет. Затем через несколько секунд он превратился в тихий беззвучный взрыв света и энергии, который закрыл весь аппарат. Хэммонд с изумлением увидел, что аппарат полностью исчез и осталось только темное пятно песка. Лунд и Уилсон подбежали к нему и забросали его свежим песком. Затем стерли все свои следы и поспешили в наблюдательный пункт.

Тяжело дыша, Уилсон закрыл дверь. Он даже не глядел на Тайан Марден. Он подошел к одной из щелей и посмотрел наружу.

– Если они успели передать сообщение в Руруму прежде, чем мы их сбили, врамэны прилетят через несколько минут. Подождем и увидим.

Они начали ждать.

В тесной душной комнатке, где было много народа, все молчали.

Наконец Уилсон сказал:

– Никого. Они не передали сообщение.

Квобба, все еще держа женщину за руку, вздохнул с облегчением.

Уилсон подошел и стал перед Хэммондом. Он резко сказал:

– Почему ты пошел за нами? Я сказал Гурту и Квоббе следовать за мной.

Хэммонд почувствовал раздражение.

– Я хотел пойти. Разве я вам не помог?

Уилсон взглянул на него сурово.

– Ты был прав, ты в самом деле примитив. Но пойми одно, каким бы анархическим не было то время, откуда ты появился, в данном времени ты должен подчиняться приказам, если ты один из нас.

Хэммонд почувствовал раздражение, но сдержался. Уилсон повернулся к врамэнской женщине, и только тогда Хэммонд заметил, что гнев моментально сошел с ее лица. Она с глубоким вниманием следила за их разговором, а теперь смотрела на Хэммонда как зачарованная.

И сейчас она в первый раз заговорила.

– Кто это? – спросила она, не спуская глаз с Хэммонда.

– Твой народ узнает это, – сказал Уилсон твердо. – Очень скоро об этом узнает вся Галактика.

– А что это ты говорил о времени, из которого он прибыл?

Уилсон проигнорировал вопрос.

– Я хочу задать тебе вопрос, Марден. Как вы обнаружили наше убежище, которое полностью защищено от ваших лучей-шпионов?

Марден глядела с молчаливым презрением.

– Возможно, – сказал Лунд задумчиво, – сам факт подземного пространства, полностью недоступного лучам-шпионам, дал ей ключ.

Уилсон упрямо сказал:

– Наша антилучевая защита была устроена как естественная залежь металлов с большим сопротивлением.

Лунд кивнул головой.

– И это обмануло большинство врамэнов. Но не забудь, что Марден – одна из самых высококлассных врамэнских ученых в этой системе. Она может выяснить истину там, где не могут другие.

Хэммонд, стоя с Ивой у стены, только частично понимал этот разговор о лучах-шпионах и о защитных полях. Но его это интересовало меньше, чем сама женщина. Она была первой из ненавистных врамэнов, кого он видел, и он подумал, что понимает, почему их так ненавидят. В самом деле трудно жить в этом мире, в этой солнечной системе, во всей Галактике, вместе с людьми, которые глядят на нас так, как эта женщина глядела на хумэнов. Это был не взгляд презрения. В нем сквозило крайнее нетерпение от того, что нужно было выносить такую глупость.

Странно было то, что когда бросала взгляды на Хэммонда, когда Лунд и Уилсон разговаривали, в них был глубокий интерес. Казалось, что эти бриллиантовые синие глаза пытаются проникнуть вглубь его и им это не вполне удается. Хэммонд понял, что он заинтриговал ее, но не как личность, а как проблема, которую она не могла решить.

Уилсон указал ей на лестницу и сказал:

– Вниз, Марден.

– Может ты прекратишь нести вздор и поедешь со мной в Руруму. Ты ведь знаешь, что очень скоро сюда прибудут другие искать меня.

– Они не такие умные, как ты, – сказал Уилсон. – А ты теперь у нас – заложник. Иди.

Ненависть в глазах Уилсона, как в зеркале отражалась на лицах других. Особенно на лице Лунда, на котором отражалась смертельная ненависть, когда он смотрел на врамэнскую женщину.

Тайан пожала плечами и начала спускаться по лестнице. Все последовали за ней, кроме Таммаса и еще одного человека, которые остались на наблюдательном пункте. Когда они спустились в подземные залы, Хэммонд заметил, что пленница вызвала возбуждение у всех остальных хумэнов. Они глядели на нее с ужасом и ненавистью. Уилсон кратко все объяснил. Затем повел всех в маленькую комнату, откуда он всем управлял. Холодные голубые глаза Тайан не упустили ни одной детали из машин и из того, что делалось в этой комнате. А астрономические карты на стене Уилсона особенно привлекли ее внимание.

– Так вот почему вы покинули Руруму и спрятались здесь, – сказала она. – Вы пытаетесь нелегальным образом построить звездный корабль.

– Не пытаемся, – ответил Уилсон, – а строим.

Тайан нахмурилась.

– Но вы только начали это. Это не тот незаконный корабль, который появился на наших радарах некоторое время тому назад. У вас есть еще один.

Уилсон указал на Хэммонда.

– Это его корабль вы выследили. Хочешь узнать, откуда он прибыл?

– Да.

Уилсон рассказал ей. Это заняло несколько минут и Хэммонд все время ощущал, что глаза женщины ощупывали каждую деталь его внешности. Но на лице ее было написано полное недоверие, когда Уилсон кончил свой рассказ.

– Я не знаю, чем занимается в твоем заговоре этот человек, – сказала она, – но все это глупый обман.

– Нет, не обман, Марден, – сказал Уилсон. – Ты знаешь все о гипотермии. Он на самом деле из того времени. Тому имеются все доказательства.

– Откуда тебе знать? – спросила Тайан. – Даже мы знаем очень мало об этом далеком времени. А что же будет делать среди вас, стоящих вне закона?

– Он – один из нас, – сказал Уилсон. – И когда будет построен корабль, он полетит с нами к Трифиду и Олтару.

Наступила тишина. Тайан не изменилась в лице, но Хэммонду показалось, что оно скрывало глубокие и мощные эмоции.

– Нет, – сказала она наконец тихим голосом. – Вы никогда не полетите к Альтару!

– Обязательно полетим, – спокойно сказал Уилсон. – И мы обязательно узнаем тайну жизни, которую вы прячете. Узнаем для себя и всех хумэнов.

– Вы – малые дети, – прошептала Тайан. – Вы говорите о вещах, которых не знаете. Если бы знали, что на самом деле находится в Альтаре...

– Ты знаешь, – сказал Уилсон. – Вот поэтому ты и представляешь для нас особую ценность. Когда наш корабль отправится туда, на нем не будет взрывчатого устройства и мы избежим одной опасности. А ты поможешь нам избежать других опасностей, рассказав нам, где они находятся и что собой представляют.

Синие глаза Тайан засверкали.

– Я ни за что ничего не скажу. Вы достаточно хорошо знаете врамэнов.

Лицо Уилсона оставалось спокойным и непроницаемым.

– Ты скажешь нам и скажешь всю правду. Ты скажешь это, находясь под энцефалопробой.

Хэммонд не знал, что означает это слово, но Тайан его наверняка знала. Ее лицо посуровело и она сказала:

– У вас нет аппарата.

– Мы можем построить. Среди нас есть работники многих областей, включая психотехников. Они достаточно хорошо знакомы с энцефалопробой, и если ты будешь сопротивляться, тогда...

– Вы можете уничтожить мой ум, но вы ничего не узнаете, – сказала Тайан и горько добавила: – Энцефалопроба – это единственное, что дала вам врамэнская наука.

Уилсон не обратил внимания на то, что она сказала. Он сказал:

– Некоторое время потребуется на то, чтобы изготовить энцефалопробу. У тебя будет это время, чтобы передумать. Пойми меня правильно. Мы подвергнем тебя этому испытанию и если ты попытаешься сопротивляться, все, что произойдет, будет по твоей воле.

Он резко обернулся.

– Квобба, запри ее в пустом маленьком складе в конце северного коридора. И у дверей поставь часового.

Хэммонд почувствовал себя несколько угнетенным, когда наблюдал, как уводили Тайан. Он вышел в коридор и поглядел вслед ей и Квоббе. Ива вышла тоже и он спросил ее:

– Что означает разрушить ум? И что такое энцефалопроба?

– Это прибор, которым пользуются психотехники, – сказала Ива. – У него длинное название, но люди называют его так. Он считывает все, что происходит в мозге.

Хэммонд взглянул на него с недоверием.

– Да, это так, – сказала Ива. – Я не ученый, но это известно всем. Прибор сканирует синергические модели живого мозга и переводит их в закодированные символы. Конечно, не все можно просканировать в мозгу человека, но проба может отыскать то, что отпечатано в глубинах памяти, доминантные эмоции и отношение к вещам.

– Да, но как проба может уничтожить ее ум?

– Если подопытный сопротивляется пробе всей своей волей, могут разрушиться его основные синапсы и потрясти рассудок.

Хэммонд почувствовал холодок ужаса.

– Это звучит чудовищно. Я уверен, что твой отец не сделает этого.

– От этого может зависеть наша жизнь и судьба всех хумэнов, – сказала Ива. – Да, он использует пробу.

Она с вызовом посмотрела на него и спросила:

– Тебе не нравится эта идея, потому что Тайан такая красивая?

Хэммонд улыбнулся.

– Она красива. Но она не человек, как все мы, – сказала Ива. – Врамэны не знают любви и не имеют детей. Их заботят только знание и власть, не обманывайся ее ангельской внешностью.

Хэммонд видел, что у Ивы раскраснелось лицо, а ее темные глаза сверкали от какого-то чувства.

– Ну, Ива, ты как будто ревнуешь, – сказал он и улыбнулся.

Но она не приняла это как шутку.

– Если ты так думаешь, – огрызнулась она, – мозги твои все еще отупелые от долгого сна.

Она резко отвернулась и ушла, но Хэммонд успел заметить сердитые слезы в ее глазах. Он поглядел ей вслед, покачал головой и чертыхнулся про себя.

Перед тем как наступила темнота во внешнем мире, Таммас сменился и пришел с неприятными новостями.

– Два врамэнских аппарата прошли вверх над побережьем час назад, а затем вернулись. Они уже ищут Марден.

Уилсон угрюмо кивнул головой.

– Передай всем приказ так чтобы поняли. Никто ни по какой надобности не должен выходить на поверхность.

Глядя на него, Хэммонд испытал холодное сомнение. Он усомнился, знает ли он вообще хумэнов. Ему казалось, что он знает их. Во время долгого периода его выздоровления и обучения они стали для него привычными друзьями. Они были для него как народ его времени. Уилсон был похож на упрямого прямого человека, которого Хэммонд знал в доброе старое время, человека, который несгибаемо боролся за то, во что верил. И все же теперь Уилсон собирался подвергнуть врамэнскую женщину такой пытке, отчего Хэммонд морщился с отвращением.

Но он принял решение и был прав. Он пойдет вместе с хумэнами и будет воевать на их стороне. То, что врамэны владели всем космосом, было несправедливо. Слишком много людей даже в его двадцатом веке погибло, завоевывая космос. Сейчас Хэммонд ощущал, что хотя он перенес бездну космоса физически, он был и всегда будет чужеземцем среди этих людей, одиноким, выброшенным навсегда из своего собственного мира.

7

Неожиданное произошло четыре дня спустя. Все это время у Хэммонда все увеличивалась клаустрофобия. Он не мог сидеть в замкнутом пространстве, он должен был выйти наружу. Просто ужасно было видеть эти комнаты в скалах после того, как вернулся из бескрайнего космоса, с берега смерти. Но Уилсон категорически запретил всем выходить из наблюдательного пункта.

– Аппараты врамэнов прочесывают это побережье в поисках Марден и ее летательного аппарата, – сказал он. – Они так просто не сдаются. Поиски будут продолжаться в течение длительного времени.

– А что же мне делать? – требовательно заявил Хэммонд. – У всех здесь есть работа.

– У тебя будет много работы, – сказал Уилсон. – Но только тогда, когда ты подучишься больше. Ты не умеешь ни читать, ни понимать символы и устройство наших станков. Учись.

И Хэммонд начал проводить долгие часы с Ивой и книгами. Ему нравилась хумэнская девушка, но он в слишком беспокойном состоянии, чтобы получать удовольствие от уроков, а когда не было уроков, жадно глядел на солнечный свет и звезды из наблюдательного

пункта. Внутри скал в комнатах продолжалась бесконечная работа по сборке секций корабля.

Два человека оставили свою прежнюю работу и получили новое задание. Один из них был обычный хумэн, а другой, Норт Абель, был алголиец. Это был высокий человек с кожей серого цвета и угрюмым лицом. Они собирали устройство, которое напоминало Хэммонду электрический стул очень сложной конструкции. Он узнал, что это энцефалопроба.

Глядя на это устройство с неприязнью, Хэммонд спросил:

– Это правда, что эту штуку изобрели врамэны?

– Правда, – ответил Абель. – Но они отдали его просто так. А почему бы и нет. Это им на пользу. Наши суды используют эту испытательную установку на тех, кто подозревается в заговоре против врамэнов. Ошибок при этом никогда не бывает.

– Но Ива сказала, что если кто-нибудь будет сопротивляться, напрягая всю свою волю, его ум будет разрушен, – возразил Хэммонд. – В таком случае волевого человека нельзя так допрашивать.

Абель презрительно фыркнул.

– Врамэны не отдают так просто свои изобретения. Я слышал, что ты уже немного испытал на себе их гипноусилитель. Используя его, они подавляют энцефалопробу.

– Но у вас такого нет, – сказал Хэммонд. – Так что...

Алголиец пожал плечами.

– Да, если Марден будет сопротивляться, ее мозги разрушатся. Я надеюсь, что этого не будет. Если это случится, тогда мы проделаем большую, но бесполезную работу.

Его деловая бессердечность привела Хэммонда в раздражение, но он уже достаточно хорошо знал отношение этих людей к врамэнам и не стал протестовать. Он также надеялся, что Марден не будет сопротивляться. Ему не хотелось, чтобы чей-то мозг раскололся на части. Он надеялся, что она заговорит и они смогут закончить сооружение корабля и выбраться из этой скалы в Альтар или еще куда-нибудь, лишь бы не оставаться здесь.

Именно тогда Хэммонд был сильно удивлен. Он пошел к Уилсону, чтобы спросить, как идут дела с врамэнской женщиной. Уилсон разговаривал с Лундом и сразу же обратился к Хэммонду.

– Я хотел за тобой послать. Произошла странная вещь. Марден хочет поговорить с тобой.

Хэммонд удивленно смотрел на него.

– Со мной? Ради Бога, зачем?

Лунд прервал его.

– Все равно мне это не нравится. Ты не знаешь врамэнов. Это какой-то хитрый ход.

– Возможно, – сказал Уилсон. – Но она не хочет говорить с нами. Может быть, Хэммонд убедит ее не сопротивляться энцефалопробе.

Он повернулся к Хэммонду.

– Ты ее очень заинтересовал. Она думает, что твое утверждение, что ты из прошлого – обман. Но она не уверена. И очень хочет разобраться. Все врамэны интересуются древней историей. Если ты сможешь убедить ее, что ты из давнего времени и она с тобой разговорится, ты, может, сможешь убедить ее, что мы решительно собираемся использовать энцефалопробу.

Хэммонд почувствовал страшное возбуждение.

– Но она может догадаться, к чему я веду.

– Конечно же, она догадается, – сказал Уилсон ледяным тоном. – У врамэнов много недостатков, но они не дураки. Не забывай, что у каждого из них опыт множества прожитых жизней.

Охранник перед дверью комнаты Марден осторожно открыл дверь и впустил Хэммонда внутрь и быстро закрыл дверь.

Излучающий мягкий свет шар освещал маленькую внутрискальную комнату. Врамэнская женщина встала, когда он вошел. В комнате была только койка и стул. Марден не выглядела сейчас сверхчеловеческим господином космоса. Она выглядела как

замечательно красивая юная блондинка с умными глазами и с фигурой, при виде которой Хэммонду следовало бы присвистнуть от восхищения. На ней были белые короткие шорты. Хэммонду не хотелось присвистнуть. Он испытывал некоторую робость.

Тайан жестом указала ему на стул.

– Присаживайтесь. И чего вы на меня так глазеете?

Хэммонд пожал плечами и сел.

– Не знаю. Думаю, потому что никогда в жизни не разговаривал с неумирающей женщиной.

Тайан издала сердитый насмешливый звук.

– Неумирающей? Та же старая детская сказка. От того, что мы обладаем долголетием, о котором вы, хумэны, так хлопочете... – Затем она остановилась. – Но я ведь забыла. Ты же вроде не хумэн, не так ли?

– Да, я не хумэн. – Он смотрел на нее как зачарованный. – А сколько же вы живете? Сколько тебе лет?

– Чуть больше двухсот.

Хэммонд был потрясен. Его чувства отразились на лице, потому что Тайан сказала:

– Почему у тебя такое выражение на лице? Если ты говоришь правду, что ты живешь уже десять тысяч лет...

– Не живу, – сказал Хэммонд. – Не совсем живу.

– Ты ничего не помнишь об этом времени? – спросила она скептически.

Я помню только сновидение. Сон человека, который сидел в маленькой капсуле, как король на троне с замороженным лицом и слепыми глазами, обращенными в ледяное царство космоса, в котором вечно двигался.

– Ничего, – сказал Хэммонд почти шепотом.

Лицо Тайан изменилось. Некоторое время она молчала, глядя на него проницательным взглядом. Затем сказала:

– Да, ты не выглядишь обманщиком.

– Я молил бы Бога, чтобы я был обманщиком, – произнес Хэммонд.

– Не возражаешь, если я задам тебе несколько вопросов?

– Задавай.

Она начала задавать их. Это были быстрые, ищущие, острые расспросы о двадцатом столетии. Некоторые из были как бы видоизмененные прошлые вопросы и внезапно Хэммонд осознал, что она делает ему что-то вроде перекрестного допроса, быстро и по-научному. Особенно много вопросов она задавала по поводу первых попыток полетов в космос. Когда она остановилась, то выглядела крайне озадаченной и необычайно возбужденной.

– Я почти полностью поверила, что ты из далекого прошлого, – сказала она. – Мы, врамэны, гипотетически реконструировали это далекое время, но ни один хумэн не знаком с нашими исследованиями. Все твои ответы, кроме нескольких, совпадают с нашими разработками. А эти исключения могут быть ошибками с нашей стороны.

– Гипотетическая реконструкция, – повторил Хэммонд. – Разве из архивных документов вы не знаете, каким было наше время?

Она покачала головой.

– Не осталось никаких документов. В Межпланетных войнах двадцать третьего столетия они были уничтожены. На Марсе и Венере, а также на Земле.

– Межпланетные войны? – спросил Хэммонд. Затем с грустью добавил: – Отлично. Так вот ради чего мы работали, ради чего рисковали жизнью. Замечательный век космоса. Межпланетные войны и врамэны, владеющие космосом. И люди, пытающиеся сбросить их ярмо. Вот во что превратился наш замечательный проклятый Богом век космоса.

Тайан глядела на него, ее глаза возбужденно сияли.

– Ты или талантливейший обманщик, или история твоя чистая правда. Все совпадает. Это парашютное устройство, которое мы нашли – ничего подобного не делали веками...

Она остановилась, затем сказала:

– Послушай, Кирк Хэммонд, не ввязывайся в заговор хумэнов. Ничего не получится, а тебя могут убить.

– Очень трогательно, что ты обо мне заботишься, но это звучит неубедительно, – кисло сказал Хэммонд.

В ее глазах засветилось нетерпение.

– Ты думаешь, меня беспокоит то, что случится лично с тобой? Если твоя история правдива, ты являешься настоящим кладом с информацией об отдаленном прошлом. А я не хочу, чтобы эти знания пропали.

По крайней мере в это Хэммонд был склонен поверить. До сих пор информация исходила от него, а теперь он попытался все сделать наоборот.

– Опасности не будет, – спокойно сказал Хэммонд. – Когда мы завершим постройку нашего корабля, мы полетим к Альтару и выясним, отчего вы, врамэны, так долго живете.

– У вас нет даже одного шанса на миллиард, что вы достигнете Альтара, – сказала она. – Мы очень тщательно охраняем весь Трифид. Даже если вы ускользнете от врамэнов...

Внезапно она остановилась.

– Ну? – сказал Хэммонд.

Тайан затрясла головой.

– О, нет. Они не получат от меня информацию. Ни с помощью уловок, ни при помощи энцефалопробы.

– Даже для того, чтобы спасти свой ум, чтобы не сойти с ума?

– Нет, никогда, – ответила она и в голосе ее Хэммонд услышал абсолютную твердость. – Поверь мне, их поиски абсолютно безнадежны. Я ничего не могу поделать, если они выбирают самоубийство, но я хочу спасти тебя и все знания, которыми ты обладаешь.

Искренним жестом она положила свою небольшую ручку на кисть Хэммонда. Хэммонд слегка отодвинулся и мгновенно выражение Тайан изменилось.

– Значит, ты уже подхватил ненависть хумэнов к нам? – сказала она, пытливо глядя ему в лицо. – Ты тоже думаешь, что мы не люди.

Он хотел найти слова, чтобы отрицать это, но Тайан отвернулась от него. Она выглядела усталой и опустошенной. И в первый раз Хэммонд почувствовал симпатию к ней.

– Ты в самом деле так глупа, что позволишь им разрушить твой ум? – спросил он.

– Я не скажу ничего, что могло бы помочь хумэнам добраться до Альтара, – сказала она, не поворачивая головы.

– Но они. Но мы собираемся сделать это, – сказал Хэммонд. – Так что ты могла рассказать нам кое-что.

– Почему тебя беспокоит то, что случится с кем-то, кто не является человеком? – сказала она и вдруг она повернулась, подошла к нему и стала близко глядя ему в лицо.

– Разве я в твоих глазах такая уж чужеземка, так отвратительна?

Она глядела на него снизу вверх и на ее вздернутом белом лице провоцирующая шутливая невинность. От тонкого аромата ее блестящих волос у него сильно забился пульс. В глазах ее прыгали маленькие насмешливые чертики, которые не соответствовали мягкости ее лица и голоса. Она подняла свои небольшие ручки и цепко взяла его за плечи, а ее алые губы приблизились к нему.

– Отвечай же, Кирк Дуглас!

Хэммонд ясно осознавал, что она творила. Однако никогда в жизни он не смог бы отказаться от поцелуя, который она ему предлагала. Ее полураскрытые губы были так странно прохладны и сладки, а ее уступчивое тело было упругим и эластичным в его объятиях и Тайан глядела на него презрительно-триумфально.

– Кажется, я не противна. Но ты мне противен, как будто меня коснулось животное, как будто меня коснулся тупой неотесанный мужлан!

Через мгновение Хэммонд сказал:

– О'кей, я оскорбил твои чувства, а ты хотела оскорбить меня. Теперь мы квиты?

С лица Тайан исчезли презрение и гнев. Она сказала:

– Ты прав. Я привыкла ненавидеть хумэнов, но ты из другого времени и твои поступки обижают меня. На мгновение я была маленькой злобной девочкой.

Это признание было таким искренним, что Хэммонд не мог не восхищаться ею. А тонкий аромат ее духов был все еще в его ноздрях.

Он сказал:

– Я сказал то, что собирался сказать, Тайан. Мне ужасно не хочется, чтобы разрушили твой ум.

– Я не могу и не хочу помогать этим людям, – сказала она. – Так и передай им. И... приходи еще, если они тебе это позволят. Я хочу еще многое спросить у тебя об отдаленном прошлом.

Охранник осторожно выпустил Хэммонда из комнатушки. У него было о чем подумать, пока он ходил по рабочим комнатам в поисках Уилсона.

Уилсон с напряженным вниманием слушал то, что Тайан сказала об Альтаре. Он медленно все повторил.

– Мы тщательно охраняем весь Трифид. И даже если бы ускользнули от врамэнов... Это означает, в Альтаре нас ожидают другие препятствия кроме врамэнов, и она ничего к этому не добавила?

– Ничего. Она резко остановилась, как бы поняв, что дает информацию.

– Врамэны редко делают ошибки, – скептически сказал Уилсон. – Ее информация может быть ложной.

– Я могу снова поговорить с ней, – предложил Хэммонд. – Как мне кажется, она очень хочет видеть меня теперь, когда практически убеждена, что все, что я говорю – правда.

Странно, подумал он, почему я так жду ответа Уилсона, жду так, как будто бы от этого зависит очень многое. Он не понимал, почему он чувствует именно так. Но он не знал, что ответ Уилсона так ошеломит его.

– Норт Абель сказал, что энцефалопроба будет готова к завтрашнему вечеру. Послезавтра утром мы применим ее и если она будет сопротивляться, это ее собственная вина.

– Но если она будет сопротивляться, вы ничего не узнаете, – сказал Хэммонд. – А если бы я смог убедить ее не сопротивляться, вы бы узнали все.

Наконец Уилсон Кивнул головой.

– Можешь попробовать снова. Я скажу охраннику, чтобы он впустил тебя завтра после обеда.

Он взглянул на Хэммонда проницательным взглядом и добавил:

– Ты воспринимаешь энцефалопробу как нечто ужасное, не так ли? Тебе отвратительна мысль, что ее надо применить?

Хэммонд кивнул в знак согласия.

– Мне не хотелось бы видеть, что даже у врамэна будет разрушен ум.

– И мне не хотелось бы, – сказал Уилсон. – Я не похож на Лунда и других, хотя у них достаточно оснований для их ненависти. Но, нравится это или не нравится, будущее всех хумэнов зависит от этого и это придется сделать. Попытайся убедить ее, чтобы она поняла.

На следующий день, когда он вошел в комнату-тюрьму, он принял решение.

Хэммонд не знал, нравится ли ему Тайан или она ему неприятна, но подобно Уилсону, ему не хотелось бы, чтобы ее мозг был разрушен. И так искренне, как он мог, он сказал ей об этом.

Она покачала головой.

– Я не поддамся пробе.

– Что было бы ужасно, чтобы простые хумэны, мужчины и женщины обладали бы долголетием? – с презрением спросил он ее.

Тайан ответила:

– Да, это было бы ужасно.

– Но почему?

– Я не могу сказать тебе этого. Я не скажу этого никому, даже если меня подвергнут энцефалопробе!

Хэммонд почувствовал беспомощность и злость.

– Ладно, – сказал он резко. – Мне не хотелось бы, чтобы это случилось с кем бы то ни было. Но если для тебя верность кастовым устоям выше здоровья твоей психики, мне ничего не остается делать.

Тайан ответила не сразу. Ее ясные глаза изучали его лицо и затем она сказала:

– Ты не хочешь, чтобы я стала идиоткой.

– Я сказал тебе, что не хотел бы, чтобы это случилось с кем бы то ни было.

– Ты можешь предотвратить это, если захочешь, – сказала она. А затем, когда он хотел возразить, она быстро добавила: – Нет, нет, я не прошу тебя помочь мне бежать. Я знаю, что ты этого не сделаешь.

– Тогда что же?

Она быстро заговорила:

– Энцефалопробу изобрели врамэны. Мы научили хумэнов изготавливать эти установки, но они используют наш первый вариант, когда генерируется ультравысокая электромагнитная радиация, которая проникает в ткани и сканирует тонкие электрические импульсы человеческого мозга. У пробы, которая построена для меня, будет такая же диаграмма проводки.

Хэммонд глядел на нее непонимающим взглядом.

– Ну?

Тайан сказала:

– На задней стенке прибора под крышкой находится плата. К ней подведено двенадцать проводов. Изменить проводку очень легко: провод два нужно подсоединить к клемме четыре, провод четыре – к клемме шесть, а провод шесть нужно вообще отсоединить.

Хэммонд начал понимать.

– И что же получится?

– Изменится качество радиации пробы. Тогда я смогу сопротивляться, а мозг не будет разрушен.

Хэммонд встал.

– Я присоединился к хумэнам в их борьбе. Я верю в их дело, хотя не понимаю почему врамэнам нужны космос и долгая жизнь. А теперь ты предлагаешь мне предать их.

– Похоже, что так, – согласилась Тайан. – Но они все равно не получат от меня информации. Это просто спасет мой ум. Я могла бы потом притвориться, что ум разрушен.

Хэммонд покачал головой, раздосадованный и сердитый.

– Нет, я не могу сделать этого. Мне больно от того, что они хотят сделать с тобой и мне больно, что ты так слепо и тупо упряма. Но я за это не в ответе.

Неожиданно Тайан сказала:

– Да, ты за это не в ответе. Конечно, я не могу винить тебя. Я бы только желала, чтобы когда судьба занесла тебя сюда из прошлого, пусть бы она занесла тебя к врамэнам, а не к хумэнам.

И вдруг неожиданно она улыбнулась.

– Поскольку на завтрашний день ничего нельзя изменить, забудем об этом. Я хочу еще послушать о том, как первые люди покидали Землю. Так давно...

Проходили часы, а она все расспрашивала его и больше ни разу не упомянула о том, что должно случиться. Только, когда Хэммонд собрался уходить, она подошла к нему и сказала:

– Думаю, что следует сказать «прощай», Кирк Дуглас. Я хочу попросить об одном одолжении. Я думаю, хумэны сделают это по твоей просьбе.

– Ничего не получится, Тайан, – сказал он. – Они решительно настроены сделать эту пробу. Я не могу их отговорить.

– Я не об этом, – сказала она. – Но когда все кончится, ты можешь попросить их уничтожить мое тело? Я живу очень долго, но не хочу жить без ума.

Он не знал, что ответить ей. Он взглянул на нее, повернулся и постучал в дверь.

В эту ночь Хэммонд не мог спать. Он обратился с просьбой к Уилсону не делать пробу, но тот жестко отказал ему. Он думал, спит ли Тайан. Ему все же казалось, что спит, хотя завтра ее ум перестанет существовать. И она, как личность, тоже.

Он ненавидел свою судьбу, которая привела его из его времени в этот сумасшедший век.

Эти люди далеко ушли в научном прогрессе от его века, они покорили звезды. Жаль, что у них, особенно у Марден, не хватило здравого смысла.

Он умывал руки от всего этого дела. Это не было его виной. Пусть все случится, он не мог ничего остановить. Он будет спать.

Однако сон не шел.

Через некоторое время он тихо поднялся и не надевая туфель вышел украдкой в коридор.

– Я – дурак, – сказал он себе.

Ладно, он был дураком. Но он был таким дураком, который не мог позволить, чтобы произошел этот кошмар.

Он был с хумэнами. Он не мог позволить Тайан убежать и привести врамэнов сюда. Но эта проба, которая сделает идиоткой без всякой пользы, была слишком дорогой ценой.

В главной лаборатории и в комнатах-цехах никого не было. Огни тускло горели, все спали, кроме часового на наблюдательном пункте. Хэммонд направился прямо к электропробе. Описание Тайан было точным. За несколько минут он поменял провода, вернулся в постель и заснул.

Когда он проснулся на следующее утро, он был удивлен, что не чувствует себя виноватым. Он почувствовал облегчение. Он понял, как все это дело давило на него.

Несколько позже Ива сказала ему:

– Они повели Марден на пробу.

– Ты ведь не собираешься присутствовать при этом? – спросил Хэммонд.

Ива покачала головой. Лицо ее было бледное.

– Я не могу. Я ненавижу врамэнов, я ненавижу Марден, но это... не хочу видеть.

Хэммонд покинул ее и пошел в главную лабораторию. Только немногие из хумэнов разделяли чувства Ивы – пришли почти все.

Тайан спокойно пришла с Лундом и Нортом Абелем. Случайно ее взгляд упал на Хэммонда, но она не кивнула головой и не заговорила.

– Твое последнее желание, Марден, – сказал Уилсон сурово. – Сопротивляйся пробе, и все, что случится, произойдет по твоей вине.

Она не ответила. Абель с некоторой неуверенностью указал ей на сиденье, вокруг которого находился сложный аппарат пробы. Когда Тайан молча села, видно было, что алголиец испытал чувство облегчения. Каменным взглядом она смотрела вперед, когда на голову ей одевали большой металлический шлем. Часть лица, не покрытая шлемом, была бледной, холодной и без всякого выражения.

– Не сопротивляйся, расслабься, – сказал ей Абель. Затем повторил: – Расслабься.

Он подошел к пульту управления и начал поворачивать переключатели.

В группе наблюдающих была гробовая тишина. Затем в тишину прорвался гул машины.

Абель осторожно повернул реостат. Тайан слегка зашевелилась и неожиданно закрыла глаза.

– Я начинаю, – сказал Абель.

Он щелкнул переключателем и бумажная лента начала выползать из щели кодирующего устройства машины.

Хэммонда потрясла его мысль. А вдруг он ошибся и женщина получит полный удар от

пробы? Ее лицо было очень белым и странным, он, возможно, ошибся в проводах и...

Абель, наклоняясь над лентой, внезапно сказал с озадаченным видом:

– Я не понимаю, что получается...

Хэммонд глубоко вздохнул. Он не ошибся. Тайан просто притворялась.

Часовой появился на лестнице из наблюдательного пункта, что-то крича, и все повернули головы.

– Наш радар на наблюдательном пункте ловит отсюда мощный поток радиации! – закричал он. – Что вы делаете?

Все глядели на него с недоверчивым видом.

– Ты, наверно, ошибся, – сказал Уилсон. – Радиация здесь недостаточно высокой частоты, чтобы проникнуть сквозь нашу защиту.

– Я не ошибся, – сказал часовой. – Найдите утечку, пока врамэнский аппарат не прилетел сюда.

Внезапно Лунд выбежал вперед и закричал Абелю:

– Выключи пробу, быстро!

Ничего не понимая, тот повернул переключатель. Гудение прекратилось.

Тайан Марден открыла глаза.

– Ты сказал, что проба работает неправильно, – яростно сказал ему Абель. – Это единственно возможный источник утечки радиации.

Абель яростно затряс головой.

– Невозможно. Я сам подключал и проверял ее.

И как падающая скала Хэммонд все осознал – фатальное, неизбежное осознание. Когда он перевел взгляд на Тайан, в груди у него бушевали ярость и боль.

– Проверь аппарат, – сказал Уилсон Абелю.

Абель снял заднюю крышку. Он взглянул на провода и поднял голову. На лице его было написано отчаяние.

– Проводку поменяли специально, чтобы пошел сигнал к врамэнским радарам.

Хэммонд встал и начал пристально глядеть на Тайан, а она спокойно смотрела на него из-под шлема.

– Ты... – начал он и голос его прервался от нахлынувшей ярости.

Лунд увидел его и услышал.

– Вот предатель, – сказал он, указывая на Хэммонда. – Поглядите на Хэммонда. Посмотрите на него. Я говорил вам о том, что произойдет, если за него возьмется Марден. Я говорил вам...

Он ринулся к Хэммонду и схватил его за глотку.

Хэммонд сопротивлялся, в ушах его стоял шум ревущей толпы. И внезапно в голове Хэммонда раздался чистый холодный голос. Это был тот странный голос в голове, который говорил с ним той ночью, когда он и Квобба притаились за валуном, прячась от кораблей-светлячков.

– Сложите оружие, все, – сказал чистый голос в голове.

Хэммонд взглянул вверх, когда Лунд отпустил его. По спиральной лестнице спускалось из наблюдательного пункта человек десять. Двое из них держали предметы, похожие на большие фонарики, из которых исходила энергия или свет, обволакивая всех хумэнов в пещере.

Это были гипноусилители – оружие для гипноатаки.

Хэммонд посмотрел на людей, спускающихся по лестнице, затем на Тайан и услышал, как застонал Уилсон.

– Врамэны, это...

Больше никто ничего не сказал. А в мозгу Хэммонда прозвучал другой холодный гипноприказ:

– Спать! Спать...

Все хумэны опускались на пол. Мозг Хэммонда охватила темень.

8

Когда Кирк проснулся, он был полон необыкновенного ощущения силы и бодрости. Впервые с момента необычного оживления в будущем он не чувствовал неприятной слабости. Редко, на самом деле, он вообще себя так не чувствовал.

Он огляделся в недоумении. Он лежал на мягкой низкой лежанке. У его ног находился прибор, напоминавший лампу, чья спиральная стеклянная колба проецировала на него поток радужного света. Он мимолетно заинтересовался, не этот ли свет смыл его прежнюю усталость? Затем мысль погасла, он оглядел комнату. Она была небольшая. Пол, потолок и три стены были из вещества, напоминавшего зеленый фарфор. Четвертая стена, слегка изгибающаяся, была совершенно прозрачной и беспрепятственно изливала сверкающий солнечный свет.

– Боже милосердный! – воскликнул Хэммонд, память внезапно вернулась к нему. – Врамэны...

Теперь он вспомнил все, и в памяти хранился болезненный шок. Тайан сделала из него идиота с легкостью, как с ребенком. Она перехитрила его, переделав зонд в сигнальное устройство, которое призвало врамэнов в подземное убежище. Он мог вспомнить, как они использовали гипноусилители, приказав спать, и теперь.... это.

Хэммонд поднялся на ноги и пошел к двери. Она была закрыта и все его попытки открыть ее не дали результаты. Озадаченный, он повернулся и пошел к изогнутой прозрачной стене, являвшейся на самом деле огромным окном.

Он глянул в него и остолбенел.

Он находился высоко в городе. И город этот был такой, что ни Хэммонд, ни кто бы то ни было еще в его время, подобного не видели. Это не была гигантская метрополия, как можно было бы предположить. В этом городе было не более сотни зданий. Но они напоминали гигантские, колоссальные пилоны, каждый высотой в милю. Каждый из гигантских пилонов выглядел как стоячий пакет округлых стеклянных стержней, сложенных так, чтобы обеспечить максимум солнечного света в интерьере, с юркими флайерами, снующими туда-сюда. Пилоны потрясали воображение.

– Рурума, – прошептал Хэммонд. – Город Рурума, который описывали хумэны... А это означает...

Его присутствие здесь означает трагедию. Это значит, что он и все его друзья хумэны захвачены врамэнами, и находятся здесь, чтобы подвергнуться наказанию за конспиративную деятельность.

Кирк почувствовал страдания от осознания собственной вины. Было жгучей насмешкой, что он, так глубоко сочувствующий желаниям хумэнов сделать космос свободным снова, стал тем, кто разрушил все их надежды. Где теперь Йон Уилсон и Ива, да и остальные тоже?

Он резко развернулся, когда открылась дверь. Когда он увидел, что это была Тайан Марден, горячая, неистовая ярость бросила его к ней с вытянутыми руками.

Тайан говорила быстро, но спокойно, поигрывая маленькой пластиковой трубкой в руке.

– Я могу парализовать тебя, если ты меня вынудишь.

Хэммонд остановился, потрясенный и негодующий. Но даже в ярости он отметил про себя, что врамэнка даже сейчас была невероятно красива. Она была одета в рубаху и шорты из черного шелковистого материала, который хорошо подчеркивал изящные формы ее тела. На ее груди был странная карточка из мерцающих драгоценностей, а украшенная драгоценностями лента стягивала ее светлые волосы. Ее лицо было совершенно спокойно, голубые глаза серьезно изучали его.

– Что ты сделала с Уилсоном, Квоббой и другими? – свирепо потребовал он.

Не колеблясь, Тайан ответила.

– С ними все в порядке. Как и тебя, их здесь держат уже четыре дня в ожидании суда.

– Четыре дня? – переспросил Кирк, удивление сменило гнев. – Ты хочешь сказать, что это тянется так долго?

Тайан кивнула.

– Когда наши медико-технические специалисты обследовали тебя, они определили, что твое тело все еще страдает от глубокого переохлаждения. Они рекомендовали держать тебя под воздействием терапевтического излучения все это время.

Мысли Кирка вернулись к друзьям.

– Ты говоришь, что с Уилсоном и другими все в порядке. Откуда мне знать, что ты не лжешь?

– Мы – врамэны. У нас не принято лгать.

– А разве ты не использовала против меня лживый трюк?

– Я сказала, что если ты изменишь проводку, то мой мозг не будет поврежден. Разве это не так?

– Ты не сказала мне, что подашь сигналы своим друзьям, – выпалил он. – А это рассматривается как ложь.

Снова Тайан Марден проявила неожиданную честность.

– Да, это так, – сказала она. – Тем не менее, это была крайняя необходимость. В любом случае, это позволило предотвратить поход хумэнов на Альтар.

– Ты играешь на моей симпатии к тебе, – сказал Кирк. – Но приличная женщина-человек не стала бы использовать подобный трюк. Хотя это и вполне подходит для того, кто не является женщиной на самом деле, это приличествует двухсотлетнему существу без настоящих эмоций.

Он хотел как можно больнее задеть ее и преуспел в этом. Тайан вздрогнула, и когда заговорила вновь, голос ее был полон боли.

– Ты прав, заявляя это. – Она неотрывно смотрела на него. – Но теперь, когда ты это сказал, будешь ли ты заинтересован узнать, зачем я пришла сюда?

– Чтобы сказать мне, что я буду осужден и наказан вместе с другими? – сказал он. – Ладно, я готов.

– Ты не будешь наказан, если не перестанешь быть крайне несговорчивым, – ответила Тайан. – Тебя тщательно исследовали в наших лабораториях во время сна. Мы знаем теперь, что твоя история о возвращении из прошлого правдива, мы изучили твой мозг при помощи энцефалографа.

Кирк Хэммонд почувствовал новый приступ ярости.

– Вы использовали эту дьявольскую штуковину на мне?

– Его всегда используют на стадии предварительного следствия, – ответила Тайан. – Врамэнские психотехники с гипноусилителями могут его использовать без малейшего сопротивления.

– Я надеюсь, вы получили удовольствия от того, что я чувствую по отношению к врамэнам.

– Мы нашли многое. Но прибор не может исследовать все в человеческом мозгу, только доминирующие воспоминания и эмоции. Мы получили мучительные фрагменты, наброски из твоего отдаленного времени, от которого – как я уже говорила раньше – не осталось других записей.

Она подошла ближе и говорила очень искренне.

– Ты мог бы добавить многое к нашим знаниям о грандиозном периоде начала освоения космоса. Если ты согласен помогать в наших исследованиях, всецело сотрудничать с нашими историками и психотехниками, мы попросим хумэнское правосудие воздержаться от осуждения тебя за подпольную деятельность.

– Никаких дел, – огрызнулся Хэммонд. – Я не буду ничего делать для вас и вашей маленькой шайки суперменов. Я остаюсь с Уилсоном и моими друзьями.

– Это потому, что ты не знаешь правды, – сказала Тайан. – Они ненавидят врамэнов, и

тебя заразили своей ненавистью. Они ненавидят нас несмотря на то, а это истинная правда, что врамэны никогда не вредили людям, а лишь всячески помогали им.

– Если вы хотите помочь человечеству, почему бы не дать им возможность жить столько же, сколько живете вы? Или это было бы слишком уж большой помощью?

Тайан выглядела немного растеряно.

– Я вижу ты не хочешь слышать о причине. Ты зазубрил предрассудки людей. И ты обижаешься на меня еще и потому, что любишь меня.

– Люблю... – Кирк быстро глянул на нее и сказал: – Боже, ты в действительности веришь в то, о чем говоришь? Что подсказало тебе эту безумную идею?. Все это для того, чтобы я почувствовал свою вину?

Тайан улыбнулась.

– Я говорила тебе об энцефалозаписях твоих доминирующих мыслей и эмоций. Я просмотрела все записи и они ясно говорят, что ты влюбился в меня с самого первого момента, как увидел, хотя твои предубеждения против врамэнов, навязанные этой кучкой заговорщиков, заставляют тебя быть подозрительным.

Прежде чем Хэммонд успел хоть что-то сказать в ответ, Тайан повернулась и вышла из комнаты.

Хэммонд замер в прострации и злости. То, что он думал, так это сколько же им удалось считать с него информации? Он чувствовал физическую привлекательность Тайан, любой человек почувствовал бы. И она сама, не человек, и не способна разобраться в человеческих эмоциях, что и привело ее к выводу о том, что он влюбился в нее. Влюбился в двухсотлетнюю врамэнскую женщину! Он рассмеялся.

Часом позже дверь открылась и вошли двое людей. Это были чисто выбритые молодые люди в черной униформе с эмблемой из скопления золотистых дисков. Хэммонд знал от Квоббы, что это знак правительства Федеративных солнц. И поскольку врамэны официально не входили в правительство, эти люди были хумэнами.

Один из них спокойно произнес:

– Пожалуйста, подойдите к нам, мы вас забираем для суда.

Ни у одного из них не было видно оружия, но он не сомневался, что оно у них имеется. Он пожал плечами и пошел с ними.

Коридор был широким и извилистым, его стены и потолки были из вещества, похожего на холодное зеленое стекло, которое светится изнутри. Там была и небольшая группа людей – полдюжины мужчин в униформе и все мужчины и женщины из группы Уилсона, массивная голова Рэба Квоббы возвышалась над всеми. Хэммонд пошел к ним.

– Уилсон... Ива... с вами все в порядке? Я боялся...

Слова уперлись в глухую стену молчания. Уилсон смотрел на него с непробиваемой враждебностью. Гурт Лунд смотрел на него так, словно хотел тут же прикончить его. Даже Квобба и маленький Таммас избегали смотреть ему в глаза. Ива невесело уставилась в пол.

– Послушайте, – обратился к ним Кирк. – Я знаю, что вы обо мне думаете. Я не виню вас за это. Но пожалуйста...

Офицер охраны подошел к нему.

– Здесь говорить нельзя. Суд ждет.

Их провели по коридору в маленькую металлическую комнату, оказавшуюся лифтом, который внезапно понесся вниз с огромной скоростью. Хэммонд оказался возле Ивы Уилсон.

– Ива, разве вы не понимаете, что Тайан Марден обманула меня, что все вышло случайно?

Она быстро глянула на него и отвела взгляд.

– Они говорят, что ты это сделал по доброй воле... ты предал нас ради Тайан Марден.

Лифт остановился и их провели в огромную и изысканно обставленную залу. Пол напоминал озеро из гладкой черноты. Стены над ним были сумрачно серыми с чисто белым контрастом сводчатого потолка. В помещении присутствовало большое количество мужчин и женщин, сидящих на полукруглых сидениях. На возвышении, лицом к ним, сидел мужчина

с эмблемой звездного скопления, а на стене над ним висела точно такая же увеличенная эмблема Федеративных солнц. Хэммонд не видел присяжных, скамейки для обвинения и защитника, ничего похожего на суд двадцатого века. Он видел, что одна из передних скамеек была занята Тайан Марден и тремя мужчинами с такими же карточками, как и у нее.

– Чертовы врамэны здесь, чтобы убедиться, что наше наказание соответствует нашему прегрешению, – услышал он шепот Рэба Квоббы, обращенный к Таммасу.

Когда Хэммонда и его товарищей-заключенных подвели к возвышению судьи, он услышал бормотание голосов зрителей и внезапно осознал, что все смотрят на него. Вероятно, известие о его необычной истории распространилось. Даже хумэнский судья, суровый мужчина средних лет, оценивающе окинул его пристальным взглядом. Затем он обратился ко всем:

– Вы обвиняетесь в попытке создать нелегальный звездолет. Во время этой деятельности и как ее прямой результат, вы явились причиной смерти двух врамэнов, чей патрульный флайер был уничтожен при помощи вихревого ружья, нелегального оружия. В дальнейшем вы ограничили передвижение и угрожали нанести фатальные повреждения другому врамэну. – Он развернул свиток бумаги. – Это официальные записи энцефалограмм вашего мозга. Можете их проверить. Вы оспариваете что-либо из этих записей?

Уилсон сузил глаза и заявил.

– Мы их не оспариваем.

Судья взглянул на Тайан.

– Тайан Марден, как личность, свидетельствующая в пользу обвинения, вы также имеете право проверить записи. Есть ли у вас возражения против какой-либо из их частей?

– Нет, – ответила Тайан.

Как стало очевидно Хэммонду, который обратил внимание на скорость, с которой проходили формальные процедуры, никто не ожидал подделки энцефалопроб. Как можно было подделать точнейшие, выверенные записи человеческих мыслей? В этом суперсовременном суде не было место для адвокатов и крючкотворов.

Судья снова обратился к обвиняемым.

– Вы знаете, что нарушили основной закон Федеративных солнц, когда попытались построить запрещенный звездолет. Вы знаете, что правительство заключило договор с врамэнами о том, что ни один звездолет не может быть построен без их ограничительного устройства.

Уилсон отвечал с резкой страстностью:

– Мы не считали, что соглашение распространяется на всех хумэнов, которые будут рождаться после его подписания. – Он развернулся, чтобы посмотреть на людей, которые его слушали. Мы не видим причины, по которой врамэны ограничивают нас в долгой жизни, которой наслаждаются сами.

Кирк услышал гул шепота, пробежавшего по сидениям. По всей видимости большая часть хумэнов разделяла это заявление Уилсона. Звук в зале напоминал низкий гул рассерженного животного. Тайан и трое его спутников сидели с совершенно спокойными лицами.

– Пригодность нашего соглашения с врамэнами не обсуждается здесь, – заявил судья. – Оно было сделано добровольно, как маленькая плата за все те прибыли, которые врамэны предоставили человечеству. Разорвав его, используя враждебность к врамэнам и разжигая ее, вы совершили государственное преступление. Поскольку вы не можете предложить оправдывающих вас обстоятельств и согласны с энцефалограммами, ваша вина не подлежит сомнению. Вы приговариваетесь к ссылке на штрафную планету Спики.

С совершенным достоинством Уилсон сказал:

– Мы не ожидали иного правосудия. Но придет день, когда доминирование врамэнов над всей нашей цивилизацией закончится. И тогда мы узнаем тайну долгой жизни у них.

Снова грозное бормотание пронеслось по залу. Оно было перекрыто голосом судьи.

– Наш приговор относится ко всем задержанным за исключением того, кого зовут Кирк

Хэммонд, – сказал он. – Я понимаю, что представители врамэнов здесь желают просить изменения приговора.

Он глянул на Тайан Марден. Врамэнка встала и взглянула на непроницаемое лицо Хэммонда.

– Таким действительно было наше предложение, – сказала она, – но человек по имени Кирк Хэммонд категорически отказался от сотрудничества с нами, поэтому мы отзываем свое прошение.

Судья глянул на Кирка и нахмурился.

– Не повезло. Ваша история нам известна. Как человек, чудом попавший из далекого прошлого в настоящее, вы вызываете восхищение и являетесь почетным гостем среди нас. Но в соответствии с вашей энцефалограммой вы действовали в полном осознании того, что нарушаете наши законы. Известные обстоятельства личной истории не могут служить оправданием вашего добровольного нарушения закона Федеративных солнц. Только если представители врамэнов захотят, я могу отменить приговор.

– Мы все еще хотим поддержать помилование, если мужчина Хэммонд согласится помогать в наших исторических исследованиях, – спокойно заявила Тайан.

Судья обратился к Хэммонду.

– Я бы посоветовал вам прислушаться к этому заявлению, – серьезно сказал он.

Хэммонд взглянул на Тайан. Волна ярости захлестнула его. Именно она поставила его в подобное положение. Ярость обратилась на всех врамэнов, распространивших свое влияние на всю вселенную, на космос, который он попытался завоевать и который отправил его в изгнание из собственного мира. И весь его нерастраченный гнев вылился в короткий ответ.

– Черт бы меня побрал, если я это сделаю!

– Тогда вы должны будете отправиться на Куум, штрафную планету Спики, – сказал судья. – До тех пор, пока не перемените свое решение и не примете предложения врамэнов.

Хэммонд вышел из помещения суда в состоянии шока. Все прошло так быстро и гладко, что он не осознал того, что отправляется в тюрьму.

– И никакого обжалования? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. – И никакого досрочного освобождения за хорошее поведение...

Холодный голос Уилсона ответил ему с расстояния.

– Каждые десять лет они проводят новые пробы. Если те показывают, что заключенный реабилитирован – другими словами говоря, не повторит преступления – его могут вернуть в общество. Но это тебя не должно беспокоить, Хэммонд.

– Ты же слышал Марден, как и мы. Для тебя ворота открыты в любое время.

Наступила тишина, нарушаемая только их шагами по коридору.

Затем Уилсон сказал помягче.

– Было ли это частью ее обещания тебе, Хэммонд... частью платы за предательство?

9

Давным-давно мальчик из Огайо закричал: «Я очень хочу однажды улететь в космос». И он улетел, навстречу самой странной судьбе в истории.

И вот теперь Хэммонд снова был в космосе. Но на этот раз не в крошечном спутнике, а в огромном звездном корабле, направлявшемся к необъятным глубинам межзвездного пространства.

Слишком необъятным, – подумал он, – посмотрев в иллюминатор и почувствовав тяжесть во всем теле. – Слишком необъятным, слишком далеким.

У него по-прежнему немного кружилась голова от всего, что произошло. Его самого и его товарищей – заключенных из зала суда, посадили в сопровождаемые охранниками машины и несколько часов везли по улицам Рурумы. Зеленевшие парками огромные гладкие и холодные опоры, между которыми они проезжали, возвышались над ними, произвели на него ошеломляющее впечатление. Но только в космическом порту на него по-настоящему

обрушился весь груз перемен, произошедших за десять тысяч лет.

Он подумал о базе на мысе Канаверал, крошечной, но отчаянной ракете, маленьком спутнике, который она должна была попытаться вытолкнуть на орбиту вокруг Луны. Какой ничтожной казалась память обо всем этом сейчас, когда он стоял на бетонированной площадке, протянувшейся на мили до самого горизонта и смотрел на бесконечный упорядоченный хаос, в котором смешались стартовые площадки, мастерские, краны, склады.

И корабли.

Какими непохожими на беспомощные ракеты двадцатого века были эти огромные лайнеры, бороздящие межзвездные просторы. Их огромные корпуса, подобно грозовым тучам нависли над крошечными людьми и машинами сновавшими вокруг них. Сейчас корабли отдыхали, но это был отдых гигантов, побывавших на далеких берегах бесконечности, познавших пути далеких солнц и миров, гигантов, на телах которых остались шрамы от течений невидимых туманностей, и которые вскоре оттолкнутся от маленькой планеты, лежащей под ними и вернутся во тьму и сияние космоса, который и был их домом. Когда их повели к одному из кораблей с эмблемой Федеративных Солнц на корпусе, Хэммонд увидел толпы, носящиеся по космопорту. Хумэны со всех уголков галактики, с красной кожей, с зеленой кожей, с розовой, голубой и серой кожей, их пигментация и внешность изменились через поколения, прожившие под чужими звездами, но все они были плодами, которые дали семена давным-давно разбросанные матерью-Землей.

Корабль взлетал совершенно не так, как взлетали старые шумные медлительные ракеты. Хэммонд кое-что узнал об этих звездных кораблях, задавая множество вопросов в пещерах. В основе их движения лежал сильно усовершенствованный принцип ионного привода, предложенный еще в его собственное время. Цезий испарялся и его ионы, ускоряясь напряжением огромных генераторов, давали обратный толчок через плазменные двигатели. Затем наступала очередь фотонной тяги, которая толкала корабль со скоростью многократно превосходящей скорость света, выбрасывая его немного из обычного трехмерного пространства, чтобы избежать ограничивающего отношения Эйнштейна.

Хэммонд и другие сидели в откатывающихся креслах в главной каюте опечатанной тюремной палубы корабля. За громким ревом генераторов последовало неожиданно появившееся чувство веса, которое все нарастало и нарастало, однако это происходило плавно что ни на мгновение не стало невыносимым. Казалось, что другие, находящиеся рядом с ним даже не обратили на это никакого внимания. Джон Уилсон погрузился в угрюмое молчание. Квобба спорил с Таммасом. Все они были звездолетчиками или людьми, привыкшими к звездным кораблям. Они даже не удосужились выглянуть наружу. Но Хэммонд сделал это.

Он все еще смотрел в иллюминатор.

Он знал, что это отверстие в стене не совсем иллюминатор. На самом деле ты смотришь не через него, ты смотришь в него, как в древний телевизор. Это был сканер, с механизмом, более сложным, чем любой телевизор трансформирующим искаженные световые лучи, которые никто не мог бы увидеть в имеющую смысл картинку, и казалось, что ты смотришь прямо в космос.

Хэммонд видел космос раньше: звездное войско, неустанно шагающее по черным полям небес, горящие компании горячих желтых, дымных красных, снежно-голубых и зеленых, бредущие рыцари туманности, лабиринт света, такой огромный, что трудно думать о каждой яркой точке как о мощном солнце, кипящем атомным огнем и несущемся с окружающими его планетами сквозь бесконечность. Хэммонд видел все это раньше, но очарованный смотрел как звезда Сол и ее планеты оставались позади. Он не мог оторвать глаз от этого зрелища.

Он смотрел и смотрел и вдруг ему показалось, что окружавшие его стены корабля исчезли. Он был один на один с космосом, только он и звезды. Они наблюдали за ним своими яркими и безжалостными глазами, а он смотрел на них и не видел, потому что сидел в маленьком спутнике, замерзший, слепой, подобный мертвецу, тысячелетия следуя по своей

одинокой нескончаемой орбите.

«...считал бы себя королем бесконечного космоса, если бы не дурные сны».

Это был всего лишь сон наполовину живого – наполовину мертвого Хэммонда, которого разбудили, чтобы продолжать жить. Он никогда не проснется, он будет двигаться вперед вечно...

– Кирк!

Умоляющий голос возле его уха, пальцы, тянущие его за руку... И вдруг заклятие спало, и он снова оказался в корабле, больной и трясущийся, рядом с ним была Ива Уилсон, которая пыталась оторвать его от сканера.

– Твое лицо, – прошептала она. – Я не могла этого вынести. Это было ужасно.

Он заговорил с усилием.

– Мой старый кошмар снова ко мне вернулся. Думаю, это самогипноз. Спасибо, Ива.

Позади раздался резкий голос Джона Уилсона.

– Оставь его, Ива.

Хэммонд повернулся, все еще мокрый от холодного пота. Уилсон и Гурт Лунд подошли к нему, за ними стояли другие, и на всех лицах, кроме лиц Квоббы и Таммаса было враждебное выражение.

– Подожди минутку, – проговорил Хэммонд. Его все еще трясло, но он заставил себя открыть рот. – Я не виню вас за то, что вы сердиты. Из меня сделали дурака, и я сов решил дурацкую вещь. Но я не предавал вас намеренно.

Изможденное лицо Джона Уилсона не дрогнуло.

– Я могу простить ошибку, – сказал он горько, – даже если из-за нее рухнуло все то, ради чего мы работали. Но я не думаю, что это была ошибка. Я думаю, ты намеренно подал сигнал по просьбе Марден.

– Отец, но ты ведь не можешь и вправду так считать! – запротестовала Ива.

Гнев стал одерживать верх над слабостью. Хэммонд сказал:

– Черт побери, если я сделал так, как ты сказал, то почему же я отказался помогать врамэнам, хотя это означало мою свободу?

– Вот это, – ответил Уилсон, – я и хочу узнать. Если только врамэны не подослали тебя к нам в качестве шпиона.

– У тебя нет ни намека на доказательство такого обвинения, – горячо возразил Хэммонд. – Ты...

– Есть, – ответил Уилсон. – Я – вождь осужденных и моей обязанностью является ознакомиться с записями, сделанными при помощи энцефалозонда перед судом.

Лица Квоббы, Лунда и других стали озадаченными. Но внутри Хэммонда словно что-то оборвалось. Он догадался, что сейчас скажет Уилсон.

– В записях, сделанных с твоего мозга, Хэммонд, я обнаружил четкие указания на то, что ты любишь Тайан Марден.

Стоявшие за Уилсоном заревели от гнева, а голос Лунда четко и безжалостно произнес:

– Он предал нас ради нее.

Он бросился на Хэммонда. Тот, удивленный этим неожиданным нападением, пропустил удар. Кулак Лунда попал ему в челюсть. Удар оглушил его, сбил с ног, и Хэммонд почувствовал, что обе руки Лунда сомкнулись у него на шее, лишили его дыхания, а лицо Лунда повисло над ним в темноте, безжалостное и напряженное как морда тигра. Неимоверным усилием Хэммонд согнул колени и сбросил с себя Лунда.

Уилсон схватил Лунда и удержал его от нового нападения.

– Нет! Это только привлечет внимание стражников и нас всех запрут в наших каютах.

Хэммонд поднялся на ноги. Не обращая внимания на Лунда и остальных он обратился прямо к Уилсону.

– Я не предавал тебя. Не намеренно. И я не люблю Тайан Марден, независимо от того, что говорит зонд.

– Человек может лгать, – произнес Уилсон. – Человек может ошибаться, но зонд

никогда не лжет и никогда не ошибается. Намеренно ты послал этот сигнал или нет, человеку, который любит врамэна, нельзя доверять.

Он повернулся, уводя за собой Иву. Другие последовали за ним. Хэммонд смотрел им вслед со злостью и отчаяньем. Ну и черт с ними, подумал он. Если они такого о нем мнения, то он может принять предложение врамэнов.

Но когда он подумал о Тайан Марден, то понял, что никогда этого не сделает. Он не доставит этому ледяному нечеловеческому подобию женщины такое удовольствие. Его могут возмущать подозрения хумэнов, но врамэнов он активно ненавидел. Наверно он чувствовал их превосходство, но так или иначе, ему все равно не нравилось их доминирование в космосе и их монопольное обладание секретом жизни.

Хэммонда снова обожгла мысль о том, что в этом времени он никогда не найдет себе места. Он никогда до конца не поймет психологию этих людей, слишком велика была пропасть между его происхождением и их. Но он старался не давать этому чувству овладеть им. Если он только допустит это, одиночество и неприкаянность столкнут его в бездну безумия. Он должен прожить свою жизнь в этой чужой новой вселенной как можно лучше.

– И я прекрасно взял старт, – с горечью подумал он. – Единственные друзья, которые у меня здесь были, теперь ненавидят меня и не доверяют мне.

Мягко прозвенел звонок, и динамик сообщил, заключенным что пришло время еды. Они потянулись вперед, не обращая внимания на Хэммонда. Он не хотел есть и остался там, где стоял, не шевелясь, пока не услышал позади чьи-то шаги.

Он резко повернулся. Это была Ива Уилсон. Ее темное красивое лицо было несчастным.

– Кирк, я вернусь... Мне жаль, что так получилось.

– Значит, ты не веришь, что я совершил намеренное предательство?

– Конечно, нет, – сказала она быстро. – Это все подстроила Тайан Марден. Она помолчала, потом продолжила. – Правда, что ты влюблен в нее?

– Нет, черт возьми, – взорвался он. – Она красива. И она меня привлекала. С каким мужчиной этого не произошло бы? И это попало в записи, и они приняли это за любовь. Это правда.

Ива вздохнула с облегчением.

– Я была уверена, что все именно так. Потому что слишком невозможно, чтобы хумэн влюбился в врамэна.

– Твой отец сказал, что врамэны никогда не женятся и не имеют детей, – сказал Хэммонд. – Значит ли это, что у них нет настоящих чувств?

– Мы не знаем, что на самом деле представляют собой врамэны эмоционально, – ответила Ива. – Они странные, не такие как люди. Кирк, со временем остальные поймут, что ты не предатель. Мы будем на Кууме долго, у отца и у других будет время подумать. Не спорь с ними сейчас и они вернутся.

– Надеюсь, так и будет, – произнес Хэммонд с сомнением. – Но я не мог предположить, что Гурт Лунд набросится на меня. Почему он меня так ненавидит?

– Он ужасно ненавидит врамэнов, – ответила Ива. – Девушка, которую он любил умерла от болезни несколько лет назад. С тех пор он вбил себе в голову, что если бы хумэны обладали секретом жизни, она была бы жива. То же и с моим отцом. Именно смерть моей матери придала ему эту яростную решимость заполучить секрет жизни, которым владеют врамэны.

Она показала в сторону неба, густо усеянного звездами, в сторону мерцающей дикости солнечных скоплений и туманности.

– Что бы ты чувствовал, если бы видел, как умирает человек, которого ты любишь больше всего на свете, зная, что существует секрет жизни, который мог бы этому помешать?

Хэммонд не отрываясь смотрел на сияющее великолепие далеких столпившихся звезд.

– Значит, Трифид там?

– Трифид... и Альтар, – кивнула Ива.

Хэммонд чувствовал, что он отлично понимает горечь Лунда и фанатичную решимость Уилсона. Неудивительно, что они ненавидели врамэнов. Он взял Иву за руку.

– Спасибо за то, что ты веришь в меня. Неважно, что говорят другие. Я все равно с тобой, всегда.

Ива покачала головой.

– Битва закончена. Для нас, – она отвернулась. – Я лучше пойду, пока никто меня здесь не увидел. Отец очень рассердится.

Ее ладонь все еще лежала в руке Хэммонда. Поддавшись какому-то внезапному порыву, он наклонился и поцеловал девушку.

Ее губы были теплыми, ждущими, дорогими. И все же – какой дьявол подкинул ему эту мысль? – он не почувствовал той электрической дрожи, которую почувствовал, прикоснувшись к холодным губам Тайан Марден.

После того, как она ушла, он долго смотрел на отупляющую дикость далеких звезд и светящегося газа. Мощные бастионы и валы, образованные многочисленными солнцами пылали жарким огнем, подобно стенам вечного пламени, охраняя – что? Что такое находилось там, что давало врамэнам почти бесконечную жизнь? Альтар. Имя, которое ни о чем не говорит. Что скрывалось за этим именем? Внезапно, забыв о своем собственном положении, Хэммонд с сокрушающей силой почувствовал тайну и удивительность галактики, все волшебство, чудеса и загадки, которые существовали внутри этого огромного колеса звезд, неустанно катящегося по бесконечности.

Он не отступал от своего решения и мужественно не обращал внимания на враждебность своих товарищей по несчастью в течение следующих «дней». Рано или поздно, когда их первое негодование стихнет, он сможет убедить их, что он не предатель. Но он вынужден был признать, что пока с трудом выносил в этом замкнутом пространстве тот остракизм, которому его подвергли.

«Дни» шли своим чередом, и внутри корабля они разделялись только звонками, призывавшими ко сну и регулярными проверками, осуществлявшимися ответственным капитаном Полиции Федеративных Солнц.

Но если внутри корабля никаких изменений не происходило, то этого нельзя было сказать о окружавшем его космосе. День за днем общая картина созвездий менялась, что служило доказательством той невероятной скорости, с которой фотонная тяга толкала их через галактику. Хэммонду трудно было представить, что другие корабли тоже мчались среди звезд, спеша через эти необъятные просторы к красному Антаресу, зеленому Сириусу или тусклому Алголу. Он все еще не мог полностью осознать величину галактической цивилизации, созданной за десять тысяч лет.

Дважды Хэммонд просыпался в холодном поту, отчаянно пытаясь вырваться из повторяющегося кошмара, возвращавшего его назад в спутник, в котором он, замерзший, носился по неменяющейся орбите. Ему казалось, что он никогда от этого не избавится, во всяком случае, пока он в космосе. Он с ужасом ожидал окончания «дня» и приближения периода сна, в страхе перед преследовавшим его кошмаром.

Настало время, когда корабль поменял курс и открыл пылающий белый шар Спики, видневшейся впереди. Неземная скорость перебросила их через десятки парсеков, и теперь они приближались к месту назначения по мере того как корабль углублялся в ослепительное сияние Спики. По прихоти космоса это огромное белое солнце имело всего одну планету, Куум. Было очевидно, что необычная изолированность этого мира и послужила причиной того, что его выбрали в качестве планеты, куда отправляли осужденных.

Куум для их глаз была черно-белой планетой. Она была не больше Земли, с маленькими молочно-белыми океанами и континентами, покрытыми сине-черными джунглями, в которых изредка попадались участки, заросшие бледно-серой травой. Когда корабль зашел на посадку, они увидели большую расчищенную площадь земли, десятки миль длиной, окруженную черными джунглями. На этом участке находились возделываемые поля и небольшой городок с металлическими домами. На некотором расстоянии от городка

был виден космический порт, но вся площадь, занимаемая космопортом была окружена высокой стеной бледного мерцающего света.

– Значит, это Куум, – произнес Рэб Квобба. – Это один из немногих миров, в которых я не бывал и не хотел побывать...

– У них здесь чертовски серьезная охрана, – пробормотал Шау Таммас. – Посмотрите на эту силовую стену вокруг космопорта.

– Я вижу, – сказал Джон Уилсон. Голос его звучал невыразимо устало и уныло. И я понимаю, почему ни один заключенный никогда не убегал с этой планеты.

10

Хэммонд сидел под сверкающим, как бриллиант, солнцем. Он протянул руку и выдернул из-под ноги пучок травы. Листья травы были толстыми, каждый листочек был причудливо усыпан черными и белыми крапинками и казался серым даже на небольшом расстоянии. Комок почвы, приставший к корням, был черным как сажа.

– Не Земля, – подумал Хэммонд. Он снова повторил эти слова. – Я не на Земле. Я на другой планете.

Попробуй осознать разницу. Вдохни ее, вместе с теплым влажным воздухом, имеющим любопытный едкий горький запах, который нельзя назвать ни ароматом, ни вонью. Почувствуй ее благодаря странной легкости своего тела, вызванной слегка другой силой тяжести. Посмотри вверх и тебя ослепит эта разница, флуоресцирующее неголубое небо, в котором плавает слишком большое, слишком яркое, слишком белое солнце.

Он медленно оглянулся. Он сидел на скамейке напротив длинного низкого металлического барака. Это здание было одной из двенадцати одинаковых структур, вдоль протянувшейся за бараками черной мощеной улицы стояли аккуратненькие металлические коттеджи, обсаженные гладкой серой травой и незнакомыми цветами. Вдали виднелась черная полоса: это поля, окружавшие маленькое поселение смыкались с темными дикими джунглями.

Хэммонду оно казалось совсем непохожим на колонию для осужденных. Он поразился впервые увидев этот поселок: аккуратные домики, женщины, болтающие у дверей, дети играющие на улице.

В тяжелых грузовиках возвращались с дневной работы в джунглях мужчины, пестрая толпа хумэнов со всех уголков Галактики. Они кричали своим женам и детям или с любопытством смотрели на вновь прибывших, и совсем не были похожи на заключенных. Хэммонду потребовалось некоторое время, чтобы понять, что понятие тюрьмы изменилось, и что цивилизация Федеративных Солнц была слишком просвещенной чтобы применять суровые наказания. Куум был планетой, на которую ссылали осужденных, а не местом наказания. Даже охранников не было видно.

На самом деле именно охранники и были по сути заключенными, на этой планете. В направлении, о котором Хэммонд думал как о востоке, виднелась верхушка самой высокой башни космопорта. Между ним и башней в воздухе наблюдалось любопытное постоянное свечение. Это был высокий барьер почти невидимого излучения, сплошной стеной окружавший космопорт, здания, в которых располагалась охрана, бараки и склады. Когда осужденные впервые ступили на поверхность Куума после посадки корабля, офицер охраны, хумэн, показал им на этот защитный барьер и объяснил, что он представляет собой электродинамическое поле, постоянно генерируемое в зданиях охраны.

– Если вы к нему прикоснетесь, оно вас не убьет, – сказал он, – но вы долгое время будете находиться без сознания. Не приближайтесь к нему ни сейчас, ни в будущем.

Он подал знак в сторону высокой бетонной башни, и узкий участок барьера неожиданно исчез. Осужденные толпой прошли через образовавшуюся щель, и барьер сомкнулся вновь.

– Его можно выключить только в башне, находящейся внутри него, – проревел

Квобба. – Замечательно. Просто замечательно.

Затем Хэммонд понял. С этой планеты можно убежать только в космическом корабле. А звездные корабли совершали посадку только на территории космопорта, от которого заключенных отделял электрический барьер. Так что осужденные были свободны в этом мире, но не могли его покинуть.

В этом городке им предоставлялось жилье. Семьям – отдельные коттеджи, одиноким мужчинам – бараки. Вновь прибывшие едва успели осмотреться, как вернувшиеся с работы в джунглях столпились вокруг них и начали задавать вопросы. Шум разговора, взволнованные расспросы о далеких звездах и галактических портах, о которых он никогда не слышал, приводили Хэммонда в замешательство. Он сбежал от всего этого на эту скамейку, чтобы посмотреть, поудивляться и попытаться понять, что он находится совсем в другой части Галактики, далеко от Земли.

Из барака вышел мужчина и сел рядом с ним. Хэммонд быстро повернулся, готовый защищаться, но человек был ему незнаком. На его странного серого цвета лице светились очень умные глаза. Точно такой цвет лица был у Норта Абеля, но хотя на лице незнакомца не было морщин, он каким-то необъяснимым образом казался намного старше и намного более зрелым чем Абель.

– Меня зовут Тол Ор, – сказал он. – Ты – Хэммонд с Земли?

Хэммонд кивнул.

– А ты случайно не с Алгола?

– Это так. Но я уже довольно долго нахожусь здесь на Кууме, – продолжал Ор. – Там говорят, что ты шпионишь для врамэнов.

Сердце Хэммонда оборвалось. После короткой паузы он ответил:

– Это неправда. Но я не могу их в этом убедить.

Он чувствовал себя ужасно беспомощным. Он надеялся, что рано или поздно неприязнь исчезнет, и они прислушаются к голосу разума, но этого не произошло. Никто, даже Квобба не станет говорить с ним напрямую. Никто, казалось, даже не замечал его. Так было во время всего путешествия, тоже повторилось и здесь на Кууме.

Проклятая Тайан Марден. Он винил ее, не хумэнов. Шутка, которую она с ним сыграла, поставила его в это положение. У него возникло дикое желание отплатить ей и всей расе врамэнов за это.

Тол Ор смотрел на него с глубоким интересом.

– Они также говорят, что ты прибыл из далекого прошлого. Мне кажется, в это гораздо труднее поверить.

Хэммонд объяснил, не особенно переживая, верит ли ему собеседник или нет. Когда он закончил, Тол Ор покачал головой.

– Невероятная история, и все же с научной точки зрения вполне возможная. Я хочу услышать все это поподробнее. Я припишу тебя к своей рабочей бригаде.

Он объяснил, что всей работой на Кууме руководили сами осужденные. Федеративные солнца платили фиксированную зарплату мужчинам за расчистку джунглей, окружавших поселение. У них были мощные бульдозеры, грузовики и другие машины, но ничего такого, что можно было бы превратить в оружие. Охранники их не беспокоили, только офицер охраны каждый вечер являлся в поселок для краткой инспекции.

– Тебе будет не так трудно, если ты будешь работать в моей бригаде, учитывая враждебность, которая тебя окружает, – добавил алголиец.

– Значит, ты не веришь, что я врамэнский шпион?

Тор Ор улыбнулся.

– Врамэнам не нужны шпионы. Это всего лишь старая ненависть хумэнов к ним.

– Непохоже, чтобы ты их особенно ненавидел, – Хэммонд с любопытством посмотрел на Тола.

Тот пожал плечами.

– Именно врамэны отправили меня сюда. Но с другой стороны им было гораздо легче

меня убить, но они этого не сделали. Когда-то я был довольно известным физиком. Мой энтузиазм вел меня вперед. Я занимался исследованиями поля, в маленьком корабле, и подобрался слишком близко к Трифиду.

Хэммонд посмотрел на него с неожиданным пристальным интересом.

– Ты охотился за Альтаром?

– Нет, вовсе нет. Я изучал космическую радиацию и обнаружил какие-то странные спектры излучений в окрестностях Трифида. Я ужасно заинтересовался и подлетел слишком близко. Врамэны вполне законно могли взорвать наш корабль, но они этого не сделали. Меня приговорили к пожизненному пребыванию на Кууме, а члены моей наемной команды получили по пять лет. Я подумал, что это довольно мягкий приговор.

Солнце село, и сумерки стали переходить в безлунную ночь. В небе ярко горели незнакомые созвездия, а вдали, за огнями маленького городка подобно странной ауре светился барьер, окружавший космопорт. Тол Ор встал и потянулся.

– Мы встаем рано, – сказал он, – поэтому тебе лучше поспать как можно дольше.

Хэммонд неохотно последовал за ним в главную хозяйственную комнату барака, с ненавистью думая о том, что его там ждет. Все шестьдесят или семьдесят жильцов собрались вокруг новеньких в одном конце комнаты. Войдя, он услышал раскаты голоса Квоббы и по взволнованным замечаниям остальных понял, что тот рассказывает им о сорвавшихся планах Джона Уилсона.

– Ради всех солнц, жаль что ты этого не сделал! – закричал толстый розовокожий мужчина. – Если бы в руки хумэнов попало то, что находится...

– Пока хватит об этом, – оборвал его Гурт Лунд.

Он смотрел на Хэммонда, и глаза всех остальных также повернулись к нему. Хэммонд подумал, что раньше никогда не видел такого количества враждебных лиц, обращенных к нему. Он хотел поговорить с ними, снова попытаться убедить их, что он не предатель, не шпион, но понял, что они не станут даже слушать его. Он повернулся и пошел в маленькую спальную комнату, предоставленную ему.

Лежа в темноте, Хэммонд чувствовал, как его гнев медленно превращается в дикую решимость. Эти хумэны ненавидят и подозревают его, потому что его глупость разрушила их мечту о достижении Альтара. Ладно. Он заставит их проглотить эти ненависть и подозрение. Он добьется этого, вызволив их и себя из этой планетной тюрьмы, чтобы они могли осуществить свой план. Он не знал, как он это сделает, но как-нибудь он это сделает, рань или поздно. Он покажет им, как сильно он любит врамэнов!

На следующее утро Хэммонд съел свой завтрак молча, никто не разговаривал с ним. Но когда объявили список рабочих бригад, Тол Ор выкрикнул его имя.

– Ты можешь сесть со мной в кабину управления, – сказал Ор, когда они направились к ожидавшим их грузовикам. Люди уже забирались в них. Хэммонда не прельщала перспектива ехать вместе с ними, но он сказал:

– Они и к тебе будут также относиться, если ты будешь разговаривать со мной.

Тол Ор улыбнулся.

– Не думаю. Я здесь уже слишком давно. Но все равно я рискну. Я хочу поговорить о прошлом.

К тому времени, как они пересекли расчищенный участок и достигли джунглей, сияющий шар Спики уже высоко поднялся в небо. Теплый влажный воздух приносил с сумрачных полян в лесу сырой туман. Хэммонд никогда не видел ничего похожего на эти черные джунгли. Это был лес, созданный воображением какого-то больного, одержимого дьяволом, художника: беспорядочное переплетение блестящих черных деревьев и кустарника, на эбеновых членах которого торчали огромные массы бледно-серых листьев. Здесь были и свисавшие кольцами черные лианы и огромные чисто-белые цветы; странные птицы, лишенные перьев и голоса, порхали с ветки на ветку.

Деревья и кусты предстояло выкорчевывать при помощи бульдозеров.

Как только расчищался маленький участок, его глубоко вспахивали и в почву

вносились химикаты, подавлявшие рост мощных растений и позволявшие серой траве взойти вместо них.

– Держи цепь, – сказал Хэммонду Тол Ор. – Деревья побольше мы вырываем при помощи нашей главной силы.

Хэммонд обнаружил, что работает, подчиняясь приказам алголийца, вместе с остальными хумэнами, составлявшими маленькую пеструю бригаду.

– Закрепи свою цепь вокруг этого дерева, нет, ниже, – кричал Ор. – А теперь стань в сторону.

Бульдозер, приводимый в движение тяжелым атомным двигателем, взрывая своими усыпанными шипами гусеницами почву, дернул дерево. Стаи огромных насекомых, похожих на гигантских стрекоз сорвались с его ветвей, когда оно упало. Солнце жгло еще сильнее. Ползучие лианы, свисавшие с деревьев, обвивались вокруг тела Хэммонда, крошечные сосущие корешки пытались прилепиться к его рукам и лицу. Он отрывал от себя эти жуткие растения. К полудню Хэммонд пропотел насквозь и ужасно устал, но чувствовал, что вошел в ритм работы. Но еще он обнаружил, что ему еще многое надо узнать о джунглях Куума.

Он тащил одну из цепей в густой кустарник впереди бригады, когда почувствовал своеобразный тяжелый мускусный запах. В следующее мгновение он натолкнулся на круглый черный холм, слегка возвышавшийся над ним. Черный холм неожиданно ожил. Он чуть-чуть приподнялся, из-под него вылезла огромная рогатая лапа и схватила Хэммонда.

Раздавленный, оглушенный, он почувствовал, что его тянут назад к холму который, как он теперь понял, был огромным покрытым панцирем, похожим на черепаху существом. Хэммонд находился возле туловища животного, когда тащившая его лапа остановилась. Она все еще не отпускала его, но вдруг резко задрожала, задрожало и все огромное тело.

Теряя сознание, не в силах даже позвать на помощь, сжатый сокрушающей хваткой этой чудовищной лапы, Хэммонд чувствовал, что им овладело отчаянье. Остальные были вне поля зрения, за густым кустарником. В голове у него потемнело, все пошло кругом и единственное, о чем он мог думать, это то, что было настоящим безумием пережить все то, что он пережил, чтобы умереть в лапах этого зверя на этой далекой планете.

По огромному телу пробежали новые более сильные волны дрожи. Громадная лапа ослабела и разжалась. И тут Хэммонд увидел нечто, заставившее его усомниться в здравости своего ума. Весь рогатый панцирь раскалывался. Отползая в сторону от существа, Хэммонд увидел отвратительный конечный этап невероятного превращения. Из-под осколков тела выползло гораздо более маленькое существо точно такого же вида.

– Тол Ор! – завопил Хэммонд, поднимаясь на ноги и ковыляя прочь.

В ответ на его крик алголиец направил свой бульдозер прямо через кусты. Маленькое черное существо, выползшее из-под расколовшегося тела большой твари поспешно скрылось в джунглях.

– Болотный феникс, – сказал Тол Ор. – Он тебя ранил?

Хэммонд рассказал ему о том, что произошло, и алголиец присвистнул.

– Тебе повезло. Ты натолкнулся на эту тварь как раз в момент ее возрождения, только это и спасло тебя, – объяснил он. – Болотный феникс асексуален и воспроизводится по непонятному циклу неожиданной смерти и возрождения. Они опасны, когда достигают полной силы. Разве никто не предупредил тебя, что мускусный запах означает, что одно из этих существ где-то рядом?

– Нет, они меня не предупредили, – коротко ответил Хэммонд.

Теперь он знал, как сильно они его ненавидят. Они намеренно позволили ему подойти к этому чудовищу.

Их враждебность еще усилилась, когда они все вернулись в поселение. Мужчины обсуждали дневную работу, собирались в маленьких барах, приветствовали друзей в сгущавшихся сумерках. Но когда Хэммонд проходил мимо них, никто с ним не разговаривал, и ему доставались только недружелюбные взгляды. В двери коттеджа он увидел Иву Уилсон, но она опустила голову, отвернулась от него и вошла внутрь. Он понял,

что Джон Уилсон запретил какие-бы то ни было разговоры с ним.

Только Тол Ор разговаривал с ним, давал ему книги и помогал научиться письменному языку. Но Хэммонд подозревал, что он делает это исключительно из глубокого научного интереса к истории Хэммонда и тому, как он выжил. У остальных не было подобного интереса и ничто не могло нейтрализовать их ненависть.

Ну и пусть они ненавидят его, думал Хэммонд. Они имели на это право. Подождем, пока предоставится возможность, возможность отомстить Тайан и всем врамэнам. Он предатель и врамэнский шпион? Он заставит их проглотить эту идею.

Поддерживаемый этим решением, Хэммонд вынашивал планы побега. Ни один осужденный еще никогда не убегал с Куума. Главной причиной этого было то, что очень немногие корабли залетали на этот мир, да и те всегда садились в районе, окруженном защитным барьером, через который осужденные не могли пройти.

Он снова и снова натыкался на это непреодолимое препятствие, отбрасывая из-за него один план за другим, и вдруг понял, что он один из всех находящихся здесь заключенных имеет возможность пробраться на звездный корабль. Внезапно все стало ясным. Во время своих долгих одиноких часов, которых у него было в избытке, он обдумывал все детали побега, пока не настал момент, когда он был абсолютно уверен, как все должно произойти.

Затем он понял, что есть еще одно препятствие.

«Мой план не сработает, если другие не последуют за мной, – подумал он. – А они этого не сделают. Они даже не станут меня слушать. Они подумают, что я заманиваю их в ловушку, подготовленную врамэнами.»

Этим все и кончилось.

Недели, проведенные в джунглях закалили Хэммонда, его кожа покрылась темным загаром, и еще он привык к постоянному одиночеству. Он научился водить бульдозер, и как раз вел один из них вдоль края джунглей к тому месту, где его ждал Тол Ор со своей бригадой, когда услышал захлебывающийся крик из гущи кустарника.

Вопль оборвался. Но в нем прозвучал такой отчаянный призыв, что Хэммонд развернул машину и направил ее через заросли.

Холодный мускусный запах ударил ему в нос, и впереди он увидел огромную покрытую панцирем черную тушу болотного феникса, почти такого же огромного, как тот, от которого ему удалось убежать в первый день работы. Чудовищные лапы как раз подтягивали человека к туловищу. Хэммонд бросил тяжелую машину прямо на зверя, стараясь не задеть человека, но отбросить от него мерзкую тварь. Удар при столкновении выбросил его из сидения прямо в кусты. Он встал на ноги и увидел, что бульдозер успел проехаться по болотному фениксу, прежде чем автоматический контроль безопасности остановил его.

В нескольких шагах от него, человек, освобожденный из ужасных лап, пытался подняться на ноги, и Хэммонд увидел, что это Рэб Квобба. Облепленный грязью, – покрытый слизью, он не пострадал и теперь стоял, уставившись на него с выражением необычайного изумления.

– Хэммонд, – произнес он. И помолчав, продолжил. – Спасибо. Я... – он снова замолчал, глотнул, подошел к Хэммонду, схватил его за руку. – Какой же я дурак.

– Понимаю, – резко ответил Хэммонд. – Только потому что мне довелось спасти твою шкуру, я вдруг перестал быть врамэнским шпионом.

Квобба переступил с ноги на ногу и с раскаянием произнес:

– Я никогда в это не верил, по правде говоря. Я просто взбесился от того, что ты позволил этой врамэнской девке разрушить все наши планы.

Хэммонд перестал сердиться.

– У тебя есть на это право, – сказал он. И вдруг понял, что ему предоставляется возможность, которой он так долго ждал. Он решил не упускать ее. – Квобба, послушай. Убежал бы ты и остальные отсюда и попытались бы вы снова добраться до Альтара, если бы смогли?

– Попытались бы, – ответил Квобба. Его глаза прищурились, взгляд стал горячим и пристальным. – Но как?

– Для этого потребуется помощь Уилсона и всех его людей. Они умеют управлять кораблем, если нам удастся заполучить таковой. Но они не станут мне доверять. Они пойдут за тобой.

– А какова твоя идея?

– Скоро сюда прибудет корабль... – начал Хэммонд.

– Нет. Не раньше, чем через месяц. Последний грузовой корабль был здесь совсем недавно, – перебил его Квобба.

– Я могу заставить корабль прибыть сюда в любое время, которое выберу, и не обязательно грузовой корабль.

– Ну, – сказал Квобба, – продолжай.

Он слушал, а Хэммонд говорил и говорил. Лицо Рэба становилось все длиннее, а когда Хэммонд закончил, он покачал головой.

– Это будет нелегко. И больше всех рискуешь ты, – некоторое время он молчал, потом сказал, – но это может сработать.

– Ты согласен?

– Я – человек звезд, – улыбнулся Квобба. – Мне никогда не нравилось ковыряться в грязи. Что должен делать я?

– Я начну действовать немедленно, – сказал Хэммонд. – Ты поговори с остальными, пусть будут готовы последовать за тобой в проем. Просто не упоминай моего имени и все. Скажи им, что у тебя есть план, но ты пока не хочешь о нем говорить.

– Я выведу их на старт. Но Хэммонд, тебе лучше остерегаться. То, что ты собираешься сделать сегодня вечером настроит остальных еще больше против тебя.

– Я знаю, – ответил Хэммонд и пошел прочь.

Когда этим вечером офицер охраны как обычно обходил барак, Хэммонд вышел вперед и обратился к нему.

– У меня есть просьба, – сказал он и увидел, как мгновенно все остальные повернулись в его сторону.

– Что это, Хэммонд? – спросил офицер.

– Когда мне зачитывали приговор, – вежливо сказал Хэммонд, – суд сообщил мне, что как только я захочу сотрудничать с врамэнами в области их исторических исследований, мое наказание будет отложено. Сейчас я готов к этому. Вы уведомите об этом власти и также Тайан Марден, главного представителя врамэнов на Земли?

Офицер был лояльным служащим Федеративных Солнц, но он был хумэном и обладал предрассудками хумэнов. Он слегка напрягся и посмотрел на Хэммонда недобрым взглядом.

– Очень хорошо. Я отправлю сообщение на Землю немедленно.

Когда он ушел, Гурт Лунд и другие придвинулись к нему.

– Значит ты собираешься перестать шпионить и вернуться к своим врамэнским друзьям, не так ли? – спросил Лунд.

Хэммонд не ответил. Комната была настолько пропитана ненавистью к нему, что он чувствовал, что одно единственное, произнесенное им слово приведет к взрыву.

Через три часа офицер вернулся.

– Твою просьбу приняли представители Федеративных Солнц на Земле. Тайан Марден немедленно прибудет на Куум. Она допросит тебя и если будет удовлетворена твоей искренностью, ты будешь условно освобожден.

– Спасибо, – сказал Хэммонд.

Офицер ушел.

В бараке стояла напряженная тишина. Хэммонд направился к своей комнате. Подходя к ней, он взглянул на обращенные к нему лица и подумал, что теперь каждое мгновение должен быть начеку. А еще он подумал, что ему ужасно повезет, если в ту минуту, когда прибудет корабль, он будет еще жив.

11

Звук, глубокий словно глас божий, заполнил залитые солнечным светом небеса, громоподобный рев, который погрузил черные джунгли в тишину и многократным эхом прокатился над джунглями. Люди, взбиравшиеся в грузовики, остановились и устремили взгляды вверх, щурясь от белого сияния опускавшегося к горизонту солнца.

Хэммонд с напряжением смотревший в небо, увидел, как закипели и забурлили низкие редкие облака. Затем появились и разлетелись в стороны клубы пара, а из них вылетело длинное черное тело и стало быстро-быстро падать в сторону космического порта.

Тол Ор посмотрел на него из кабины грузовика.

– Это он?

– Думаю, да, – ответил Хэммонд. Он начал задыхаться от волнения. – Надеюсь, он.

– Скоро узнаем, – произнес алголиец, и завел двигатель.

Грузовик покатился по краю джунглей, затем через поля, и Хэммонд чувствовал, как с каждым метром нарастает охватившее его напряжение. Он много дней ждал этот корабль, этот момент. И это были нелегкие дни. Только Квобба знал правду, все остальные смотрели на него как на несомненного предателя. Он чувствовал, что Лунд и многие другие убили бы его, если бы им предоставился случай. В джунглях Хэммонд был очень осторожен, чтобы не дать им такой возможности. Даже Ива Уилсон, когда он встречал ее, смотрела на него с ледяным презрением.

Чувство, которое Хэммонд вызывал у остальных было единым. И только Тол Ор представлял исключение. Алголиец только сказал:

– Итак, ты собираешься сотрудничать с врамэнами? Возможно, это к лучшему.

– Непохоже, чтобы ты ненавидел врамэнов также сильно, как большинство людей, – сказал Хэммонд. – Хотя они и отправили тебя сюда.

Тол Ор передернул плечами.

– Ну, я – ученый. А врамэны – величайшие из ученых. Изобретения, которые они сделали в прошлых веках дали хумэнам возможность распространиться по всей Галактике.

– Но у тебя не вызывает негодования то, что они хранят секрет неограниченной жизни только для себя?

– Не знаю, – ответил алголиец. – Думаю, что неосознанно я действительно испытываю это чувство. Уверен, что если бы я умирал, то ненавидел бы их страшно. С другой стороны, врамэны ведут такой суровый, посвященный трудам, скучный образ жизни, что я не завидую их бессмертию.

Но Тол Ор был единственным, в своей терпимости. Остальные ненавидели врамэнов и ненавидели Хэммонда как их пособника. Исключение составляли Квобба и Таммас, знавшие правду. Маленький мизарианец, всегда тенью следовавший за своим огромным другом был посвящен в секрет Хэммонда и дважды Хэммонд находил возможность тайно поговорить с ними. Он задавал им множество вопросов, особенно о неубивающем, но вызывающем шок оружии и о механизме, управляющем электродинамическим барьером. И Квобба сказал ему, что подготовил самых отважных к прорыву, не упоминая имени Хэммонда.

Сейчас медленно нараставшее за последние дни напряжение приближалось к своему пику, и Хэммонд, когда они шли к поселению, понял, что нервы его натянуты до предела. Когда он вошел, в бараке его ждал офицер охраны. Он заговорил с Хэммондом без особой любезности.

– С Земли прибыл корабль. Тайан Марден, представляющая врамэнов, прилетела сюда, чтобы допросить тебя. Следуй за мной.

Сердце Хэммонда забилось быстрее. Когда он направился следом за охранником, его провожали полные ненависти взгляды. Он со значением посмотрел на Квоббу, и тот стал разыгрывать свою роль. Он выскочил в коридор вслед за Хэммондом, яростно ругаясь.

– Ну и скатертью дорога! – завопил он. – Надеюсь, что больше никогда не увижу твоего

проклятого, лица, предатель!

Оказавшись в коридоре, Квобба перешел на шепот и поспешно спросил:

– Сейчас? Сегодня ночью?

Хэммонд быстро кивнул.

– Пусть Уилсон и другие подойдут к барьеру. Я сделаю все, что в моих силах.

Охранник оглянулся, и Квобба снова принялся выкрикивать проклятия в адрес Хэммонда.

На улице их ждала маленькая наземная машина, за рулем которой сидел еще один охранник. Они сели в нее, и машина помчалась по аккуратному городку в сторону далекого космопорта. Белое пламя Спики взлетало над горизонтом, блестящими белыми языками вырывалось из-за серебристых металлических крыш. Люди на улице смотрели на проезжавшую мимо машину. Стоявшая в двери коттеджа Ива Уилсон тоже смотрела ей вслед, затем повернулась и вошла в дом. Он знал, что она видела его. Ему пришло в голову, что если его попытка окажется неудачной, она так никогда и не узнает, что на самом деле он не отправился служить врамэнам.

Неожиданно усталость и напряжение этих пропитанных ненавистью недель, подействовали на Хэммонда, и он подумал: А почему бы не перейти к врамэнам? Почему бы и нет? И к черту всех этих людей, готовых назвать его шпионом и даже хуже.

Нет. Он не мог. Хумэны были не его народом, хотя они были ближе к нему, чем врамэны. Но дело было не в лояльности к какой-то конкретной группе. Для Хэммонда это была лояльность по отношению к идеалу, которому было десять тысяч лет. Он рисковал жизнью, и он едва не потерял ее чтобы завоевать звезды для людей, завоевать свободу. И никому, если только это от него зависело, не позволит он отнять или ограничить эту свободу. Ни врамэнам, ни кому бы то ни было другому. Он пойдет до конца по этому пути.

Он подумал, что, наверное, глупо с его стороны противостоять почти бессмертным, доминирующим в Галактике. Они обладали обширным знанием вещей, о который он даже никогда не слышал. Но он может попробовать, просто попробовать, осуществить свой план несмотря на все это.

Он сделает это или умрет, хотя бы для того, чтобы удовлетворить пусть детское, но очень сильное желание увидеть, как Уилсон, Лунд и остальные, включая Иву будут просить у него прощение.

Машина приблизилась к мерцающему барьеру и остановилась. Охранник вылез наружу и сделал знак в сторону высокой башни. Снова, как в тот день, когда Хэммонд прибыл сюда, узкий участок стены исчез. Машина быстро закатилась внутрь через образовавшийся просвет, и паутина силовых линий тут же сомкнулась над ними.

Кровь стучала в висках Хэммонда, подобно молоту, когда они помчались в сторону комплекса зданий. За зданиями, на широкой посадочной площадке космопорта возвышался черный звездный корабль сравнительно небольшого размера. Его основание находилось в тени, но верхушка поднималась достаточно высоко и сверкала в последних лучах заходящего солнца, похожая на огромную темную руку, хватающуюся за умирающий свет.

Эта рука может схватиться за Альтар и величайший секрет бесконечности, подумал он.

Главное здание находилось впереди, трехуровневое продолговатое белое строение с квадратной башней на одном конце, которая поднималась еще на несколько уровней вверх. Вершина башни представляла собой комнату, все стены которой были прозрачными, и светилась в темноте. Входя с двумя охранниками в здание, Хэммонд безразлично взглянул на нее. Это, должно быть, центр управления космопортом. Владения коменданта находились в башне под ним, если только информация, которую Квобба собрал, была верной.

Она была верной. Хэммонда провели по коридорам к лифту, который плавно скользнул вверх. Он вышел в другой коридор, жадно посмотрел на две лестницы, ведущие вверх. Одна из них должна служить дорогой в центр управления.

Комендант Куума был высоким мужчиной со слегка зеленоватой кожей хумэна с Сириуса. Но войдя в комнату, Хэммонд едва посмотрел на него. Его глаза принадлежали

только Тайан Марден.

Тайан отвернулась от окна, возле которого стояла, ее голубые глаза быстро осмотрели его лицо. Он подумал, что забыл, как она красива. В черных шортах и черной рубашке, подчеркивающих бледность ее кожи и пепельно белые волосы, с украшенной драгоценными камнями эмблемой Федеративных Солнц на груди, она была просто ослепительной.

– Теперь ты хочешь сотрудничать с нашими историками, чтобы обрести свободу? – спросила она.

– Я мог бы, – кивнул Хэммонд. – Все равно хумэны считают меня предателем.

Горечь в голосе далась ему легко.

– Если ты ответишь на несколько предварительных вопросов, чтобы проверить твою искренность, – продолжала Тайан, – я заберу тебя назад на Землю. Там ты будешь работать со специальной группой врамэнских историков.

Хэммонд посмотрел на коменданта.

– Сначала я хочу оговорить некоторые условия. Но... это предназначено только для твоих ушей, Марден.

Комендант покачал головой.

– Правила не разрешают... – начал он.

– В этом нет никакой опасности, – перебила его Тайан. – Дайте мне ваш шокер и подождите за дверью.

Комендант все еще колебался, но поклонился и произнес:

– Очень хорошо, если вы этого хотите.

Из висящей на поясе кобуры, он достал маленькую черную пластиковую трубку и протянул ее Тайан. Затем вышел из комнаты и закрыл дверь.

Держа шокер перед собой, Тайан спокойно сказала Хэммонду:

– Стой на этом расстоянии и говори, что же это за условия, которые требуют такой конфиденциальности.

Хэммонд взял себя в руки, зная что теперь ему предстоит сыграть самую сложную часть роли. До сих пор все шло хорошо. Но теперь все зависело от следующих несколько минут.

– Тайан, дело не только в свободе. Я делаю это... – ради тебя. Я хочу видеть тебя, снова быть рядом с тобой.

Она посмотрела на него холодным циничным взглядом.

– Почему?

– Потому что я тебя люблю, – ответил Хэммонд. – Я первый дурак во всей вселенной, но я ничего не могу с собой поделать.

Он ожидал, что она рассмеется, рассердится, как-то проявит свое презрение или назовет его лжецом. Но она ничего этого не сделала. Он подумал, что ему удалось придать своему голосу подлинную убедительность, потому что она посмотрела на него неожиданно странно и напряженно.

– Нет, – произнесла она наконец. – Это невозможно. Никогда впредь не говори о любви между мной и тобой.

– Почему? – спросил он. – Возможно, ты бессмертная, или почти бессмертная, но все равно ты ведь женщина. И я люблю тебя.

– Ты не понимаешь, что говоришь. – Ни один врамэн не может любить или вступать в брак в том смысле, который вкладываешь в эти понятия ты, – особенно что касается хумэнов. Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что стоит между нами.

Хэммонд почувствовал воодушевление. Она не сомневалась в его словах, ни капельки. Он сделал свою ставку на это, на то, что она примет данные записей энцефалозонда, в которых физическое влечение отождествлялось с любовью. Он бессовестно лгал, говоря о своей любви к ней, но эта ложь была всего лишь платой за то, что она сделала с ним. Он надеялся, что она сработает.

Он сделал шаг вперед и распахнул руки, призывая ее в свои объятья, говоря со всей

страстью, которую только мог изобразить.

– Тайан, то, что ты говоришь, нелепо. Почему врамэн не может вступить в брак с хумэном?

Ее лицо исказилось от боли, а голос, когда она заговорила, был таким тихим, что Хэммонд едва различал слова.

– Я не могу сказать тебе почему, но можешь мне поверить: тебе легче было бы перенестись назад в то время, из которого ты пришел, чем преодолеть то, что нас разделяет.

Застывшая перед ним со странным выражением сомнения и боли, она никогда еще не была такой красивой, как в этот момент. Хэммонду было легко, очень легко изобразить страсть. Он сделал еще шаг вперед.

– Тайан, послушай меня. Что бы не разделяло нас, мы сможем преодолеть это...

Она покачала головой, в глазах появилось что-то очень жалкое, а Хэммонд сделал еще один шаг.

Он выбросил кулак и со всей силой ударил ее в подбородок.

Тайан упала, не издав ни звука. Он успел подхватить ее и удержать, прежде чем она коснулась пола, но пластиковый шокер выпал из ее разжавшейся ладони и покатился по полу. Хэммонд опустил женщину и быстро бросился к оружию. Затем остановился на мгновение, переводя дыхание, пытаясь унять дрожь и глядя вниз на белое лицо Тайан.

Его трюк удался. Он смог отвлечь Тайан и сделать то, что хотел. Но он как-то не ожидал, что она отреагирует на его признание в любви таким образом. Ему почти показалось, что она...

Он оборвал свои мысли на эту тему и назвал себя дураком. Глупо было стоять вот так, теряя драгоценные секунды. Он быстро осмотрел шокер. Законы Федеративных Солнц разрешали использовать только такое несмертельное оружие, такие орудия уничтожения как вихревой автомат Джона Уилсона были категорически запрещены. Из того, что рассказал ему Квобба, он понял, что шокер – это всего лишь конденсатор, обладающий определенным электрическим зарядом. Переключатель на трубке освобождал часть этого заряда, которая испускалась в виде волны электромагнитной энергии, настроенной таким образом, чтобы перегрузить электроэнцефалические цепи человеческого мозга и вызвать потерю сознания. Недостатками этого оружия были крайне небольшой радиус действия и то, что при пользовании заряд расходовался очень быстро.

Хэммонд зажал шокер в руке и направился к двери. Он открыл ее резким движением.

В комнате находилось три человека: адъютант, комендант и доставивший его сюда охранник. Они повернулись и, увидев Хэммонда с шокером в руке, быстро бросились к нему.

Но все же недостаточно быстро. Хэммонд сдвинул переключатель на трубке вперед. Он ничего не увидел, но шокер зашипел, как рассерженная змея. Хэммонд неуклюже двигал переключатель вперед и назад.

Трое ринувшихся к нему мужчин споткнулись и с грохотом упали на пол.

Все произошло так быстро, что Хэммонду потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он их уже отключил и только попусту расходует заряд шокера. Он поспешно сдвинул переключатель назад.

И что теперь?

Лестница. Одна из них должна вести в центр управления, расположенный наверху.

Он осторожно высунул голову в коридор. Услышал разные голоса, доносившиеся из других комнат, но в самом коридоре никого не было. Он перебежал к ближайшей лестнице и бросился наверх.

Сердце его колотилось, но он чувствовал прилив какой-то головокружительной энергии.

Он никогда не делал ничего подобного раньше, он занимался наукой и никогда не был солдатом или человеком действия, во всем, что он делал сейчас, было что-то восхитительно порочное, и осознание это пьянило его.

Лестница кончалась закрытой дверью. Она могла вести в центр управления или в

осиное гнездо, к охранникам. Возбужденный, Хэммонд не особенно раздумывая рванул на себя дверь.

Это был центр управления. Прозрачные стены выходили на четыре стороны темного космопорта и на мерцающее сияние электродинамического барьера. В центре комнаты находилась – имеющая форму подковы панель управления с переключателями, сканерами и многочисленными мигающими огоньками. Внутри этой подковы сидел охранник, вглядывавшийся во что-то, по виду напоминающее экран радара. Еще один охранник стоял у правой стены и смотрел наружу. Спины обоих были обращены к Хэммонду.

Он нацелил шокер в спину стоящего и сдвинул переключатель. Трубка зашипела, и человек упал.

Человек, сидевший у экрана, повернул испуганное, недоумевающее лицо в сторону Хэммонда. Тот направил на него шокер.

Но на этот раз шипения не последовало, и Хэммонд вдруг понял, что в результате своего неумелого обращения с оружием он израсходовал весь заряд.

Человек у экрана схватил микрофон и заорал в него:

– Вызывает башня! Сбежавший заключенный...

Хэммонд подбежал и ударил по голове черной пластиковой трубкой шокера. Он еще никогда никого не бил по голове таким образом и ожидал, что охранник сразу же упадет на пол, но этого не произошло. Вместо этого он завыл от боли и ярости, попятился назад, прикрывая голову, но не переставая кричать слова тревоги в микрофон. Отчаявшись, Хэммонд схватил его за волосы и изо всех сил стукнул головой о панель. На этот раз человек упал.

Где-то внизу главной части здания раздались звонки.

– Черт возьми, – застонал Хэммонд.

Он уже не чувствовал того удивительного возбуждения, как несколько минут назад. Он все испортил, он был всего лишь жалким неудачником и не умел делать такого рода вещи.

Скажем, у него есть меньше минуты до того, как кто-нибудь появится здесь. Закрытая дверь? Но в двери не было замка, не было необходимости устанавливать его в здании, куда никогда не пускали посторонних. Сколько секунд у него было на то, чтобы найти нужные переключатели? Не много. Возможно, меньше чем необходимо.

Он с отчаяньем скользил взглядом по панели, всматриваясь в подписи под переключателями. Большую часть из них он не мог понять. Ива и Тол Ор научили его письменному языку, но не всем техническим терминам. Он и не пытался прочесть все. Он искал конкретную подпись, означавшую «Управление Генератором Поля», Квобба вбил ему ее в голову. Но, возможно, Хэммонд не сможет найти ее среди всего этого...

Он нашел ее.

Она находилась под большим реостатом с рукоятью, в его руку длиной и с кнопкой на конце. Хэммонд вцепился в нее и передвинул на противоположный конец к символу, означавшему ноль.

Перебегая от панели управления к ближайшей стене, он услышал, как по лестнице затопали ноги.

Посмотрев на космопорт, Хэммонд издал радостный вопль. Казалось, снаружи стало раз в шесть темнее, чем прежде, потому что исчез сияющий барьер, окружавший космопорт. И из двух, трех, нет, четырех или пяти разных мест бежали люди. Рэб Квобба сдержал свое слово: заключенные были готовы и они десятками вваливались на территорию порта. Звонки истерически разрывались, охранники, ошеломленные первым в истории планеты мятежом, выходили наружу. Но уже по крайней мере сотня заключенных находилась на площадке, а еще прибывали все новые и новые.

За спиной Хэммонда распахнулась дверь, он начал поворачиваться, но послышался шипящий звук, вселенная взорвалась и его окутала тьма.

Ничего.

Неопределенное время ничего вообще. Затем голос произнес:

– К нему возвращается сознание.

Что возвращается? Он возвращается? Снова возвращается? Его отправили в космос, но он не может вернуться домой, он может только вращаться по одной и той же орбите сотни и сотни лет, возвращаясь в ту точку, откуда начал свое бесконечное вращение...

Хэммонд?

Этот голос был ему знаком. Он попытался открыть глаза и не смог. Через минуту снова попытался и открыл.

На него смотрел Тол Ор. За лицом алголийца он увидел изогнутый металлический потолок, с которого исходил свет. Он уже видел такой потолок раньше. Он слышал такой же тяжелый рев, который стал слышать сейчас.

Он попытался прошептать.

– Я подумал, что нахожусь в космосе.

Тол Ор кивнул.

– Так оно и есть, – и быстро добавил. – Попытайся говорить не слишком много и не вставай. Твоя нервная система уже начала оправляться после удара шокера, но потребуется еще некоторое время.

Шокера? И тут Хэммонд вспомнил. Он внимательно посмотрел вверх и на этот раз за спиной Тола Ора увидел Иву Уилсон, которая смотрела на него, радостная, возбужденная, улыбающаяся.

– Кирк, мы захватили космопорт, – сказала она. – И захватили корабль. Они снова опустили барьер, но было слишком поздно, слишком много заключенных уже находились внутри. Только после схватки мы узнали от Квоббы, что это ты убрал барьер.

– Вы захватили корабль, – повторил он. – Значит, это...

– Мы на нем, – ее глаза сверкнули. – Мы на пути к нашей цели. Уже много часов. На пути к Трифид.

На мгновение, хотя он еще был ужасно слаб, Хэммонд почувствовал невероятный подъем. Затем он о чем-то вспомнил, и похолодел.

– Нас на борту тридцать четыре человека, – продолжала Ива. – Все те, кто работал и строил планы в пещерах и несколько других. И после того, что ты сделал, мы бы ни за что не оставили тебя там.

Силы Хэммонда возвращались. Он сел, придерживаясь за поручни. Посмотрел на Тола Ора и спросил:

– Ты тоже полетел. Почему?

Алголиец пожал плечами.

– Они решили, что зная кое-что о Трифид, я помогу провести этот корабль к нему. В любом случае, Куум мне несколько наскучил. Если нас снова поймают, то меня отправят назад на эту планету, а тем временем, что я теряю?

– Ты отлично знаешь, что ты можешь потерять, – сказал Хэммонд. – Жизнь. Этот корабль – совсем не то, что люди Ивы строили в пещерах. В этот корабль, как и во все врамэнские корабли встроен детонатор, не так ли?

– Да, – кивнул Тол Ор.

– И если нас обнаружат, они могут нажать на кнопку и разнести нас на кусочки, не так ли?

– Могут, – снова кивнул Тол Ор. Но Уилсон и другие не думают, что они это сделают.

– Почему бы нет?

– У нас с собой заложник, – ответила Ива. – Врамэн – Тайан Марден.

12

Жил-был однажды человек по имени Годдард, который смотрел, как его маленькие ракеты уносились вверх в небо Нью-Мексико и мечтал о дне, когда они полетят дальше. Жил-был однажды человек по имени Оберт, который планировал первое покорение космоса.

Собака по имени Лайка умерла, человек по имени Кирк Хэммонд все равно что умер, и многие другие люди двадцатого века отдали свои знания, труд и жизнь, для того, чтобы человек свободно чувствовал себя в космосе.

И именно ради этого ими и были принесены все эти жертвы, ради корабля, на котором сейчас находился Хэммонд. Он уже бывал на корабле подобном этому раньше, но опечатанной палубе для заключенных. Теперь же он находился в рубке пилота звездного крейсера мчавшегося сквозь бесконечность. Он был рад, что судьбе было угодно оставить его в живых, чтобы он увидел все это. Он сожалел о том, что другие люди, те, которые работали с ним на Канаверал, все люди, которые мечтали об этом, не могли быть рядом с ним, и видеть то, что видел он.

– Захватывает, не так ли, – не поворачивая головы сказал Квобба, сидящий в кресле пилота.

– Да, – ответил Хэммонд несколько неуверенно.

На этот раз поражало не только зрелище, открывавшееся через передние смотровые экраны. Общая картина дикости галактики лишала дара речи. Колоссальные воинства разбросанных и сбившихся в кучки солнц вставали перед ними, созвездия, похожие на гигантские звездные ульи, жарко пылали или светились сквозь уходящие в бесконечность подобно горящим в туманности кострам инквизиции. Слева показалось темное облако. Звездный свет за ним образовывал вокруг него сияющий ореол. Чуть-чуть впереди справа повисла удивительная двойная звезда, которую составляли бледно-желтое и дымчато-красное солнца, размеры этих двух солнц увеличивались прямо на глазах Хэммонда.

Но теперь Хэммонда больше всего потрясал корабль. Особенно эта рубка пилота, эта крошечная набитая приборами комната, в которой мозг хрупких маленьких людей двигал ревущую груду металла через вселенную так, как им этого хотелось. Квобба был окружен панелями, с многочисленными циферблатами, дисками ручками и кнопками. Время от времени на одном из дисков высвечивалось число или символ, и Квобба мгновенно переводил ручку в новое положение. Глухой рев двигателя звучал неизменно ровно и одинаково.

Хэммонда сюда привел Тол Ор, и теперь алголиец рассказывал ему о корабле.

– Технически такой центр управления – атавизм. Я имею в виду, что фактически космическим кораблем может управлять большой компьютер, который ты видел в вычислительном центре. Да он и ведет корабль, когда тот находится на автопилоте, он использует ультра-радар и зрение ему ни к чему. Но психологически людям необходимо чувствовать, что это они сами управляют кораблем, вот почему мы все еще используем подобные декорации.

Квобба посмотрел по сторонам. На его мужественном голубом лице светилась улыбка.

– К счастью для меня, единственное, что от меня требуется, это справляться с ручками настройки, а курс прокладывает компьютер. Хочешь попробовать?

– Я? – переспросил Хэммонд. – Ну, нет, я не могу, я...

– Я буду стоять за тобой, – сказал Квобба, поднимаясь с кресла. Вперед. Видит Бог, ты заслужил это.

Все еще не веря, Хэммонд скользнул в кресло. Когда загорелись числа и символы, Квобба стал показывать ему, как устанавливать ручки настройки. Хэммонд сидел в кресле и слушал, как Квобба и Тол Ор разговаривают с ним о курсе, об Альтаре. Но их голоса постепенно растаяли и он слышал только равномерный рев двигателя. Не существовало ничего, только звезды, космос, корабль и он.

«Ты заслужил это право». Да, он заслужил его. Многие другие тоже, еще на заре космической эры. Но судьба решила, что именно он доживет до этого времени. И вот теперь мечта стала зримой и реальной, наконец надежды и чаяния многих людей дали замечательные плоды. Его пальцы ласково прикасались к ручкам настройки. Он сидел и вел корабль, и смотрел вперед на звезды.

Он смотрел слишком долго. Потому что вдруг его восторг перешел в странный самогипноз. Он смотрел на это сияющее войско и не мог отвести глаз. Как он мог это сделать, если его тело промерзло и стало твердым как железо. Он не шевелился много веков и не сможет пошевельнуться никогда он будет сидеть, замерзший, в маленьком спутнике и нести свою вечную и ужасную вахту в космосе...

Хэммонд почувствовал, как чудовищный кошмар снова овладевает им. Он боролся, но тщетно. Затем, вдруг, он сдался. Перестань пытаться выбросить его из своего мозга, сказал он себе. Помни его осознай его, прими его. Да, ты был мертв, почти в полном смысле этого слова. Да, ты был замерзшим телом, двигавшимся подобно космическому обломку десять тысяч лет, пока одно поколение сменяло другое. Это было одновременно ужасно и замечательно. Ни один человек никогда не был да и не будет так долго частью космоса как ты. Не содрогайся при воспоминании о своей мнимой смерти. Гордись тем, что именно тебе было суждено слиться с необъятностью космоса, и звезд. Посмотри звездам в глаза, как ты делал на протяжении десяти тысячи лет и назови их своими сестрами.

Медленно гипнотическое напряжение покинуло мозг Хэммонда, и он без страха взглянул в яркие горячие глаза звезд. Ощущение кошмара исчезло и он подумал, что больше оно уже никогда не вернется.

Тол Ор сказал за его спиной:

– Мне придется оставить тебя. Мы должны провести военный совет и мне необходимо кое к чему подготовиться.

Хэммонд все еще находясь в полусне, не расслышал его слов и не повернулся. Рэб Квобба улыбнулся.

Совет состоялся намного позже в большой кают-компании корабля. Чуть больше сорока мужчин и женщин со многих миров собрались здесь все те, кто был свободен от дежурства по кораблю. Джон Уилсон вместе с Лундом и Квоббой сидели за столом. Хэммонд сидел рядом с Ивой среди остальных, все еще обиженный тем, как его приветствовал Уилсон.

– Давай говорить начистоту, Хэммонд, – сказал Уилсон. – Мы обязаны тебе нашим побегом, этой последней возможностью достичь Альтара. Мы чувствуем, что можем доверять тебе во всем, за исключением одного.

– Чего именно?

– Марден, – произнес Уилсон мрачно. – Ты больше не будешь встречаться с ней наедине. Да-да, мы знаем, как ты обошелся с ней на Кууме, но учитывая запись энцефалозонда, мы не хотим, чтобы ты с ней разговаривал.

И протянув руку, добавил:

– Во всем остальном, ты снова один из нас.

Хэммонд с неприязнью подумал о том, что они могли бы и забыть об этой чертовой записи, после всего того, что он сделал. Затем он заинтересовался четким объяснением их положения, которое давал Уилсон.

– Математическая вероятность того, что мы успешно войдем в систему Трифид, очень низка, – сказал он. – С другой стороны, наши шансы выше, чем когда-либо у хумэнов, поэтому, мне кажется, нам следует попытаться. С этим все согласны?

Послышался одобрительный шум. Не было возбуждения, не было бравых возгласов, просто каждый кивнул головой и произнес одно-два слова.

– Сколько у нас времени? – спросил Таммас, и Уилсон повернулся к Лунду.

– Ты занимался этим, Гурт.

Лунд кивнул и взял со стола листок бумаги.

– Прежде чем покинуть Куум, мы уничтожили телерадиопередатчик и все запасные части к нему. Они не могут послать сигнал тревоги, и у них нет корабля. Но их молчание, отсутствие ежедневных отчетов, несомненно приведут к началу расследования, и это произойдет в течение двадцати четырех часов.

Он посмотрел на листок.

– Ближайшая к Кууму полицейская база Федеративных Солнц находится на Альто-4, его несомненно отправят для проведения расследования. Это существенно сократит имеющееся в нашем распоряжении время, возможно, даже до одного дня.

При этом сообщении лица слушавших вытянулись. Но Хэммонд думал о другом.

– Предположим, мы доберемся до Трифид, – сказал он. – Как я понимаю, мы столкнемся со врамэнами где-то внутри системы, когда они засекут нас?

– Именно так и случилось со мной, – ответил Тол Ор. – Я неожиданно получил вызов по телеаудио и приказ оставаться там, где находился, и ожидать ареста, или наш корабль будет взорван.

– Что мы будем делать, если получим подобный приказ? – спросил Хэммонд.

Он думал о том, что ему сказала Ива, о том, что у них на борту в качестве заложницы находится Тайан Марден. Он видел, как Ива быстро взглянула на него.

Джон Уилсон нахмурился.

– Если мы покажем им, что у нас на корабле Тайан Марден...

– Это не остановит их. Они взорвут нас, – спокойно сказал Тол Ор. Поверьте мне, врамэны не колеблясь пожертвуют одним из своих, чтобы помешать нам добраться до Альтара. Мой способ – единственный способ.

– Какой способ? – озадаченно спросил Квобба.

– Тол Ор приготовил кой-какую аппаратуру, которая может помочь нам, – уклончиво ответил Уилсон и повернулся к Лунду. – А теперь приведи Марден.

Хэммонд почувствовал, как по спине поползли мурашки. Они что, снова собираются вспомнить историю с энцефалозондом? Ему это совсем не нравилось, во всяком случае, он не понимал, какой от этого может быть толк.

Лунд вернулся с Тайан Марден. На ее маленьком подбородке виднелся синяк. Проходя мимо Хэммонда, она пристально на него посмотрела, и ее взгляд удивил его. В этом взгляде не было яростного негодования, которое он ожидал увидеть, это был мрачный, почти озабоченный взгляд. Тол Ор встал и вежливо показал на свой стул. Тайан села лицом к Уилсону, повернув свой четкий профиль к Хэммонду и остальным. Прежде чем кто-нибудь произнес хоть слово, она заговорила с Уилсоном тихим голосом.

– Я умоляю вас, прислушайтесь к моим предупреждениям, о которых я вам уже говорила. Вы не можете достичь Альтара. Вы, наверняка, погибнете, если попытаетесь, все до одного.

– Вы хотите сказать, я полагаю, что этот корабль будет взорван? – спросил Уилсон.

– Вы не можете добраться до Трифид, не будучи обнаруженными врамэнскими радарами, – устало проговорила Тайан. – И пожалуйста, не тешьте себя иллюзиями относительно того, что мое присутствие на корабле помешает врамэнскому офицеру исполнить его долг.

Уилсон взглянул на Тол Ора, и алголиец мягко заговорил с Тайан.

– Предположим, у нас есть способ преодолеть это препятствие?

– Такого способа нет. Конечно же, вы знаете, что если попытаетесь извлечь детонатор, он взорвется автоматически.

– Мы это знаем, – ответил Тол Ор. – Но тем не менее способ есть. Вы не можете нас остановить, Марден. Но вы можете нам помочь.

– Помочь вам достичь Альтара? – переспросила она скептически.

Тол Ор продолжал засыпать ее вопросами, Тайан отвечала с все большим и большим презрением. Хэммонду казалось, что вопросы не имели никакого смысла. Они были совсем не по существу, и он начал было думать, что Тол Ор несколько глупо ведет допрос.

Но неожиданно Тайан посмотрела на Тола Ора очень пристально и сказала:

– Все эти не имеющие никакого отношения к делу вопросы имеют за собой какую-то определенную цель. Мне больше нечего сказать.

Уилсон кивнул Лунду.

– Отведи ее назад в ее каюту, Гурт, – сказал он.

Когда она ушла, Тол Ор снова сел в свое кресло, и Уилсон с нетерпением спросил его:

– Ты получил то, что хотел?

– Думаю, да, – ответил Тол Ор. – Но все висело на волоске. Марден не глупа. Еще бы минута и она бы догадалась, что мы задумали.

– А что черт возьми, вы задумали? – спросил Квобба.

Тол Ор подошел к металлической стене каюты, в нескольких ярдах от своего кресла. Он сдвинул в сторону маленькую пластину, до сих пор невидимую. В углублении за ней находился компактный, похожий на камеру аппарат.

– Это стереовидеомагнитофон, – сказал он. – Я взял его на базе охраны на Кууме, подумав, что он нам обязательно пригодится.

– Для чего пригодится?

– Он записывал на стереовидеопленку каждое сказанное Марден слово. Я задавал ей такие вопросы, что в ответе она должна была произнести определенные слова. Теперь мы отредактируем пленку, разрежем ее на отдельные слова и соединим их на новой пленке, которая покажет, как Тайан произносит определенное предложение.

Следующие несколько дней Тол Ор проводил все свое время в центре коммуникации. Хэммонд не мог понять всего того, что он делал. Он видел, как Тол Ор разрезал и заново склеивал пленку, как устанавливал аппаратуру так, чтобы телерадиопередатчик представил запись как живую речь Тайан Марден.

– Это сработает только в том случае, если последует официальный вызов, – озабоченно произнес Тол Ор и добавил, – опасность заключается в том, что если будут задавать вопросы, требующие подробных ответов, ни одна заранее записанная пленка не сможет поддерживать разговор.

– А если мы пропустим вызов? – спросил Хэммонд.

Алголиец показал на аппаратуру в одном из углов.

– Вызов придет с Альтара. Это очень мощный и чувствительный определитель направления. По обращению врамэнов он должен определить местонахождение Альтара внутри системы Трифид.

Через шесть дней после того, как Хэммонд пришел в себя, корабль стал огибать темное облако, которое подобно унылому занавесу опустилось, преграждая их путь.

Перед ними находилась система Трифид.

Она выглядела довольно впечатляюще на астрономических фотографиях, которые Хэммонд видел еще в двадцатом веке, тогда ее называли туманностью Трифид. Но с такого близкого расстояния она просто ошеломляла.

Огромные звездные облака сверкали вокруг них, скопления звезд белевшие в Млечном Пути в районе Стрельца, делая такими красивыми летние ночи далекой Земли. Но за всем этим раскинулось море света, пылающее словно горнило, в котором выковывались звезды, разбредавшиеся по космосу. Группы двойных и множественных звезд светились внутри этой протянувшейся на большое расстояние туманности, некоторые из них были ослепительно яркими, другие тусклыми и бледными. И вся эта сияющая масса Трифид была расколота тремя огромными трещинами, на самом деле представлявшими собой световые годы, которые пролегли словно расчищенные дороги к ее невообразимому нутру.

Свет Трифид озарил их лица, когда они замерли у экранов рубки управления, Таммас за пультом, Джон Уилсон, Квобба и Ива за спиной Хэммонда. Хэммонду было интересно, испытывают ли они тот же благоговейный страх, что и он. Ибо сейчас, когда гигантская система Трифид повисла перед ними, превращая звезды в карликов, ему показалось, что они дерзнули приблизиться к самому трону Господа.

Напряженный голос Уилсона разрушил чары.

– Мы можем получить вызов в любое время. Пойду посмотрю, готов ли Тол.

Хэммонд повернулся и последовал за ним. Он больше не хотел смотреть на Трифид. Он подумал, что если бы он остался у экрана, все его мужество покинуло бы его.

Тол Ор был в коммуникационном центре. В ответ на вопрос Уилсона он спокойно

кивнул головой.

– Все готово, – сказал он. – Запомните, никто не должен заговорить или оказаться в пределах видимости телерадиопередатчика.

Они стали ждать. Генераторы гудели, корабль мчался вперед. Они смотрели на экран телерадио, но ничего не происходило.

Резко зажужжало телерадио, и Хэммонд нервно вздрогнул.

– Это они, – сказал Уилсон. – Будьте уверены...

– Спокойно, – произнес Тол Ор тоном взрослого успокаивающего нервного ребенка и прикоснулся к переключателю.

На приемном экране телерадио появилась голова человека. Это был красивый молодой человек, за его спиной находилась незнакомая Хэммонду аппаратура. Он был похож на любого другого приятного знающего свое дело молодого человека. Он был врамэном, и Хэммонд ненавидел его.

– Сообщите принадлежность вашего корабля, – произнес он.

Тол Ор прикоснулся к другому переключателю. Заработал стереовидеопроектор. Он создал прямо перед окуляром передатчика имеющий обычную как в жизни величину, трехмерный образ, от реальности и материальности которого у Хэммонда перехватило дыхание. Это была Тайан Марден.

Изображение быстро заговорило.

– Возвращаемся для специальной консультации. На этом корабле нет никого кроме врамэнов.

Речь ее была слегка отрывистой. Хэммонд подумал, что это может убедить любого. Он надеялся, что это убедит врамэна на экране. Если нет, то человеку надо только нажать кнопку и они никогда не узнают что с ними произошло.

13

На экране глаза молодого врамэна загорелись от удовольствия.

– Мы будем рады видеть тебя здесь снова, Тайан. Прошло много времени. Пролетай.

И экран потемнел.

Тол Ор повернул переключатель и такой реальный стереовидеообраз Тайан исчез. И Хэммонд вдруг осознал, что все это время его грудь стягивало железное кольцо, которое наконец пропало. Они посмотрели друг на друга с облегчением и торжеством и Уилсон сказал:

– Отличная работа, Тол. На этот раз мы провели врамэнов!

Тол Ор покачал головой.

– Ненадолго. – Теперь врамэны ждут, что Тайан Марден прибудет на их базу Альтар, где бы она ни находилась. Когда этого не произойдет, они поднимут тревогу и начнут поиски.

– К этому времени, мы, надеюсь, куда-нибудь попадем, – пробормотал Уилсон. Он подошел к Норту Абелю, алголийцу помоложе, который все это время ссутулившись изучал данные определителя направления в углу комнаты. – Ты знаешь место, Норт?

– Да, я засек кое-что. Но мне надо поработать, прежде чем я смогу нанести его на карту.

Маленькая комната была полна народа. Лунд, Абель, Уилсон и Тол, все собирались около стола. Хэммонд заглядывал из-за их спин, но масса символов и графиков, которые они анализировали, не имела для него ни малейшего смысла.

– Вот оно, – сказал Абель наконец. – Если только они не пользовались ретранслятором, то Альтар должен находиться в этом направлении.

Все посмотрели на Уилсона. Он нервно дергал себя за губу, уставившись на листы бумаги, усеянные символами. Наконец он произнес:

– Мы должны отправиться по этому пути. Может быть, врамэны знают и более лучший

путь, но нам он неизвестен. По крайней мере, так мы сможем довольно долго следовать вдоль трещины, прежде чем нам придется врезаться в туманность.

Суровое лицо Лунда слегка помрачнело.

– Прорываться через туманность будет трудновато.

– Да, – поддержал его Уилсон. – Но это наш единственный шанс.

Хэммонд воспользовался возникшей паузой и спросил Тола Ора:

– Почему лететь через туманность будет трудно? Я всегда думал, что вещество туманности такое разреженное, словно его и вовсе нет.

– Это действительно так, – кивнул Тол Ор. Трифид кажется сплошной пылающей массой, но на самом деле это все отражение света от многочисленных звезд внутри нее. Пыль, из которой она состоит едва ли плотнее любого используемого в лаборатории вакуума. Она не создаст никаких трудностей для корабля.

– А что же создаст эти трудности?

– Магнитные поля. Облака пыли внутри Трифид находятся в движении, они клубятся и сталкиваются друг с другом. Столкновение этих облаков создает самые интенсивные магнитные поля, которые к тому же постоянно меняются. Ты можешь представить, как эти поля повлияют на наш фотонный двигатель.

Шло время, а корабль по-прежнему спешил к Трифид. Хэммонд ел и спал, и на этот раз не боялся кошмара, преследовавшего его долгое время. Кошмара и не было, однако, когда он проснулся, то вспомнил, что видел другой, странно взволновавший его сон. Ему казалось, что он снова держит Тайан Марден в своих объятиях, и что неожиданно она рассмеялась ему в лицо и исчезла, и он понял, что это был всего лишь стереовидеообраз, который материально никогда не существовал.

Ему стало интересно, как она чувствует себя там, в своей запертой маленькой каюте. Напугана ли она? В этом он сомневался. Ее можно было назвать высокомерной, но мужества у нее было не отнять. Он подумал, что наверно, она ужасно сердится. Надеялся, что так оно и было. Он спросили себя, какого черта он вообще о ней думает, встал с койки и вышел из каюты.

Зрелище, которое открылось ему на экранах в рубке управления поразило его, словно удар тока. Трифид заслонила собой все небо. Сияющее великолепие непостижимых размеров. То там, то здесь горели звезды и звездные группы, их свет отражался крошечными редкими пылинками. Огромные черные трещины, видимые даже с Земли теперь казались колоссальными расселинами, которые тьма пробила в этом континенте света. Корабль направлялся ко входу в одну из этих громадных трещин.

Шау Таммас повернул к Хэммонду свое желтое лицо и улыбнулся.

– Красиво, правда? Только чертовы врамэны захотели бы жить в подобном месте.

Спустя некоторое время, когда корабль вполз в широкую темную расселину, на боковых экранах тоже возникли сплошные стены света. К этому времени за пульт управления вернулся Рэб Квобба. Их курс пролегал вдоль одной из этих сияющих стен.

Они двигались вдоль побережья света, подобно пылинке, движущейся рядом с солнцем, мимо пылающих как горнило, мысов, которые могли бы уместить в себе всю Солнечную Систему, мимо огромных заливов тьмы, уходивших далеко вглубь туманности. Мозг Хэммонда не выдерживал. Он, все еще дитя двадцатого века, маленькой Земли, и это чудовищное облако не подходящее место для человека. Шедший от него свет падал на лица Ивы и Таммаса вглядывавшихся в туманность вместе с Хэммондом, и он видел в их глазах тот же благоговейный страх.

В рубку вошел Джон Уилсон.

– Вам лучше пристегнуться к креслам, – сказал он. – Скоро нам придется повернуть в туманность, двигаться дальше на автопилоте.

Ива ушла, а Квобба показал на одно из пустых кресел и Хэммонд сел в него и пристегнулся.

«Перейти на автопилот» – послышался из динамика голос Лунда.

– Автопилот, – ответил Квобба и добавил, – думаю, эти чертовы вычислители знают свое дело.

Он повернулся и сухо улыбнулся Хэммонду.

– Вот, где хорошо учиться. Вести корабль по любой туманности – дело хитрое, но Трифид...

Он не договорил. Компьютеры, расположенные в вычислительном зале, думающие быстрее, чем любой из людей, приняли управление кораблем на себя. Им дали цель, линию, глубоко уходящую в облако, прокладывающую путь к Альтару. Защелкав и зажужжав, они за несколько секунд проделали необходимые вычисления. Они заговорили, но не звуковой речью, а электрическими импульсами, которые отдавали приказы механизму автопилота. Расположенные глубоко внутри генераторы заревели громче. Автопилот повернул корабль и швырнул его прямо на сияющую стену.

Хэммонд видел, как они приближаются, эти капельки света, вечно висящие в звездном небе. Он приготовился к удару, которого, он знал, не будет. Он был прав. Когда они ворвались в туманность, удара не последовало. Только свет теперь был со всех сторон, не такой яркий, каким казался со стороны, скорее похожий на лунное сияние. Они мчались сквозь это преддверие ада, и вокруг них, казалось ничто не менялось до тех пор, пока, наконец, впереди справа не показались тусклые огоньки тройной звезды. Внезапно корабль затрясся, затем успокоился, потом задрожал, снова и снова. Сильные магнитные течения туманности неожиданно овладели кораблем и мгновенно отнесли его в сторону, и Хэммонд увидел, как вся огромная сияющая туманность и три пылающих солнца завертелись вокруг них.

Генераторы гудели еще громче. Автопилот яростно сопротивлялся. Бездумный мозг компьютера обнаружил изменение курса и мгновенно принялся отдавать приказы. Корабль вырвался из лап магнитного поля и шарахнулся в сторону от трех солнц, затем снова оказался в плену. Хэммондом стала овладевать уверенность, что это безумное пересечение магнитных полей кончится тем, что затащит их в одну из этих звезд, которые уже пугающе увеличились в размерах и теперь ярко горели сквозь сияние туманности, две были теплыми желтыми, а одна горячей бело-голубой.

Но компьютер не сдавался. Там, где человеческому мозгу не хватило быстроты, действовало и сражалось его творение. Хэммонд подумал, что был прав, и здесь не место человеку, что только механический интеллект, не имеющий нервов и чувств, мог бы побороть слепые яростные силы облака.

Три солнца скрылись за их спинами. Некоторое время они двигались вперед относительно спокойно. Затем Хэммонд увидел, что сигнальные огоньки на контрольной панели яростно замигали, словно открывались и закрывались маленькие яркие рты, беззвучно крича о смерти и опасности окружавших людей.

Он не мог понять о чем сообщают эти огоньки, но Квобба мог.

– Течение окружает нас со всех сторон, этого нам только не хватало, – застонал он.

До сих пор компьютер выходил победителем. Хэммонд думал о нем с небольшой завистью. Но теперь, казалось, он в состоянии справиться, потому что он ведет себя так, словно сошел с ума.

В течение нескольких следующих минут он швырял корабль во всех возможных направлениях. Людей удерживали только ремни, смазанное изображение на экранах вращалось с такой скоростью, что начинала кружиться голова. Затем впервые, Хэммонд услышал звук удара, стук градин по корпусу, бьющих то в один, то в другой борт мечущегося корабля. Перекрикивая оглушительный рев генераторов, работающих с максимальной нагрузкой, Квобба успокаивающе заорал:

– Это течение, маленькие крупинки, система наших радаров не даст нам налететь на что-то большое.

Предупредительные сигналы, казалось, разорвут их на маленькие кусочки, потому что корабль вращался и крутился и дергался, чтобы уклониться от ударов течения. К тому

времени, как сигнальные огоньки погасли, Хэммонду стало совсем плохо.

А они полетели дальше вглубь туманности Далекие звезды мерцали в светящейся пыли, словно затонувшие огоньки, и сдвигались назад. Снова волны магнитного поля отнесли их в сторону, и снова компьютер с высокомерным упрямством вернул их на прежних курс.

В конце концов Хэммонд заснул под своими ремнями. После всего что он увидел, им овладело не физическое, а умственное и нервное истощение.

Он проснулся от изменения тембра гула, не стихавшего на корабле. Он потер глаза, чувствуя себя усталым и разбитым. Прежнее дикое движение прекратилось, но что-то было не так. Он вопросительно посмотрел на Квоббу.

– Мы притормаживаем, – ответил Квобба. – Радар засек звезду впереди по курсу. У нее есть планета, мы думаем, что это может быть Альтар.

При этом имени Хэммонд окончательно проснулся. Он с жадностью стал вглядываться в передний экран. Он увидел лунное сияние, и прямо по центру перед ними в нем что-то было, слабое пятнышко более яркого света.

Лунд и Уилсон тоже стали всматриваться в экран. Пятнышко становилось все более и более ярким, но это происходило так медленно, что Хэммонд подумал, что пока он спал, корабль, должно быть, очень сбавил ход.

– Тол Ор и Норт следят за показаниями приборов, регистрирующих течения. Любой обломок, летающий в космосе возле этого солнца, может послужить нам укрытием от их радара.

В комнату с листком бумаги в руке быстро вошел Норт Абель.

– Вот данные о ближайшем течении.

Уилсон взглянул на листочек бумаги, затем протянуть его Квоббе.

– Неплохо. Если тебе удастся влезть туда, то может нас не заметят.

Дымка перед ними становилась все более и более редкой. Конечно, подумал Хэммонд. Гравитационное поле звезды очистит окружающее ее пространство от крошечных частичек материи, и потому что впереди находился прозрачный участок туманности, звезда казалась его глазам очень яркой. Она, казалось, слегка флуоресцировала, переливалась, играла разными цветами, и Хэммонд предположил, что это потому, что он смотрит на нее сквозь слабую дымку. Он слышал, как случайные крупинки царапают корпус корабля, но никто из них не обращал на это никакого внимания.

Они все, Уилсон, Квобба, Абель и Лунд вглядывались в экран так же пристально как Хэммонд. И теперь, когда корабль пролетел сквозь последние клочки дымки, одинокое солнце предстало перед ними четко и ясно. Оно вращалось здесь, в глубинах Трифид, солнце с одной-единственной планетой, которая казалась немного меньше Земли, и эта планета вполне могла быть Альтаром, к которому так давно смотрел на планету. Они смотрели на звезду.

– Клянусь всеми богами космоса, – пробормотал Квобба. – Я никогда не видел солнца подобного этому.

Никто ему не ответил. Никто и не мог ответить, тем более Хэммонд. Он мог только во все глаза смотреть на экран.

Эта звезда казалась странной не в результате какой-либо причуды отражения. Сейчас, когда они смотрели на ее обнаженное великолепие, она переливалась еще более зловеще. Казалось, нельзя было увидеть какой-нибудь один определенный оттенок. Красный, зеленый, фиолетовый и золотисто желтый цвета переплелись в ее цвете, подобно сверкающим цветам огромного огненного опала. Вращавшаяся здесь в самом сердце туманности, купающая свою маленькую планету в искрящемся меняющемся свете, она была жуткой, гипнотической.

Тишину нарушил Уилсон.

– Я думал, что знаю все типы звезд, но эта...

– Такого типа никогда и не существовало, – сказал Норт Абель. Он был потрясен, кожа на его бледном лице как-то странно обвисла. – Я скажу об этом Толу.

Хэммонд посмотрел на остальных.

– Эта планета – Альтар?

Глаза Уилсона сверкнули.

– Может быть, – произнес он.

– Значит, мы будем готовиться к посадке на него? – спросил Квобба.

– Да. Но нам придется оставаться под прикрытием течения как можно дольше. Гурт, заложи это в компьютер.

Лунд вышел. Хэммонд, Уилсон и Квобба остались смотреть на переливающуюся звезду. Ее фантастическое сияние менялось по мере того, как они приближались к ней. Непрерывное движение цвета в ее сиянии немного загипнотизировало Хэммонда. Эта звезда была непохожа на звезды его собственной галактики. Она была настолько чужой, словно возникла для того, чтобы освещать невообразимо странные миры в какой-то далекой галактике, расположенной в другой части вселенной. В рубку вошла Ива и взглянув на экран, воскликнула:

– Она прекрасна, но немного пугает...

– Тол хочет тебя видеть, – сказал Норт Абель Уилсону. – Прямо сейчас. Он что-то обнаружил.

– Что?

У Абеля был такой вид, словно глаза его сейчас выскочат из орбит от волнения, но он пытался казаться спокойным.

– Он сам скажет тебе. Он хочет поговорить с тобой немедленно.

Уилсон резко взглянул на него, повернулся и вышел. Ива и Хэммонд последовали за ним, девушка с удивлением, а Хэммонд с волнением, от которого кровь застучала у него в висках.

Тол Ор находился в навигационной кающе, когда они вошли, он оторвался от спектроскопического прибора, который навел на переливающуюся звезду. Хэммонд никогда не видел алголийца таким. Руки Тола дрожали, а на лице застыло напряженное странное выражение.

– Ты знаешь, что я был специалистом по излучению? – И что меня отправили на Куум, потому что я сунул свой нос слишком близко к Трифид, увлекшись изучением вспышки необычной радиации?

– Да, мы это знаем, – нетерпеливо ответил Уилсон. – А сейчас я хочу знать как можно больше об этой звезде. Это солнце Альтара?

– Я пытаюсь рассказать тебе, – продолжал Тол Ор. – Неизвестное излучение источник которого я пытался определить несколько лет назад, исходит из этой звезды с большой силой. И это особый вид излучения, никогда ранее не обнаруживаемый.

Он замолчал, явно стараясь изложить словами что-то такое, что трудно было сообщить. С изумлением, Хэммонд вдруг понял, что Тол Ор боится.

– Предполагалось, что может существовать излучение, частота которого намного выше, чем частота так называемых космических лучей. Теория указывала на то, что электромагнитные колебания такой высокой частоты могут непредсказуемо влиять на ткани человека. И из этой звезды исходит именно такое излучение.

– Предположим, ты прав, – сказал Уилсон, – какой значение это...

Он неожиданно замолчал. Лицо его странно побледнело. Он взглянул на переливающуюся звезду, затем снова на алголийца.

Тол Ор кивнул.

– Именно это я и имел в виду. Думаю, что тебе не придется искать секрет жизни врамэнов. Думаю, этот секрет перед тобой.

Он показал на необычно сияющую звезду.

14

С самых первых дней вечности, огромное облако Трифид охраняло тайну. Какая

странная химическая реакция, какая невообразимая слепая игра космических сил создали ее? Это выходило за пределы человеческого понимания. В самой глубине громадной туманности, родилось нечто такое, чему не было аналога во всем космосе. И затем, две тысячи лет назад и через восемь тысяч лет после завоевания космоса, в туманность прибыли корабли, управляемые людьми, и люди обнаружили тайну.

Обнаружили – звезду?

Нет, подумал Хэммонд. Это слишком чудовищное нарушение привычного слишком невероятное. Что бы они не нашли здесь, давшее им бесконечную жизнь и сделавшее их врамэнами, не может быть ею.

Или может?

Тол Ор продолжал говорить. Он говорил уже несколько минут, и в его голосе звучала страсть, которой Хэммонд никогда не слышал раньше. Разговор шел об излучении и о тканях, о том, что может сделать с клетками энергия высокой частоты, как она может стимулировать и значительно усилить регенеративные процессы, заставить клетку обновляться, так что клетка не будет стареть или умирать. Снова и снова Тол показывал на переливающуюся звезду, и когда он смотрел на нее.

Джон Уилсон поднял руку, призывая к тишине.

– Давайте подумаем! Если все так, как ты полагаешь...

Глаза Квоббы расширились.

– Если это так, то излучение этой звезды, просто свет от нее, может дать нам всем бесконечную жизнь! – воскликнул он. – Сделать нас врамэнами!

Это невозможно, говорил разум Хэммонда. Этими людьми так долго владело это дикое желание, что они готовы ухватиться за химеру. Но хотя его здравый смысл противился этому, глаза не отрываясь смотрели на звезду, а сердце в груди кричало ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ!

Неожиданно весь корабль наполнился гулом голосом и топотом, мужчины и женщины толпились у дверей, пытаясь войти в рубку управления, пробраться к экранам и посмотреть на звезду.

То ли Абель, то ли кто-то еще другой разболтал новость и людей охватило волнение, близкое к истерике. Всю свою жизнь ты прожил, зная о том, что смерть висит над тобой подобно мечу, и до тех пор пока все умирали в свое время, ты принимал эту истину. Но жить, стареть и умирать в одной вселенной с другими мужчинами и женщинами, которые во всем были подобны тебе, но не старели и не умирали, уходить в небытие, в то время как немногие бессмертные продолжали жить, и наконец проделать огромную работу, осмелиться и увидеть своими глазами этот громадный пылающий фонтан бесконечной жизни. Для всех этих людей это было даже большим потрясением, чем для Хэммонда.

Дисциплина сменилась истерикой и скоро корабль будет подобен сумасшедшему дому. Но не случайно Уилсон был избран их вождем. Раздался его голос, он приказывал им, ругал их и практически сбросил их с высот их экзальтированного возбуждения.

– Нет еще никакой уверенности относительно этого, – прокричал он. – Вы слышите, никакой! Излучение звезды может быть тем секретом жизни который мы ищем, а может и не быть. Если вы будете вести себя как дети, то никогда не получите возможность проверить это. Вспомните о том, что заложено в наш корабль.

Это отрезвило их. Напоминание о детонаторе, который в любое мгновение мог превратить их в отдельные атомы. Теперь, когда, возможно, бесконечная жизнь находилась в пределах досягаемости, смерть стала казаться еще более ужасной.

– Отправь их назад вниз, – сказал Уилсон Лунду. – И приведи сюда Марден, побыстрее.

– Мы почти вышли из нашего укрытия, – предупредил Квобба. – Что теперь?

Хэммонд посмотрел на маленькую зеленоватую планету, купающуюся в лучах блестящей звезды. Уилсон сделал то же самое, и в его глубоких глазах сверкнула решимость.

– Направляйся прямо к планете, – сказал он.

– Радары врамэнов засекут нас как только мы выйдем из течения, – предупредил

Квобба.

– Ну и пусть. Они все равно еще некоторое время будут думать, что это приближается корабль Марден.

Компьютер уже рассчитал траекторию полета, и корабль быстро помчался вперед. Теперь он двигался не на автопилоте, и Хэммонд видел, как большие руки Квоббы время от времени прикасаются к кнопкам и переключателям. Генераторы снова громко загудели.

Тайан вошла в маленькую каюту сопровождаемая Гуртом Лундом. В первое мгновение она не посмотрела ни на Хэммонда, ни на остальных. Ее взгляд устремился к экрану, к потрясающему изображению переливающейся звезды и ее маленькой планеты. Белое лицо девушки было лишено какого-бы то ни было выражения.

– Это Альтар, не так ли? – спросил Уилсон.

Она посмотрела на него, но не отвечала.

– Слишком поздно молчать, Марден! – сказал Уилсон. – Мы в любом случае собираемся сесть на эту планету.

Ее лицо еще больше побелело, а когда она заговорила, ее голос звучал почти как шепот.

– Не делайте этого. Я умоляю вас, поверните и останьтесь здесь. Сейчас. Немедленно.

Лунд рассмеялся. Тол Ор вышел вперед и нетерпеливо спросил:

– Излучение высокой частоты и есть секрет жизни, так ведь?

Тайан посмотрела на него, потом на Уилсона, затем неожиданно на Хэммонда. Ему показалось, что в ее глазах было нечто похожее на агонию, а от выражения ее лица у него пошел мороз по коже.

– Да, – наконец произнесла она.

Уилсон тяжело выдохнул, выдох человека, который всю свою жизнь взбирался на гору и наконец увидел ее вершину.

– Сколько необходимо времени? – спросил ее Тол Ор. – Сколько времени наши тела должны находиться под лучами этой звезды, чтобы стать подобными вашим?

Она не отводила глаз от Хэммонда.

– Много дней. Слишком много. Вы столько не проживете, если сделаете посадку на Альтаре.

Она неожиданно отвернулась от Хэммонда и обвела взглядом всех находившихся в рубке. Когда она заговорила снова, в ее голосе звучал страстный призыв.

– Не делайте этого. Вы цепляетесь за жизнь, но еще не знаете, что получите вместе с ней. Это излучение – ужасная биологическая ловушка. Если оно будет воздействовать на ваши тела в течение слишком долгого времени...

– Пожалуйста, Марден, – оборвал ее Джон Уилсон, – не пытайся запугать нас как детей. Если бы это излучение имело какой-нибудь разрушительный эффект, вы, врамэны, не жили бы так долго.

Плечи Тайан опустились.

– Безнадежно, – пробормотала она. – Вот почему врамэны никогда не говорили вам правду. Мы знали, что это безнадежно, что вы никогда не поверите.

– По крайней мере, – вмешался Хэммонд, – мы можем выслушать то, что она хочет сказать.

Лунд повернул к нему горящие глаза.

– Именно этого я от тебя и ждал. Я говорил им, что тебе нельзя доверять, ни сейчас, ни когда бы то ни было.

– Послушай, черт тебя возьми, ты никогда не оказался бы здесь, если бы не я! – взорвался Хэммонд.

Джон Уилсон рявкнул на обоих как старый рассерженный лев.

– Хватит! Во имя Господа, мне сейчас не нужны ссоры.

Он снова повернулся к Тайан.

– Где находится главный центр врамэнов на этой планете?

– Он находится высоко в горах, в северном полярном районе Альтара. Если вам удастся

сесть, то это должно произойти там. Нигде в другом месте Альтара вы не будете в безопасности.

– В безопасности? – переспросил Лунд и снова рассмеялся. – О да, в безопасности. В руках врамэнов.

– Вы не понимаете! – почти закричала она. – Мы, врамэны, контролируем только ограниченный район северного полюса. Почти на все остальной части Альтара господствует другая раса, Третьи Люди. Вы не должны садиться там, где можете попасть им в руки.

– Что толку слушать все это? – зло перебил Лунд. – Конечно, она пытается одурачить нас.

– Значит вы не станете садиться в Шаранне, в центре врамэнов? – в последний раз с отчаяньем спросила Тайан.

– Мы что дураки? – ответил Уилсон.

Она обвела их взглядом и остановилась на лице Хэммонда.

– В таком случае все остальное не имеет значения. Мы долго не проживем. Прощайте, Кирк Хэммонд.

Она ушла с Таммасом, а ее «Прощайте, Кирк Хэммонд» волнующим эхом все звучало в его ушах. Лунд взглянул на Хэммонда, затем обратился к Уилсону.

– Ты знаешь, что она имела в виду, когда сказала, что мы долго не проживем?

Уилсон кивнул.

– Это очевидно. Должно быть, врамэны уже поймали нас на своих радарах. Если мы совершим посадку не на их базе, а в каком-нибудь другом месте, они заподозрят неладное и взорвут корабль.

Квобба повернулся к ним, его массивное лицо было покрыто капельками пота.

– Что же теперь?

– А теперь направляйся прямо в район северного полюса, затем, когда мы начнем спускаться, сделай так чтобы корабль немного закрутило в несколько раз бросило из стороны в сторону, потом неожиданно соверши посадку в другом месте. Пусть выглядит так, словно у нас возникли какие-то неполадки в оборудовании.

– Ты думаешь, это остановит их и они не взорвут корабль? – с сомнением спросил Хэммонд.

– Во всяком случае у нас появляется шанс, – невесело ответил Уилсон. – Они могут попытаться сначала связаться с нами и даже выслать спасательный отряд.

– А если они найдут нас?

– Думаю эта находка доставит им много неприятностей. Мы быстро выйдем из корабля, забрав все что сможем вынести. Мы наденем шлемы, защищающие от излучения, и если врамэны явятся с гипноусилителями, то у них ничего не выйдет. Мы возьмем шокеры, которые прихватили на Кууме и сможем противостоять им.

– И как долго? – спросил Тол Ор скептически.

– Возможно, довольно долго, – ответил Уилсон. – Мы можем получить помощь. Если у врамэнов здесь есть враги, то они могут стать нашими друзьями. Ты слышал, что Марден говорила о расе, которую врамэны называют Третьими Людьми.

– Ложь, которой она пыталась запугать нас и толкнуть в руки врамэнов, – презрительно фыркнул Лунд.

– Может быть, – сказал Уилсон. – Но все же еще на Земле, помнишь, что она сказала Хэммонду «И даже если вы справитесь с врамэнами...». Это подразумевает, что на Альтаре есть еще кто-то кроме них. Кто знает, какая другая раса кроме людей обнаружила этот мир, эту звезду жизни?

Такая мысль никогда не приходила в голову Хэммонду и поразила его подобно молнии. Было что-то шокирующее в том, что возможно, издалека из галактики, находящейся гораздо дальше Трифид, сюда в поисках бесконечной жизни могли прилететь представители других рас. Огромный магнит, притягивающий гуманоидов и негуманоидов из далеких миров, которые подобно мотылькам слетелись к огню этой звезды поселились на Альтаре и ревниво

сражаются друг с другом...

Громкий голос Уилсона изгнал эти дикие размышления из головы Хэммонда.

– Мы должны двигаться дальше, допуская, что врамэны скоро взорвут этот корабль, – говорил Уилсон. – Все должно быть готово к высадке на поверхность, как только мы сядем. Я хочу чтобы с корабля забрали все, что можно, – все запасные атомные генераторы, инструменты, все запчасти к оборудованию, а также все оружие, приборы, аккумуляторы и пищу. Подготовь все это, Гурт, и поскорее!

Корабль охватил шум лихорадочной подготовки к высадке на планету. Лунд и Тол Ор определяли, что должно быть разгружено в первую очередь. Бряцали ключи, это люди спешно отвинчивали аппаратуру, назначение которой оставалось для Хэммонда загадкой. Потные мужчины тащили их к грузовым отсекам, другие под руководством Лунда собирали импровизированные механизмы, которые могли бы помочь выгрузить тяжелое оборудование, когда корабль совершит посадку. Хэммонд обнаружил, что вместе с Абелем переносит плоские картонные коробки с пищевыми капсулами, которые Ива Уилсон вытаскивала из кладовой. Во всех коридорах толпились и спешили люди. Эхо взволнованных голосов заглушало порой рев генераторов.

Когда Хэммонд брал из рук Ивы очередную коробку, она спросила его:

– Что сказала Тайан Марден?

– Много всего. Большей частью то, что могло бы нас напугать и заставить повернуть от Альтара.

Она посмотрела на него и неожиданно сказала:

– Слушай ее, когда она предупреждает тебя о чем-то, Кирк. Возможно, ее не волнуют остальные, но я не думаю, что она хочет, чтобы умер ты.

Он вздрогнул.

– Ива, ты, должно быть, сошла с ума; если хочешь сказать что...

Он не договорил. Воздух снаружи корабля заревел неожиданно громко, и тут же по всему кораблю завопили динамики:

– Всем пристегнуться!

Послышался топот, все спешили к креслам. Хэммонд и Ива влетели в кают-компанию и чуть не свернули шеи, пытаясь увидеть, что показывает сканер.

Он показывал вид, открывавшийся впереди корабля, залитая солнцем часть планеты, повисшая перед ними. На ней не было морей, но накатывающаяся поверхность была неровной от каких-то лесов. Они были темно-зеленого цвета, с ярко-желтыми пятнами, что напомнило Хэммонду горы Нью-Мексико осенью, когда золотые осины горели на фоне сосен. Поверхность планеты неожиданно ворвалась на экран, затем показалось, что корабль встал на хвост и упал, покатившись.

Ремни, удерживавшие Хэммонда, впились в его тело, он услышал испуганный крик Ивы. Они вращаясь летели вниз, и Хэммонд подумал о том, пытается ли Квобба, следуя указаниям Уилсона, сделать так, чтобы казалось, что корабль терпит катастрофу, или это действительно была катастрофа. Он решил, что все-таки все было по-настоящему, потому что вращение было слишком диким, чтобы быть обманчивым. Воздух ревел все громче и громче. На сканере он увидел, как на них стремительно надвигается лес, густой лес, гротескно неуклюжих темно-зеленых растений. За бортом корабля послышался треск и хруст, и Хэммонд подумал, что это безумие умереть вот так. Затем последовал удар, а за ним то, что было самым поразительным за время всего полета.

Тишина. Ни звука, ни движения, впервые с тех пор как они покинули Куум.

Динамики мгновенно нарушили эту тишину.

«Наружу! Все наружу! Вытаскивайте оборудование!»

Хэммонд помог Иве освободиться от ремней и они побежали вместе с другими по полным людей коридорам, вниз к грузовым отсекам. Люки отсеков уже были открыты и снаружи они увидели сияние ослепительного солнца, косые лучи которого падали на высокие, странного вида кучи зелени. Воздух ворвался внутрь корабля, теплый, легкий и

сухой.

Грузовые отсеки быстро превратились в организованные сумасшедшие дома, полные активности и шума. Были спущены трапы, и мужчины торопились привести в действие мощные машины, которые должны были отсоединить от корабля большие атомные генераторы и выгрузить другое тяжелое оборудование. Другие, в том числе Хэммонд, Ива и Абель, переносили запасы продовольствия, складывая их в кучу подальше от корабля, у края небольшого возвышения. Только когда Хэммонд бежал за второй коробкой, он нашел время взглянуть на дикий лес, поднимавшийся вокруг них. Джон Уилсон, стоявший возле корабля, руководил работой.

– Быстрее! Корабль может взорваться в любую минуту! Сваливайте все на кучу, не оставляйте ничего ближе.

Где-то на этой планете врамэн мог нажать кнопку, и они превратились бы в пыль. Они знали об этом, и это подстегивало их, ключи грохотали, люди задыхались и покрывались потом, тяжелые машины отъезжали от корабля. Наконец, все они стояли посреди гор их безумного грабежа, все покинули корабль и впервые получили возможность перевести дыхание и осмотреться.

Со всех сторон их окружали зеленые холмы. Это были не деревья, это были мхи, похожие на гигантские подушки, поднимавшиеся на двадцать-тридцать футов вверх и еще больше в диаметре. Между этими огромными холмами рос ковер темного мха, в котором то тут, то там виднелись участки настоящей травы, ярко-желтого цвета. Хэммонд с удивлением посмотрел на бесцветное небо. Сияние заходящего солнца было скрыто от него ближайшим мохом, но его лучи дрожали в небесах подобно лучам дневной звезды. В этом мрачном лесу не летали птицы, даже насекомых не было. Ни один звук не нарушал глубокую нависшую надо всем тишину. Они стояли между страхом и восторгом, на планете своей мечты.

15

На Альтар опустилась ночь, но эта ночь была абсолютно непохожа на те, которые довелось видеть Хэммонду. На небе не было темных участков, не было и звезд, оно было похоже на светящийся лист, небо туманности, испускающее мерцающее, почти не дающее тени излучение на огромные темные мхи. Хумэны собрались в плотную группу возле кучи машин и припасов, и хотя солнце село уже час назад, они не зажигали огни. Некоторые из них, вооружившись шокерами, ходили взад и вперед, остальные спали.

Хэммонд не мог спать. Тайан Марден тоже. Он смотрел в сторону, где она сидела, совсем недалеко от него. За девушкой довольно близко от нее сидел Шау Таммас, и Хэммонд знал, что похожий на обезьянку мизарианец постоянно держит ее под прицелом своего шокера. При этом жутком призрачном сиянии Хэммонд видел белое пятно ее лица. Он очень хотел поговорить с ней. Он решил, что так и сделает и к черту Лунда и приказы Уилсона.

Он встал. Весь мир вспыхнул ослепительно белым светом, озарившим испуганные лица и возвышавшиеся над людьми мхи, послышался раскат грома и волна горячего воздуха ударила Хэммонду в спину.

Он покачнулся, удержал равновесие и быстро повернулся. Когда гром затих, стали слышны изумленные возгласы.

– Корабль! – вопил Квобба басом.

Развернувшись, Хэммонд увидел столб пара, поднимавшийся над тем местом, где находился корабль. Вокруг него все еще витало дыхание обжигающе горячего воздуха.

Джон Уилсон вскочил на ноги и пробежал несколько шагов вперед, но быстро остановился и его суровый голос загремел, перекрывая общий шум:

– Стойте на месте! Врамэны взорвали корабль. Мы это ожидали.

Спина Хэммонда покрылась холодным потом. Это вполне могло произойти в тот момент, когда они были на корабле, в любое время с того мгновения, как они приблизились к Трифид. Это его так потрясло, что он вдруг возненавидел врамэнов больше чем когда-либо,

потому что понял, что они обладают властью над жизнью и смертью любого корабля в галактике.

Уилсон повернулся и направился к Тайан. Она встала, при этом сумрачном сиянии Хэммонд не мог определить выражение ее лица.

– Твои друзья сделали это, – резко обратился к ней Уилсон. – Почему они взорвали корабль вместо того, чтобы прийти тебе на помощь?

– Мой народ не придет в эту часть Альтара. Это слишком опасно. Я пыталась вам это сказать.

– О, да, – фыркнул Лунд. – Третьи Люди. Ложь, предназначенная для того, чтобы толкнуть нас в руки врамэнов.

– Я думаю, – сказала Тайан, – что они уже идут. В Шаранне, врамэны следят за радаром. Они обнаружили вражеские флайеры, ищущие этот корабль, и взорвали его немедленно.

Ее голос звучал безнадежно, но неожиданно ее слова превратились в страстный призыв.

– В последний раз, умоляю вас, уничтожьте металлические инструменты и машины, которые вы сняли с корабля! Если они попадут в руки Третьих Людей...

– Естественно, ты хочешь, чтобы мы остались без какого-либо оружия и оборудования, – угрюмо перебил ее Уилсон. Он повернулся и громко приказал: – Всем быть настороже и держать шокеры под рукой. Но не применять их, пока я не скажу.

У Хэммонда тоже была маленькая, лишающая человека сознания, трубка. Он не считал ее оружием, если дело дойдет до настоящего сражения, и сказал об этом.

– Драться совсем необязательно, – сказал Уилсон. – Этого не произойдет, если я смогу помешать. Кем бы ни были эти другие люди, если они являются врагами врамэнов, то логично предположить, что они могут стать нашими друзьями. Я не хочу, чтобы кто-нибудь запаниковал, и лишил нас этой возможности.

– Слышите?! – воскликнула Ива.

С сияющего неба послышался резкий звук, прерывающийся и очень высокий, который то исчезал, то возникал снова, еще громче чем раньше.

– Флайеры, – произнесла Тайан. – Они, наверно, увидели вспышку взрыва.

– Следи за ней, – сказал Уилсон Шау Таммасу. – Смотри только на нее, не своди глаз, чтобы не случилось.

Он поспешил с Лундом к остальным хумэнам, которые сбились в кучу возле одного из гигантских мхов, и задрав головы, смотрели в небо. Идущий оттуда звук превратился в непрерывный свист.

Тайан посмотрела на Хэммонда.

– Вы должны быть очень счастливы, – сказала она. – Вы сделали то, о чем мечтали, о чем веками мечтали хумэны. Вы достигли Альтара, и со временем излучение звезды сделает вас бессмертными, как мы, врамэны, и вы будете счастливы, как мы.

В ее словах звучали с убийственной горечью. Они больно резанули по нервам Хэммонда, и он подошел ближе к девушке.

– Тайан, что это? Чего ты ждешь?

Она издала безрадостный звук.

– Ничего, – ответила она. – Я не жду ничего, совсем ничего. Я просто рассказываю очередную ложь.

Она замолчала и Хэммонд услышал, что свист, звучащий в небе, стал громче и ниже.

– Это летят ваши новые друзья, – сказала Тайан. – Бегите к ним. Приветствуйте их. Потому что они наверняка помогут вам справиться с ненавистными врамэнами!

Скрежещущий рев заглушил бы все, что собирался сказать Хэммонд. Он посмотрел вверх и увидел как над ними сверкнули четыре длинные сигары, черные на фоне сияющего неба. Свист усилился до одуряющей высоты, затем резко ослабел. Четыре флайера сделали круг и вернулись. На этот раз один из них летел гораздо ниже остальных. Три флайера снова

пронеслись над головами хумэнов, а четвертый скользнул вниз и сел вне поля их зрения, за возвышенностью.

Они ждали их, сжимая шокеры и дрожа от нарастающего напряжения. Никто не появлялся и ничего не происходило, кроме того, что три флайера снова просвистели над их головами. Прислушиваясь и вглядываясь вдаль, Хэммонд чувствовал, как усиливается тревога, не покидавшая его с того момента, как он услышал горькие слова Тайан. Он подошел к Уилсону, стоявшему немного впереди всех лицом к возвышенности.

– Мне это не нравится, – обратился к нему Хэммонд. – Пока мы ждем вот так, они могут окружать нас.

– Схватки не будет. В этом нет необходимости, – упрямо сказал Уилсон.

Вождь хумэнов сделал несколько шагов вперед и закричал. Его голос покатился в призрачную ночь, мимо темных мхов, уходящих в светящееся небо.

– Мы друзья!

Несколько секунд никто не отвечал. Не было слышно ни одного звука, кроме свиста флайеров, кружащих где-то вверху. Затем, из-за низкой возвышенности, холодный, сильный голос с восходящей интонацией повторил последнее слово.

– Друзья?

– Мы хумэны, не врамэны, – громко произнес Уилсон. – Мы не знаем, кто вы, но нам кажется, что вы тоже не врамэны.

На этот раз ответ прозвучал быстрее на том же универсальном галактическом языке, и Хэммонду показалось, что на этот раз в холодном, чистом голосе была ирония.

– Нет, мы не врамэны, – произнес он. – О, нет! Врамэны нам не друзья.

– Нам тоже, – поспешил уверить его Уилсон. – Они охотились за нами, они пытались помешать нам попасть на эту планету, они уничтожили наш корабль. Мы взяли одного из врамэнов в плен.

– Пленный врамэн? – вопрос прозвучал со скоростью захлопывающегося волчьего капкана.

– Да. Так что если вы враги врамэнов, вы не можете быть нашими врагами.

Последовала пауза, и в этот напряженный момент Хэммонду показалось, что он слышит тихое перешептывание за невысокой возвышенностью. Затем снова раздался холодный чистый голос.

– Я – Мар Канн, Третий Человек. И я выхожу к вам без оружия. Нет причин мешающих нам быть друзьями.

Хэммонд, вместе с другими всматривавшийся вдаль, увидел, как из-за низкой возвышенности вышел человек. Его темная фигура застыла на фоне светящегося неба, огромная, но совершенно человеческая по форме. Он направился к ним, и только теперь они поняли, что этот человек имел полных семь футов роста, и был великолепно сложен. Он был одет в облегающую темную тунику, руки и ноги его были обнажены. На голове тоже ничего не было, и его совершенно лишенный волос череп блестел при мягком свете. Он шел к хумэнам большими твердыми шагами. Теперь они видели его очень четко.

Какая-то женщина в толпе хумэнов издала нервный звук, что-то между смешком и стоном. Рэб Квобба сделал долгий громкий выдох. Ива подошла к Хэммонду, и ее маленькие пальцы неожиданно впились в его руку.

Хэммонд тоже был в шоке. Первый же взгляд на фигуру подходящего отмел прочь все его смутные раздумья о чужеродных негуманоидных существах, которые могли собраться возле этой звезды жизни. Он почувствовал облегчение, но тут увидел лицо человека. Это было лицо, лишенное каких бы то ни было волос. На нем не было ни бровей, ни ресниц. Черты были правильными и красивыми, но глаза были полностью лишены теплоты сострадания. Это было холодное, похожее на маску лицо безразличного бога.

Человек остановился в нескольких ярдах от них, и устремил пристальный взгляд в их сторону. Но он впился глазами не в хумэнов, а в сваленные в кучу запасы и машины, стоящие за ними. Долгое время он стоял не двигаясь, обводя всех взглядом. Хэммонд

ощутил этот взгляд как физическое прикосновение.

– Дайте мне посмотреть на пленного врамэна, – произнес холодный голос.

Уилсон повернулся и кивнул в сторону Тайан Марден, стоящей немного позади него. Глаза Мара Канна остановились на ней. Мгновение спустя он сказал:

– Я не знаю ее. Я надеялся, что она может быть кем-то очень дорогим для меня.

– Меня обошел этот позор, – произнесла Тайан, и хотя Хэммонд не мог понять смысла ее слов, ненависть и отвращение, прозвучавшие в них, были очевидны.

– Будьте свидетелями несправедливости врамэнов, – проговорил Мар Канн шутливым тоном. – Все эти века они ненавидели нас, тех, кого должны были бы любить больше всего на свете.

Джон Уилсон не понял иронии, но одна фраза привлекла его внимание и на его суровом лице, когда он повторил ее, появилось жадное выражение.

– Все эти века? Значит вы тоже... вы, те кого называют Третьими Людьми обладаете нескончаемой жизнью?

– Ну конечно, – ответил Мар Канн. – Врамэны очень огорчены этим, но все живущие под лучами нашего солнца, живут очень долго.

– В том числе и любимые дети Третьих Людей, – сказала Тайан.

Упоминание о детях было непонятно Хэммонду, но он увидел, что Мар Канн понял его, потому что иронично веселое выражение сошло с нечеловечески красивого лица и его глаза бросили на Тайан взгляд, полный яростной ненависти. Но Уилсон снова вернулся к своей теме о вечной жизни, не обращая внимания ни на что другое.

– Значит, лучи этой звезды могут дать и хумэнам нескончаемую жизнь?

Он с напряжением ожидал ответа, и Хэммонд увидел, что все остальные тоже слушают затаив дыхание. Мгновенная вспышка гнева прошла, и Мар Канн обвел хумэнов пристальным взглядом.

– Так вот почему вы прилетели на Альтар, – пробормотал он. – О, да. Ну, вы прибыли сюда не напрасно. Пробыв несколько недель под лучами нашего солнца, каждая клеточка вашего тела изменится и болезни и старение будут изгнаны навсегда.

Его голос зазвучал громче. Он обращался ко всем хумэнам.

– Вы можете помочь нам, а мы можем помочь вам. Отправляйтесь с нами в Вонн, наш главный город, и там поговорим обо всем этом.

Прежде чем кто-либо успел открыть рот, Тайан быстро проговорила:

– Не доверяйте Третьим Людям. На самом деле они хотят...

– Замолчи, женщина, – сказал Мар Канн ледяным тоном и сделал шаг к ней.

Хэммонд увидел, как Тайан взглянула на Мара Канна, и как напряглось и изменилось ее лицо. Ее голос затих, а в глазах появилось безразличие. Казалось, ее стройное тело обмякло, и она стояла как марионетка, не имея воли ни двигаться, ни говорить.

– Что ты с ней сделал? – бросился вперед Хэммонд.

Мар Канн повернулся к нему, и Хэммонд почувствовал прикосновение его лишенных ресниц глаз.

– Я не причинил ей никакого вреда. Я просто заставил ее замолчать, отдав мысленный приказ.

– Никакой гипноз не подействовал бы так быстро, – сердито сказал Хэммонд. – Ты использовал какое-то оружие.

На лице Третьего Человека появилось презрение.

– Врамэнами легко управлять мысленно. Посмотри на нее. И все же эти люди держат Третьих Людей пленниками на этой планете.

– Пленниками? – повторил Джон Уилсон изумленно. – Я не понимаю...

– Вам все объяснят в Вонне, – мягко ответил Мар Канн. – Я уверен, мы можем быть союзниками. Нам не нужны ваши люди, но нам нужны некоторые из инструментов и машин, которые у вас есть. Они сделаны из элементов, которые очень редки на этой планете.

Уилсон посмотрел на него, затем резко развернулся и обратился ко всем наблюдавшим

за происходящим хумэнам.

– Мы отправимся в Вонн! Если эти люди – враги врамэнов, то этого достаточно.

– Ты сделал мудрый выбор, – кивнул Мар Канн. – Нам потребуется большее число флайеров, чтобы перевести вас и все эти ценные вещи. Подождите, я сообщу, чтобы из Вонна прислали необходимое количество этих машин.

Он повернулся и пошагал назад к возвышенности, его силуэт снова затемнел на фоне светящегося неба, и исчез. Все кроме Хэммонда проводили его взглядом.

Хэммонд подошел к Тайан. Он взял ее за руку, заговорил с ней. Она не ответила, ее глаза смотрели на него невидящим безразличным взглядом. Тол Ор тоже подошел к девушке и внимательно посмотрел на нее.

– Думаю, с ней все в порядке, – сказал он. – Но что это за люди. Люди которые имеют такую мысленную власть даже над врамэнами?

– Ты мог испортить все и лишить нас возможности стать союзниками Третьих Людей, заступаясь за эту проклятую женщину, – сердито набросился на Хэммонда Лунд.

– Интересно, – насколько равноправным будет наш союз с людьми, которые превосходят даже врамэнов.

– Я думал об этом, – нервно кивнул Джон Уилсон. – И все же в чем-то врамэны должны их превосходить, вы слышали, как он сказал, что они держат их пленниками этой планеты. Ну, без корабля, мы тоже пленники, а мы хотим со временем вернуться назад и раскрыть секрет этой звезды всей Галактике. Поэтому лучше всего нам работать вместе с этими Третьими Людьми.

Послышался общий шум одобрения, но в нем не было особого энтузиазма и радости. Когда Хэммонд отступил назад, к нему подошел Квобба и спросил:

– Кто такие, черт возьми, эти Третьи Люди?

Хэммонд покачал головой.

– Хотелось бы мне знать, – сказал он. – А еще мне хотелось бы знать, что собиралась сказать нам Тайан, хотя это могло быть всего-навсего ложью.

Они добрались до охраняемой планеты, которую на протяжении многих веков мечтали отыскать хумэны, и все же Хэммонду казалось, что они запутались в каких-то темных тайнах, лишивших их триумф радости. И хотя Альтар был планетой жизни, к которой стремились все люди, он казался мрачным, угрюмым, безрадостным миром.

– Ты видел его руки? – спросил Квобба.

– Его руки? Нет, а что? – сказал Хэммонд. – Он все время держал их внизу, прижатыми к бокам.

– Я знаю, – кивнул Квобба. – Но я был близко, когда он поворачивался, и я видел их. Они шестипалые. Этот Третий человек, возможно, похож на людей, но он вовсе не принадлежит к нашему виду.

16

Хэммонд стоял у окна, через которое ему на лицо падали горячие лучи переливающегося солнца.

«Что это значит „жить неопределенно долго“? Как я буду чувствовать себя через сто лет? Через тысячу?» – подумал он.

Пусть эта мысль овладеет твоим мозгом. Покрути ее туда-сюда, посмотри на ее форму со всех сторон. Невозможно, чтобы Кирк Хэммонд, уроженец Земли, волею случая, обрел практически вечную жизнь. Солнечный свет, падающий на тебя – не просто солнечный свет. Это излучение звезды, уникальной во всей Галактике, возможно, во всем космосе, звезды, которая является гигантским генератором электромагнитных сил, неизвестных в других местах. Ее невидимые лучи самой высокой частоты в этот момент отыскивают каждую клеточку твоего тела, их поляризующий эффект со временем полностью перестроит цитологическую структуру. Каждая клетка приобретет регенеративную способность до сих

пор неизвестную в высших животных, сможет противостоять разрушительному действию возраста или болезни. Через несколько недель благодаря кумулятивному эффекту этой радиации ты изменишься. Ты станешь практически бессмертным.

Хэммонд, пытаясь сбросить с себя тяжесть этой мысли, слышал голоса сидящих в комнате как сквозь сон. Они все еще разговаривали, собравшись за длинным, стоящим посреди комнаты, столом. Они разговаривали с тех пор, как хумэны прибыли в город, Уилсон и десяток хумэнов с четырьмя своими новыми друзьями. Они говорили о непонятных вещах, но именно уверение в том, что все хумэны обретут бесконечную жизнь, заставило Хэммонда встать из-за стола и подойти к этому открытому окну. Ему было необходимо время, чтобы осознать это.

Почти невидящими глазами он посмотрел на Вонн. Это был черный бетонный город, расположенный на открытой желтой равнине, его эбеновый цвет не стал светлее от сияющего потока света, изливающегося из играющего цветами солнца. Город был небольшим, но выглядел солидным и массивным. Почти все здания в нем имели в сечении квадрат и были расположены вокруг мощного центрального строения из окна которого выглядывал Хэммонд, согласно какому-то строгому геометрическому рисунку. В этом городе были улицы и здания, похожие на лаборатории и фабрики, остальные же явно были жилыми домами. Внизу находилась мощенная площадка, на которой стояли штук двадцать флайеров. Здесь они совершили посадку, когда прилетели в город.

Хэммонд подумал об этих флайерах. Они были для него неожиданностью. Они были сделаны не из металла, а из пластика и использовали энергию не атомных генераторов, как почти все те машины, которые он видел во внешнем космосе, а приводились в движение обыкновенным, использующим химический источник энергии, двигателем, который был не металлическим, а керамическим. Глядя на них, Хэммонд увидел внизу нескольких мужчин и женщин, и квадратные блестящие фигуры мехов. Он уже столкнулся с мехами, когда прилетели в Вонн, и они ему не понравились.

На его глазах два флайера с жужжаньем поднялись вверх и скользнули в сторону. Хэммонд проследил за ними, но они быстро скрылись из виду, исчезнув в сиянии солнца, направляясь к огромному лесу, окружавшему равнину, на которой был расположен город. Интересно, куда они летят, подумал Хэммонд? Интересно, куда в конце концов прилетел я?

– Хэммонд, – говорил Джон Уилсон, его голос звучал нетерпеливо, почти раздраженно. – Ты не вернешься к нам?

Хэммонд повернулся и подошел к столу. Он был сделан из черного пластика, стулья тоже, стены и потолок были приятного серого цвета. Хэммонду пришло в голову, что эти люди не любят цвета, ни в тканях, ни в мебели, ни в чем.

Он сел назад на свой стул. С ненавистью думал он о том, что снова придется встретиться с холодным изучающим взглядом четырех людей, сидевших в конце стола. Ну их к черту, подумал он. Смотри им прямо в глаза. Он так и сделал.

– К этой мысли тяжело привыкнуть, – сказал ему Холл Гормон приятным голосом. – Но ваше прибытие на Альтар ускорило развитие событий, которые давно назревали, поэтому мы не хотим откладывать наш разговор. Мы хотим, чтобы вы все поняли.

Холл Гормон был одним из директоров. Хэммонд не имел ни малейшего представления, что означал этот титул, но предположил, что Гормон занимает высокое положение в правительстве, каким бы оно не были у Третьих Людей, и что то же самое можно сказать о Маре Канне и о двух других гигантах, сидящих на конце стола. Хэммонду было не по себе от того, что все четверо были очень похожи. На этой планете не было возрастных признаков, которые помогли бы отличить одного от другого. Казалось, они все стоят на пороге зрелого возраста, все одинаково крупные и сильные, и у всех одинаково мрачные холодные лица. Сидевшие вдоль стола хумэны, разные по возрасту, размерам и даже цвету казались рядом с ними пестрой толпой.

– Вы говорили, – произнес Джон Уилсон, бросив раздраженный взгляд на Хэммонда, что хотите поделиться секретом жизни со всеми хумэнами Галактики.

– Да, – ответил Холл Гормон. – У нас нет ни малейшего желания быть монопольными обладателями бесконечной жизни. Это дело рук врамэнов. Конечно, было бы невозможно доставить сюда на Альтар все неисчисляемые триллионы людей. Но мы уверены, что уникальное излучение нашего солнца со временем может быть повторено искусственно, и таким образом станет доступным всем вашим народам.

– Я забочусь не о себе, – восторженно произнес Уилсон. – Но если я смогу увидеть, что это произойдет, увидеть, как жизнь всех хумэнов станет бесконечной...

– Это вполне возможно, – сказал Гормон. – И так будет. Долго и ревниво охраняемая тайна врамэнов теперь, наверняка, будет открыта всем. Потому что ваше прибытие явилось ключом.

Он посмотрел на сидевших за столом, и Хэммонд снова вздрогнул от прикосновения этого ледяного взгляда. Не очень-то ловко себя чувствуешь, когда знаешь наверняка, что говорящий с тобой человек может, если захочет, действовать на тебя гипнотически, как Мар Канн подействовал на Тайан Марден. Интересно, она все так же находится под действием гипноза, подумал Хэммонд. Ее оставили под присмотром кого-то из хумэнов в одной из комнат, отведенных им в этом здании, и у Хэммонда не было возможности повидаться с ней.

– ...и для Третьего Человека Альтар – родная планета, мы родились на ней, и всегда были бессмертными, с самого начала, – продолжал Гормон. – Но мы никогда не имели возможности покинуть этот мир, несмотря на то, что в научном отношении ушли далеко вперед... Потому что в этом мире нет металла.

И неожиданно Хэммонд понял, что он действительно не видел ни кусочка металла, ни во флайерах, ни где бы то ни было в этом здании.

– Вы хотите сказать, что построили всю вашу цивилизацию на неметаллической основе? – с изумлением спросил Тол Ор.

Гормон кивнул.

– Нам ничего другого не оставалось. Особой неметаллический состав нашего солнца, которому оно обязано своим уникальным излучением, повторился в Альтаре, его планете. Нам пришлось научиться использовать пластмассы, керамику, бетон, вместо металла. Но существует одна вещь, которую нельзя построить без металла. Это межзвездный корабль. Необходим металл для его каркаса, для атомных генераторов и их топлива, для магнитных ограждений, необходимых в атомных реакторах. Поэтому у нас нет межзвездных кораблей. Единственные такие корабли на этой планете, это те, на которых прилетают врамэны, но они совершают посадку только в одном месте, на своей охраняемой базе в Шаранне, в северных горах. И они никогда не подпустят нас к этому месту, потому что не имеют желания выпустить нас в Галактику, чтобы мы рассказали людям о секрете вечной жизни.

Он замолчал и с искренним сожалением развел руками.

– Вы видите, что я предельно честен с вами. Металлические инструменты и атомные генераторы, которые вы сняли с корабля, прежде чем его взорвали, здесь имеют огромное значение. Использовав их, мы сможем начать процесс построения элементов в результате которого мы получим все недостающие материалы. А имея их, мы очень быстро сможем создать оружие, более мощное, чем то при помощи которого Шаранна правит Альтаром.

Уилсон подался вперед.

– Давайте говорить начистоту. За наше оборудование и нашу помощь, что вы предлагаете?

– Секрет звезды жизни будет разнесен по всей Галактике кораблями; которые мы сможем в таком случае построить, – поспешно ответил Гормон. А еще мы предлагаем вам защиту от врамэнов, при помощи оружия, которое мы сможем создать. Потому что когда они узнают, что мы планируем, вам понадобится такая защита!

Он встал.

– Подумайте об этом и обсудите между собой. Каким бы ни было ваше решение, вы наши гости. Мы надеемся, что вы также станете нашими союзниками.

– Думаю, вы можете считать нас союзниками уже сейчас, – сказал Уилсон мягко.

– Приятно это слышать, – угрюмо ответил Гормон. – Но все равно вам надо отдохнуть и обсудить все это.

Фактически он их прогонял, хотя сделал это вежливо, проводив до двери. На прощанье он сказал:

– Мы еще многое должны вам рассказать, но это может подождать. Вы первые, кто когда-либо прилетал к нам, и все мужчины и женщины приветствуют вас.

Эти слова напомнили Хэммонду о непонятной колкости, которой Тайан Марден вывела из себя Мара Канна, и он спросил:

– Мужчины и женщины. Мы видели только их. Разве у вас нет детей?

Гормон ответил:

– Наши дети живут не здесь, а отдельно от нас, по причинам безопасности, которые станут вам ясны позже.

Он прикоснулся к пластинке и дверь скользнула в сторону. За нею стоял один из мехов. Хумэны уже узнали, что эти штуковины просто отлично разработанные, неметаллические роботы, питаемые химической энергией. Внешне они совсем не были похожи на человека. Стоящий за дверью был подобен остальным, которых видел Хэммонд: тяжелый черный пластмассовый куб с ребром в четыре фута, с сочлененными пластмассовыми руками, заканчивавшимися щипцами для простых манипуляций. Куб передвигался а маленьких колесах. Фотоэлектрические линзы, которых было две и которые располагались в нескольких дюймах друг от друга, обеспечивая восприятие глубины, наделяли робота элементарным зрением. Благодаря им, казалось, что у этого существа вытаращенные стеклянные уставившиеся на тебя глаза, что очень не понравилось Хэммонду.

– Проведи этих людей в коридор четыреста двадцать девять, – приказал Гормон.

– Пожалуйста, следуйте за мной, – проговорил металлический голос из решетки на боку.

Мех повернулся и плавно покатился по коридору.

– Он отведет вас в ваши апартаменты, – сказал Гормон. – Мы соберемся снова после того, как вы отдохнете.

Мех докатился до конца широкого коридора, повернул в другой поуже, затем снова повернул и оказался на движущейся поднимающейся лестнице. Каждый раз, меняя направление, он повторял: «Пожалуйста, следуйте за мной».

Они пришли в коридор, вдоль которого были открыты двери. Мех остановился и снова заговорил:

– Ваши апартаменты. Кнопка подачи пищи и сброса отходов рядом с дверью. Красная кнопка возле нее служит для вызова одного из нас.

Существо покатилось назад по коридору. Хэммонд последовал за Уилсоном и остальными через холл в самую большую комнату. Стоящий у закрытой двери Таммас, приветствовал их.

– Какие-нибудь проблемы? – спросил Уилсон.

Маленький мизарианин покачал головой.

– Ни малейших. Она не произнесла ни слова.

Хэммонд задумался. Находилась ли Тайан под воздействием гипнотического приказа? Он не видел ее после прибытия в Вонн, Уилсон позаботился о том, чтобы они совершили перелет в разных флайерах. Хэммонда угнетала мысль о том, что она все так же бессмысленно смотрит вперед, как в тот момент, когда он видел ее в последний раз.

Они прошли в большую общую комнату, где их ждали другие мужчины и женщины. Ива нетерпеливо подбежала к отцу.

– Ну? – спросила она.

Джон Уилсон обвел взглядом устремленные к нему лица.

– Все прекрасно. – Эти люди хотят быть нашими друзьями. Они так же, как и мы, жаждут покинуть этот мир и открыть секрет жизни всей Галактике. Врамэны попытаются помешать этому, но мы будем союзниками в борьбе с врамэнами, – он замолчал и после

короткой паузы добавил. – Они намного превосходят нас в научном отношении, и мы вовсе были ли бы им не нужны, если бы не две вещи: им крайне необходимы атомные генераторы и металлические предметы, которые мы спасли, и они хотят узнать от нас как можно больше о галактике. Думаю, нам повезло.

– Интересно, – произнес Хэммонд, – насколько нам повезло. Эти Третьи Люди с презрением говорят о врамэнах. Интересно, что они на самом деле чувствуют по отношению к нам?

Рэб Квобба с тревогой добавил:

– Они смотрят на нас так, что у меня мурашки идут по коже.

– Нам повезло и мы нашли сильных союзников, – сердито сказал Джон Уилсон, – а вы начинаете к ним придираться. Может, они о нас, хумэнах, и не очень высокого мнения. Ну и что из этого? С их помощью мы сможем дать бесконечную жизнь всем хумэнам. Вот что имеет значение!

Тол Ор, до этого молча слушавший, заговорил:

– Будет нелегко воспроизвести лучи этой звезды искусственно, чтобы использовать это излучение по всей Галактике, но я верю, что со временем это станет возможным.

– И длинная-предлинная жизнь, которой врамэны всегда хотели монопольно обладать, будет принадлежать всем, – с энтузиазмом воскликнул Уилсон.

– Я думаю, – медленно продолжал Тол Ор, – что было бы разумно, тщательно изучить действие этой радиации, прежде чем использовать ее в широком масштабе, фактически еще до того, как мы сами получим решающее количество.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Уилсон. – Ты что сомневаешься, что излучение оказывает тот эффект, о котором они говорили?

– Я верю в то, что оно даст нам бесконечно долгую жизнь, как они и говорили, – ответил Тол Ор. – Но излучение может обладать и другими эффектами. Меня поразили слова Хэммонда о том, что здесь нет детей.

Намек не сразу дошел до слушавших. Но через некоторое время одна из женщин вскрикнула от ужаса.

– Ты хочешь сказать, что излучение может сделать нас стерильными? – воскликнул Лунд.

– Может, – произнес Тол Ор. – Излучение такой частоты может оказать самое сильное воздействие на гены.

– Чепуха, – сердито сказал Уилсон.

– Интересно, – пробормотал Квобба. – Никто никогда не слышал о том, чтобы у врамэнов были дети.

На мгновение Хэммонд вспомнил о Древе Жизни, и о том, почему человеку было запрещено пробовать его плоды. Но он тут же подумал о другом.

– Нет, – сказал он Толу Ору. – Я не верю в то, что это так. Тайан говорила с Маром Канном о детях Третьих Людей так, как будто они существуют в действительности.

– Более того, – подхватил Уилсон, – если бы секрету вечной жизни сопутствовала стерильность, врамэны несомненно рассказали бы об этом всей галактике. Это охладило бы пыл хумэнов, стремящихся обрести нескончаемую жизнь.

Алголийский ученый задумчиво кивнул.

– Я об этом не подумал, похоже, что дело не в стерильности, хотя я уверен, что такая радиация должна давать сильнейший генетический эффект.

Разговор продолжался и продолжался, он двигался по бесконечному кругу надежды, страха и тревоги, пока голова Хэммонда не стала кружиться вместе с ним. Он устал от этого мрачного мира, ради достижения которого они стольким рисковали. Он устал от бесконечных размышлений о том, что сделают врамэны и чего хотят Третьи Люди. Он устал и все.

Он прошел вдоль коридора к одной из строгих маленьких спальных комнат. Еще много часов будет довольно светло, но ему было необходимо поспать. Он растянулся на

пластиковой койке и забылся в тяжелом сне. Ему снилось, что огромные шестипалые руки тянутся к нему, хватают его. Он проснулся, хрипя от отвращения и понял, что наступила ночь, что в комнате темно и что Ива Уилсон трясет его за плечо.

– Какого черта... – начал было он, но увидел, ее бледное напряженное лицо. Он вскочил на ноги. – Что случилось, Ива?

– Я хотела поговорить с тобой, – ответила она. – Я беспокоюсь, боюсь, и больше не могу разговаривать с отцом. Он столько лет был одержим этим секретом вечной жизни, что теперь и слушать меня не хочет.

Хэммонд подвел ее к открытому окну. За окном под ними раскинулся ночной город Третьих Людей. Голубоватый, непонятно откуда льющийся свет придавал зловещую завершенность угрюмым черным массивным зданиям. В одном из них, расположенном в противоположной части города вспыхнуло ослепительно белое сияние, вспыхнуло и погасло, а мгновение спустя до них долетел раскатывающийся лязг. Хэммонд никогда раньше не слышал подобного звука, он покатился, отдаваясь эхом над темным городом и затих под небом туманности.

Ива содрогнулась.

– Зачем мы вообще сюда прилетели? Мне страшно не нравится это место, а глаза этих людей, их глаза приводят меня в ужас.

– Я согласен, – сказал Хэммонд. – Может, они и выглядят как люди, но таковыми не являются.

Ива повернулась к нему, при этом призрачном свете ее милое лицо было бледным и искренним.

– Ты скажешь мне правду об одной вещи, Кирк?

– Конечно, о чем?

– Ты любишь Тайан Марден?

Хэммонд почувствовал раздражение.

– Ради всего святого, Ива, ты что собираешься начать все с начала, – спросил он зло. – Я уже не один раз объяснял, что эта сделанная зондом запись чудовищно далека от правды...

– Да-да, – кивнула Ива. – Но ты не убедил меня, не более, чем сама Тайан Марден может скрыть от меня, что она любит тебя.

– Тайан влюблена в меня? – воскликнул он. – Но, Ива, это безумие. Она ненавидит меня, презирает меня...

– Она тебя любит, я в этом уверена, – сказала Ива. – Я видела, как она смотрела на тебя, на корабле. И ее любовь должна быть очень сильной, чтобы заставить ее забыть, что она врамэн, а ты хумэн.

Хэммонд был ошеломлен, потрясен. Но в хаосе, царившем в его голове родилось убеждение, уверенность. Он все это время боролся с ней. Он заталкивал ее в подсознание, где ее смогли рассмотреть только энцефалозонд и зоркие глаза Ивы. Он обманывал даже себя. Но это была правда. Он любил Тайан со дня их первой встречи. Теперь он это знал, и это знание останется с ним на протяжении всей его жизни.

Казалось, Ива прочитала это саморазоблачение на его лице.

– Я была уверена, что это так, – проговорила она. – А раз это так, то я должна тебе кое-что сказать.

– Что?

– Кирк, пока ты спал, мой отец заключил окончательный официальный союз с Третьими Людьми. Он отдал им все машины и металлические предметы, которые мы спасли, и их отвезли в то здание – она кивнула своей темной головкой в сторону строения, в котором то и дело вспыхивало сияние, и из которого доносилось громоподобное лязганье.

Хэммонд вздрогнул, потом разозлился. Но прежде, чем он успел что-либо сказать, Ива добавила:

– Третьим Людям также нужна была Тайан. Они сказали, что им жизненно необходимо допросить ее. Мой отец отдал ее им несколько часов назад.

17

На мгновение Хэммонду показалась, что он не может дышать, что только что произнесенные слова завязали все его нервы в тугой узел. Весь его ужас и неприязнь к нечеловеческим Третьим Людям сжались в полный агонии страх за Тайан. Затем ярость отступила и он протянул руки и грубо схватил Иву за плечи.

– Уилсон не имел права это делать! – прокричал он. – Я несу ответственность за захват корабля и Тайан, и все же не сказав мне ни слова, он позволяет им забрать ее.

Ива опустила голову.

– Он знал, что ты будешь возражать, поэтому и не позволил тебя будить, защищая его она добавила, – но хотя он и одержим секретом вечной жизни, он не жестокий человек. Он заставил их пообещать, что они не причинят ей вреда, ни физически, ни умственно.

– Много же значит обещание этих негодяев, – сказал Хэммонд мрачно. Он никогда раньше не испытывал такой ненависти и гнева за потрясение его осознанием того, как он в действительности относится к Тайан, так быстро последовало сообщение о том, что она в опасности, что он был в шоке.

– Пожалуйста, Кирк, – прошептала Ива. В ее глазах стояли слезы, и он понял, с какой неистовой силой сжимает ее плечи.

– Извини, Ива, – пробормотал он, отпуская ее. – Ты не виновата. Ты ведь пришла сюда и сказала мне об этом.

– Мой отец и Гурт считали бы меня предательницей, – сказала она. – Я не люблю врамэнов. Но еще больше я боюсь этих странных Третьих Людей. Я не могу не думать о том, что возможно, Тайан сказала правду, когда предупреждала об ужасной опасности, которую представляют эти люди.

Хэммонд попытался размышлять. Он никогда еще не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным, и все же он был решительно настроен отправиться к Тайан, независимо от того, кто стоит на его пути.

– Ты знаешь, где она? – спросил он.

– Отец сказал, что они передали ее в той же комнате, в которой вы разговаривали этим утром, – ответила Ива. – Я не знаю, где это было.

– Я знаю, – сказал Хэммонд. Он быстро принял решение. Сначала убедился, что шокер по-прежнему, у него в кармане, затем спросил:

– Остальные спят?

Ива кивнула.

– Я ждала пока они заснут, чтобы пойти и рассказать тебе.

– Тогда подожди здесь, я посмотрю, могу ли я пробраться в ту комнату, – сказал он. – Если кто-нибудь проснется, не говори им что я ушел.

Он вышел в коридор и прошел мимо тихих комнат, в которых спали Хумэны. Он повернул за угол в следующий коридор, по которому они шли.

Посреди пути дорогу ему преградил мех. Квадратная машина вытаращилась на него своими выпученными линзами и заговорила бесцветным металлическим голосом.

– Каковы ваши пожелания? Если вы хотите куда-либо пойти, то согласно программе, я должен вызвать хозяев.

Хэммонд стоял на месте, а робот повторил те же слова. Когда он начал произносить их в третий раз, Хэммонд повернулся и пошел назад в комнату, в которой оставил Иву.

– Фактически, мы пленники, – сказал он ей. – Они оставили мехов, чтобы те нас охраняли.

На ее бледном лице появилось тревожное выражение.

– Значит, Третьи Люди нам не доверяют? Мне это не нравится.

– Зачем, о Господи, мы вообще сюда прилетели, – прошептал он. – Но я должен как-то спуститься вниз.

Он направился к окну. Город Вонн спал, освещенный странным ровным сиянием. С улиц доносились лишь отдельные резкие звуки, и только издалека раздавались лязгающие удары. Над городом висело невероятно великолепное небо туманности, испускавшее мягкое сияние на эту планету, рожденную в самом сердце огромной области Трифид.

Громадное здание, в котором они находились, казалось спокойным. Хэммонд смог разглядеть одну или две темных фигуры, двигавшихся по мощенному двору, где стояли пластиковые флайеры, но больше никого видно не было. Он повернулся к Иве и быстро сказал:

– Я спущусь по стене. Помоги мне сделать веревку.

Они разорвали на полосы покрывало с койки, и вскоре сплели из них грубую, но вполне пригодную для задуманной цели, веревку. Хэммонд привязал ее к раме койки, проверил на прочность, затем выбросил в окно и перелез через подоконник. Ива выглянула из окна и посмотрела вниз на него. Ее бледное лицо казалось совсем белым в сиянии туманности. Он бросил на нее последний взгляд и скользнул вниз по гладкой черной бетонной стене. Коснувшись ногами камня, он быстро присел, прижавшись к стене и держа шокер наготове, вглядываясь и прислушиваясь. Внизу никого не было, и через мгновение он уже крался вдоль стены, пока не наткнулся на дверь.

Он открыл ее, заглянул внутрь, затем быстро нырнул в здание. Он находился в мягко освещенном проходе, где-то в задней части дома. Он попытался сориентироваться. Если его несколько смутные воспоминания были верными, то комната, в которой они проводили совет, должны находиться где-то справа, в той части здания, которая расположена рядом с площадкой для флайеров.

Хэммонд двинулся вдоль коридора в этом направлении. Немного впереди находился другой коридор, пересекавший первый. Хэммонд осторожно осмотрел его, прежде чем пересечь. Когда он снова двинулся вперед, то услышал голоса, которые приближались к нему.

Хэммонд замер в нерешительности, не зная двигаться ли ему смело вперед и воспользоваться шокером или попытаться спрятаться. Один крик может стать роковым и он выбрал последнее. Бесшумно добежав до пересеченного раньше коридора, он повернул в него и помчался вдоль стены, пока не нашел открытую дверь. Он влетел в темный, тихий кабинет. Согнувшись, возле двери, он услышал, как звук голосов стал громче и выглянув увидел на месте пересечения коридоров двух высоких Третьих Людей. На мгновение их голоса стали очень четкими.

– Это плохая ночь для врамэнов, – сказал один весело.

– И для Четвертых Людей, – добавил второй мрачно.

Они пошли дальше и их голоса стихли, но Хэммонд не сразу выбрался из своего убежища, пораженный услышанным. Кто такие Четвертые Люди? Неужели на Альтаре есть еще одна раса, о которой он не слышал?

Времени на размышления не было. Он побежал к пересечению и снова вернулся на путь, по которому следовал до этого.

– Только бы не встретить мехов, – подумал он, вытирая пот со лба.

Он ужасно опасался передвигавшихся на колесах роботов, которые катились так бесшумно.

Хэммонд шел по коридорам спящего здания, и им стало овладевать отчаянье. Он не привык к такого рода делам, никогда в жизни он не пытался вот так крадучись пробираться по логову врага. Почему только он не запомнил дорогу получше!

Двигаясь вперед, он услышал низкий, равномерный звук. Он пошел медленнее, напрягшись и ожидая чего угодно. В конце коридора, по которому он шел, что-то двигалось. Мгновение спустя он устыдился своей собственной пугливости. Это двигалась лестница и равномерный жужжащий звук шел от нее. С неожиданной надеждой Хэммонд узнал в ней ту лестницу, которая днем доставила их наверх. Если это было так, то теперь он знал дорогу.

Да. Это была именно та дорога. Через минуту он стоял напротив закрытой двери в

комнату, в которой днем проводили совет с Третьими Людьми. Прижав ухо к двери, Хэммонд прислушался.

Ничего.

Он прикоснулся к пластинке у двери, и она скользнула в сторону.

Он увидел стол и стулья, но теперь на них никто не сидел, только в конце стола сидела связанная Тайан. Она сидела лицом к нему, и ее лицо уже не было той бесстрастной, безразличной маской, а имело измученное, невероятно усталое выражение. Ее голубые глаза широко открылись, когда она увидела, что хэммонд подходит к ней.

– Сзади! – закричала она.

Он почувствовал движение воздуха за спиной и быстро повернулся. Из угла комнаты к нему катился один из мехов.

– Сюда нельзя входить, – произнес он ненавистным безликим голосом. – Моя программа предусматривает смертельные действия после этого предупреждения. Удалитесь.

Хэммонд навел шокер и сдвинул переключатель. Он тешил дикую надежду, что электрический заряд замкнет цепи робота.

Но этого не произошло. Не повторяя предупреждения, мех быстро покатился к нему, его похожие на клешни руки вытянулись вперед, пытаясь его схватить.

– Наверх, Кирк! Забирайся на его верх! – закричала Тайан.

Хэммонд отпрыгнул, избегая сильных рук робота, но мех повернулся быстрее его и снова покатился к нему.

В отчаяньи он скользнул в сторону и затем прыгнул на плоский квадратный верх существа. В то же мгновение, похожий на ящик робот начал кружить по комнате с невероятной скоростью, поворачивая то в одну, то в другую сторону так неожиданно, что Хэммонду пришлось вцепиться в него, чтобы не упасть. Сначала он подумал, что мех специально пытается сбросить его, но затем понял, что тот просто быстро обыскивает комнату, снова и снова. Он был всего лишь машиной, и когда Хэммонд взобрался на его верх, он не смог увидеть его. Быстрый ум Тайан определил уязвимость этого существа.

Согнувшийся на верхней грани робота Хэммонд, вытянул руку, сжимавшую шокер и изо всей силы ударил им по одной из линз. Линза треснула и задрожала. Это было ужасно: словно выдавливаешь глаз живому существу. Хэммонд сжал зубы и бил по другой линзе, пока она не раскололась. Сразу же, как он и надеялся, сработало реле самосохранения. Мех остановился и замер без движения.

Тяжело дыша, Хэммонд подошел к Тайан. Ее широко открытые голубые глаза не моргая смотрели на него, лицо было белым и имело странное выражение.

– Они причинили тебе боль? – спросил он.

– Нет, – покачала головой она. – Но я много часов находилась под гипнозом, пока они задавали мне вопросы.

Ее лицо исказила агония.

– Они никогда раньше не имели в руках пленного врамэна, и они много узнали от меня, слишком много!

Он наклонился и осмотрел путы, привязывавшие ее запястья к ручкам стула. На них не было замков и состояли они из спиральных полос очень тугого пластика, который обвивался вокруг рук и ручек стула. Хэммонд обнаружил, что раскрутить их труднее, чем толстую стальную пружину.

– Кирк, я должна сказать тебе это, – быстро проговорила Тайан. – Если ты освободишь меня, я должна попытаться добраться до моих людей в Шаранне и предупредить их о том, что планируют Третьи Люди.

Хэммонд снял одну пластмассовую спираль и принялся за другую. Не поднимая глаз, он спросил:

– Что они планируют?

– Нападение на Шаранну! Они неоднократно предпринимали подобные попытки и раньше, но теперь, имея оружие, которое они изготовят из материалов, которые дали им вы,

хумэны, они могут добиться успеха. Поверь мне, они только используют вас, они смотрят на вас как на животных.

– Я верю этому, – пробормотал он, борясь с пластиковой спиралью.

– Они не должны выйти в галактику, Кирк! Именно этого мы всегда боялись. А они это сделают, если уничтожат нас и...

Она замолчала, но он вспомнил слова, которые подслушал в коридоре и потянув изо всех сил за вторую пластмассовую спираль, спросил:

– Кто такие Четвертые Люди, Тайан?

Казалось, она вздрогнула при этом вопросе.

– Как ты смог... Это еще одна раса на Альтаре. Сейчас нет времени объяснять. Те, кто меня допрашивал только вышли, чтобы доложить, они вернутся!

Он снял вторую спираль. Но прежде, чем Тайан успела встать, он схватил ее запястья и посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты однажды меня провела, Тайан. Не хочешь ли ты снова сделать то же самое?

– Нет, – ответила она, не отрывая своих сверкающих глаз от его лица.

– Ты знаешь, почему я пришел за тобой, не так ли?

– Не говори об этом, – прошептала она.

– Почему? Я – дурак, дурак настолько, что хочу сказать: Я люблю тебя, Тайан, и надеюсь, что ты любишь меня.

Ее губы задрожали.

– Я люблю, но...

Он не ждал продолжения. Он поцеловал ее, и ее губы ответили ему почти с отчаянной страстью. Затем она отвела голову назад.

– Это безнадежно! Мы, врамэны, никого не можем любить. Я думала, что забыла о таких чувствах.

– Почему это безнадежно, Тайан? – спросил он страстно. – Что может помешать нам быть вместе?

– Пропасть, которая шире, чем космос и глубже, чем время, – ответила она, и на ее ресницах заблестели слезы. Она вырвалась из его объятий и встала на ноги.

В мозге Хэммонда бушевал вихрь эмоций. Он знал, какой крайней и ежесекундной опасности они подвергают себя, и в то же время каждое произнесенное Тайан слово укрепляло его уверенность в том, что в этом мире бесконечной жизни таится какая-то неизвестная ему угроза. И все равно, он мог думать только об одном, он любит женщину, которая не совсем такая как он, всем сердцем, и она отвечает на его любовь.

Настойчивый голос Тайан вывел его из задумчивости.

– У нас есть только одна возможность убежать – захватить флайер. Я умею ими управлять, в прошлом, мы не раз захватывали их.

Изо всех сил пытаясь вернуть своим мыслям ясность, Хэммонд отошел назад.

– Я не могу бросить своих друзей, Тайан.

– Разве ты сможешь помочь им, если останешься здесь и тебя убьют Третьи Люди? Ты можешь помочь им только в одном случае, если предупредишь врамэнов в Шаранне.

Он все еще стоял в нерешительности.

– Я уже однажды предал их ради тебя.

Она подошла и изучающе посмотрела ему в лицо.

– Ты думаешь, я лгу тебе сейчас?

Всего мгновение он смотрел на нее, но этого было достаточно. За это мгновение в его уме и сердце что-то произошло, спокойно и необратимо. Ничто в мире больше не будет иметь для него такого значения, как женщина стоящая перед ним.

– Нет. Я больше не сомневаюсь. Пошли, – ответил он.

Божественно красивое небо струило на них свой мягкий свет, когда они бесшумно выскользнули из огромного здания. В коротком коридоре, по которому им пришлось пробираться, они никого не встретили, но Хэммонд, подумал, что если те, кто допрашивал

Тайан должны скоро вернуться, то у них было мало времени. Они остановились, огляделись по сторонам, и затем побежали к широкой вымощенной площадке, на которой стояли блестящие пластиковые флайеры.

Возле машин никого не было. Хэммонд бросил быстрый взгляд в сторону массивного темного строения, закрывавшего часть сияющего неба, но никого не увидел. Они подбежали к ближайшему флайеру, и Тайан уже забиралась в кабину, когда за спиной Хэммонда раздался отрывистый знакомый металлический голос.

– Покажите разрешение, пожалуйста.

Хэммонд резко повернулся и оказался перед похожим на ящик мехом и его блестящими линзами. Робот снова заговорил.

– Пожалуйста, покажите разрешение. После этой просьбы я должен подать сигнал тревоги.

Из кабины флайера послышался голос Тайан:

– Стань подальше от крыла.

Хэммонд и мех находились прямо перед толстым, похожим на обрубок крылом флайера. Кирк подумал, что Тайан знает, что говорит и быстро отошел в сторону.

Мех двинулся за ним, но в то же мгновение из хвоста со свистом вылетел сноп огня и флайер резко дернулся вперед. Крыло задело меха и отбросило его в сторону. Он закрутился с дикой скоростью, потеряв контроль, налетел на другой флайер и упал на бок. Но он всего лишь получил повреждения, а не вышел из строя. С бездумной механической преданностью он подал резкий пронзительный сигнал тревоги.

После короткого прыжка вперед флайер остановился. Хэммонд взобрался в кабину.

– Держись, – прокричала Тайан из кресла пилота.

Вертикальные двигатели громко заревели под брюхом летательного аппарата, и он медленно стал подниматься в ночное небо. Пока Хэммонд неуверенно карабкался к креслу, расположенному рядом с креслом Тайан, девушка перевела флайер из вертикального в горизонтальный полет. Раскачиваясь, и то и дело ныряя носом, он на полной скорости помчался над черными крышами Вонна. Почти сразу же город кончился, и они полетели над равниной. Скоро перед ними показались бесконечная цепочка серебристых в сиянии ночного неба холмов, это начинался своеобразный лес Альтара.

– Они последуют за нами, – сказала Тайан. – Смотри назад.

Хэммонд так и делал и через некоторое время заметил горсть блестящих искорок далеко за ними. Они продолжали мчаться вперед. Их флайер летел с такой скоростью, что его пластиковые стены стали горячими от трения. Они пролетали над лесом мхов на такой небольшой высоте, что от скорости начинала кружиться голова. И все равно через некоторое время преследовавшие их флайеры приблизились к ним.

– Они умеют управлять этими штуковинами лучше, чем я, и должно быть, уже засекли нас радарами, – сказала Тайан.

Хэммонд посмотрел на нее. В ее четком профиле, освещенном призрачным светом приборной панели, чувствовалось напряжение, но не было признаков страха, ее маленькие руки быстро скользили по рычагам и клавишам. Чувство огромной гордости заставило его забыть об угрожавшей им опасности. Возможно, в этой женщине не все полностью человеческое, но для него она значила больше, чем любая обычная женщина, которую он когда-либо видел, и он завоевал ее любовь.

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Мы не успеем добраться до Шаранны, скоро мы попадем в радиус действия их оружия, и они используют его. У нас остался единственный выход.

Хэммонд не понял ее слов и сказал ей об этом.

Она внимательно вглядывалась вперед.

– Черное озеро должно быть совсем близко. Если нам удастся убедить их, что они уничтожили нас...

Освещенный мягким светом лес мхов продолжал разворачиваться под ними с

ужасающей скоростью, и тут немного впереди в этом фантастическом лесу сверкнула черная гладь воды.

– Вот оно! – сказала Тайан. – Открой дверь кабины и жди рядом с нею, пока я не включу автопилот.

Он сделал это, цепляясь за край открытой двери. Свистящий ветер бил ему в лицо, пытаясь сбросить вниз. Затем их скорость резко упала, флайер провалился вниз и оказался всего в нескольких ярдах над самыми высокими мхами.

– Возьми меня за руку и прыгай вместе со мной! – прокричала Тайан ему в ухо.

Хэммонду это казалось ужасно похожим на самоубийство, но его гордость и доверие, которое он испытывал к Тайан были так велики, что он не возражал. Он схватил ее маленькую руку.

– Сейчас! – воскликнула она и они выбросились из кабины.

18

Хэммонд ожидал сильного удара, когда они упадут на поверхность, но они не упали на нее. Они с Тайан провалились в большую мягкую, податливую массу, которая оказалась только в нескольких ярдах под ними. Это был один из огромных холмов-мхов. Тайан точно рассчитала правильный момент прыжка, чтобы попасть прямо на него.

Они покатились по мягкому мху, а пустой флайер полетел дальше над темными водами озера. Мгновение спустя преследовавшие их флайеры просвистели над их головами. Двигаясь с гораздо большей скоростью, они настигли брошенную машину над озером. Хэммонд не увидел и не услышал ничего, что говорило бы о применении оружия, но внезапно пустой флайер превратился в груду изломанного пластика. Он тяжело полетел вниз и со всплеском исчез в темной воде.

– Они подумают, что мы все еще в нем, – пробормотала Тайан, сжавшись в комок рядом с Хэммондом. – Если только они не заподозрили, что мы их провели.

Некоторое время флайеры кружили над местом, куда рухнули обломки. Затем, словно те, кто находился в них удовлетворились тем, что никто не спасся после катастрофы, флайеры повернули и со свистом промчались назад по направлению к Вонну.

– Мы убежали от них, – с облегчением произнесла Тайан. Затем при сиянии неба он увидел как выражение ее лица стало грустным. – Но нам еще надо пройти до Шаранны неблизкий путь пешком, у нас нет другого способа.

Он помог ей сползти с огромного мха вниз. Когда они коснулись твердой почвы, Тайан уверенно направилась вперед.

– Мы должны обойти озеро, а затем двинуться прямо на север к горам, – сказала она. – Шаранна находится высоко в горах.

Путешествие по ночному лесу Альтара было фантастическим. Ковер, раскинувшийся над ними, бросал почти не дававший теней свет на неподвижные торжественные мхи. Черное озеро шуршало и шелестело водой по берегу вдоль которого они шли, и только эти звуки нарушали тишину. Не было никаких признаков животных или птиц.

– У нас мало времени, а мы находимся во многих часах пути от Шаранны, – сказала Тайан, ускоряя шаг.

– Даже если Третьи Люди создают оружие из материалов, которые мы спасли, им на это понадобится некоторое время, – проговорил Хэммонд.

Она покачала головой.

– Ты не понимаешь, какой интеллектуальной и научной мощью они обладают. И в то время, как в Шаранне находится сравнительно мало врамэнов, которые охраняют нашу базу, Третьих Людей много. Они долго ждали, пока им предоставится возможность нанести удар по врамэнам, да и по своим собственным детям тоже.

Слова Тайан озадачили Хэммонда.

– Ты говоришь так, словно они враги своих собственных детей. Кстати, где эти дети?

Тайан взглянула на него. Лицо ее казалось мрачным при ночном свете.

– Ты спрашивал о Четвертых Людях. Я расскажу тебе, кто они. Они дети Третьих Людей.

Хэммонд остановился, шокированный услышанным.

– Но почему их так называют? И почему они... – он взял ее за руку и заглянул ей в глаза. – Я чувствую, что этот мир скрывает какую-то ужасную тайну. Что это за тайна, Тайан? Теперь, я имею право знать.

– Да, – ответила она. – Имеешь.

И все равно, казалось, что некоторое время на не могла заставить себя говорить. Наконец она сказала:

– Что Третьи Люди рассказали вам о своем происхождении?

– Немного, – пожал плечами он. – Они сказали, что родились на этой планете.

– Это действительно так, – проговорила она. – Здесь они и родились. Много веков назад. И их родителями были врамэны.

Чудовищность этого утверждения так поразила Хэммонда, что прошло время, прежде чем он снова обрел голос. Все это время Тайан смотрела на него, и на ее лице лежала тень старой трагедии.

– Эти непохожие на нас Третьи Люди – дети врамэнов?! – выговорил он наконец. – Тайан, но это невозможно!

– Хотелось бы мне, чтобы это было так, – печально сказала она. – Но это правда. Поэтому их так и называют. Хумэны – первые люди, первый человеческий вид. Мы, врамэны, вторые люди. Дети врамэнов – Третьи Люди. А их дети, в свою очередь генетически отличающиеся от них – Четвертые Люди.

Она взяла его за руку и потянула вперед.

– Мы не должны останавливаться, Кирк. Очень важно, чтобы мы добрались до Шаранны, как можно скорее.

Они шли вперед, а Тайан продолжала говорить. Ее слова складывались в голове Хэммонда в грандиозную и ужасную сагу.

– Это началось примерно две тысячи лет назад, когда какие-то ученые-хумэны, исследуя внутреннюю часть Трифид, впервые приблизились к этой звезде и этой планете. Они высадились здесь на Альтаре, чтобы изучать странное излучение этой звезды. Они провели недели под ее лучами, и уникальное излучение придало каждой клетке в их телах такую огромную силу биологической регенерации, что они перестали стареть, стали почти бессмертными. Они были первыми врамэнами.

– Джон Уилсон рассказывал мне что-то подобное еще в пещерах, – сказал Хэммонд. – А как они стали доставлять сюда других избранных хумэнов, чтобы они тоже стали врамэнами?

– Да, – кивнула Тайан. – Они мечтали со временем всех хумэнов превратить во врамэнов. Они доставляли людей сюда на Альтар, они построили в северных горах базу, Шаранну. А потом...

А потом, узнал Хэммонд, наступил день ужасного открытия. Биологическая ловушка захлопнулась. В Шаранне у врамэнов начали рождаться дети, и они были непохожи ни на хумэнов, ни на врамэнов. Это был совершенно новый человеческий вид, крупные, с шестипалыми руками, обладающие мозгом и умственными способностями, намного превосходящими родительские. Это были Третьи Люди. И врамэны поняли, что хотя лучи этой звезды и дают бесконечную жизнь, они также сильнейшим образом воздействуют на гены, единицы наследственности.

Врамэны, знавшие, что интенсивная радиация приводит к генетическим изменениям, были готовы к незначительным переменам. Они провели тщательное исследование и убедились, что генетическая модель не будет нарушена настолько, что на свет могут появиться уроды. Но они не были готовы к резкой эволюционной мутации человека, которая создала новый вид из старого – как много раз происходило в прошлом с другими

существами.

Хэммонд понял, что сначала врамэны ждали от этих богоподобных новых людей великих дел. Но по мере того, как Третьи Люди росли, надежда на это угасла. Потому что это был совершенно новый вид, с абсолютно другим психологическим складом. Чувства их родителей были им совершенно чужды. Получилось так, словно слишком внезапный скачок прогрессивной мутации способствовал их умственному и физическому развитию за счет того, что можно было бы назвать развитием духовным. Потому что, когда Третьи Люди достигли зрелого возраста, оказалось, что они абсолютно и глубоко убеждены, что им судьбою предназначено доминировать над всеми в галактике и над врамэнами, и над хумэнами, которых они считали низшими по отношению к себе видами, не обладающими большим интеллектом.

– Вот так врамэны пришли к решению, – сказала Тайан. – Их дети, этот новый и чужой вид, представляют опасность для всех галактических народов, и им нельзя позволить когда-либо покинуть Альтар. Пока еще не было слишком поздно, врамэны пошли против своих сыновей и дочерей.

Какие мучения стоят за этими несколькими словами, подумал Хэммонд.

– И заставили их покинуть Шаранну. Третьи Люди, которым совершенно были чужды родственные чувства, основали новый город, Вонн. Там с течением лет их интеллектуальная и научная мощь быстро возрастала. Они уже собирались вернуться назад и попытаться осилить своих родителей, но их планы были нарушены новым поворотом событий.

Третьи Люди, похоже, тоже вступали в брак, и у них стали рождаться дети. Та же самая глубинная сила радиации, которая вызвала первую мутацию, теперь вызвала и вторую. Дети Третьих Людей были совершенно непохожи на своих родителей. Это был еще один новый вид человека – Четвертые Люди. И эти Четвертые Люди пошли еще дальше по дороге перемен. Они были ближе к чистому разуму, чем кто-либо из людей, склонные только к умственной деятельности и не имеющие ни способности, ни желания вести деятельный образ жизни. Им не было ни малейшего дела до раздоров между их родителями и родителями их родителей. Они желали только одного: проводить свою жизнь в спокойных размышлениях.

Их родители, Третьи Люди, предвидели, что их дети будут являть собой новый вид и заранее планировали использовать их возросшие умственные способности в своих целях. Но Четвертые Люди, ненавидящие активные действия и чуждые амбициям, не дали себя использовать. Когда они достигли зрелого возраста, они бросили своих родителей, удалились в другой район Альтара и основали странный новый город, отказавшись иметь какие-либо контакты с врамэнами и с Третьими Людьми.

– И там, – продолжала Тайан, – они живут с тех пор, занимаясь чисто умственными исследованиями, которые являются целью их жизни.

Хэммонда потрясла эта эпическая история мутаций, поразивших людей на этой планете бесконечной жизни.

– И что, Четвертые Люди продолжили эту цепочку мутаций? – спросил он.

– Нет, – Тайан покачала головой. – Четвертые Люди стерильны. Они – конечный продукт человеческой эволюции на этой планете. Но так как, подобно нам, врамэнам, и Третьим Людям, они обладают бесконечной жизнью, они и живут до сих пор.

Теперь многое стало понятно Хэммонду, словно освещенное вспышкой ужасной молнии. Он знал теперь, почему Мар Канн насмешливо сказал Тайан; «Я надеялся, что она может быть кем-то очень дорогим для меня» и почему Тайан с горечью ответила: «Меня обошел этот позор». Теперь он знал, почему ее упоминание о «любимых детях Третьих Людей» так задело Мара Канна.

– Это и есть причина, – сказала Тайан мрачно, – почему мы, врамэны, не пускали хумэнов к Альтару, оберегая секрет жизни.

– Но Боже праведный, почему вы просто не рассказали всей галактике правду? – воскликнул Хэммонд. – Люди бы не захотели и частицы секрета нескончаемой жизни, если бы знали, что ей сопутствует.

– Неужели? – посмотрела на него Тайан.

И когда Хэммонд задумался об этом, он почувствовал меньшую уверенность. Желание жить было самым глубоким, самым сильным и человеке. Предположим, вы обыкновенный мужчина или женщина и вы узнаете, что существует способ обрести бесконечную жизнь. Вам говорят, что это ловушка, что ваши дети будут отличаться от вас, что они будут крупнее и мозговитее, чем вы. Остановит ли это вас? И он вынужден был сам себе признаться, что нет. А когда у вас появились бы дети третьи люди, представители нового вида, он тоже захотели бы жить неопределенно долго и стремились бы к лучам звезды жизни, и таким образом произошла бы следующая мутация, и вы закончили бы четвертыми людьми, стерильной расой, которая стала бы тупиком человеческой цивилизации.

– Ты права, Тайан, – сказал он. – Они бы слетелись к этой звезде, как мотыльки к огню.

– И со временем этот огонь поглотил бы всех людей, – сказала она. – Прошло бы очень много времени, но в конце концов остались бы только Четвертые Люди, а после них, никого.

Мгновение спустя она добавила:

– Только в одном можно быть абсолютно уверенным, это в том, что Третьи Люди представляют опасность не только для врамэнов, но и для Четвертых Людей. Но еще существует возможность спасения.

Тайан замолчала, и они продолжали идти через лес мхов в тишине. Мозг Хэммонда так лихорадочно перерабатывал все то, что он услышал, что он даже не заметил ее молчания. Он снова подумал о Древе Жизни, плоды которого было запрещено пробовать человеку. Ему стало казаться, что не только в силу чистой случайности уникальная Звезда Жизни оказалась в глубинах огромной туманности, где ее трудно было найти. Но люди, к своему несчастью, нашли ее. И вот теперь, он, Кирк Хэммонд, тоже нашел ее, и это породило в его уме вопрос.

Прошло несколько часов, прежде чем Тайан остановилась и нарушила молчание.

– Нам надо отдохнуть. У нас впереди еще длинный путь.

Хэммонд подумал, что вполне вероятно, что она устала меньше его. Он сел рядом с ней под огромным мхом и посмотрел на ее четкий профиль. Затем она неожиданно повернулась и сказала:

– Теперь, когда ты знаешь, что я принадлежу к другому виду, твои чувства ко мне изменились?

Он был ошеломлен.

– Так вот о чем ты размышляла? Раз и навсегда, Тайан, нет!

Он обнял ее за плечи, но она отстранилась от него и покачала головой. На ее лице было трагическое выражение.

– Нет смысла, Кирк. Ты – хумэн и ты захочешь иметь жену и детей, в привычном для хумэнов смысле. А ни один врамэн не может вступить в брак в таком смысле или иметь детей. Мы отказываемся от всего этого, когда выбираем лучи этой звезды.

– Но, Тайан... – начал он, но она перебила его. Я сделала этот выбор двести лет назад, и я знаю, что он за собой влечет. Врамэны, которые пригласили меня стать членом их касты, рассказали мне ужасную историю о том, что случилось две тысячи лет назад, точно так же как я рассказала тебе. Я понимала все, и отправилась с ними на Альтар и стала врамэном.

Он закрыл ей рот ладонью.

– Дай мне сказать. Ты кое о чем забываешь. Ты забываешь, что я тоже стану врамэном, прожив под лучами этой звезды определенное время.

– Нет, – прошептала она. – Ты не должен этого делать. Со временем ты пожалеешь об этом и станешь ненавидеть меня.

Он не ответил. Он обнял ее за плечи и прижал к себе. Над ними возвышался темный и торжественный мох, и окружала тишина фантастического леса, и мягкое сияние неземного неба. Странное место, и странная судьба, которая свела этих двоих из разных миров и разных времен.

– Тайан, Тайан...

19

База врамэнов, Шаранна, замаячила перед ними после полудня, когда Звезда Жизни низко повисла в западном небе. Ее потускневший свет падал на высокие вершины и единственный огромный возвышавшийся столб, окрашивая их в мрачный пурпурный, сердитый красный и ядовитый зеленый цвета. Хэммонд содрогнулся. Ему показалось дурным предзнаменованием впервые увидеть этот город в таком свете, словно над этим местом уже нависла тень уничтожения.

Чувствовала ли Тайан то же самое или нет, он не знал.

Ее лицо было застывшим и бледным, маска, которая не изменила своего выражения в течение всего этого длинного и горького дня. Она была так далека от него, словно находилась на другой звезде, и это отчуждение причиняло ему боль, и все же он чувствовал, что она держит себя так скорее потому что любит его, чем потому что не любит. Растерявшийся и несчастный, он много раз пытался разрушить этот барьер, но в конце концов ему пришлось отступить и следовать рядом с ней так же молча, как и она.

Теперь высокая башня Шаранны была перед ним, воздух был тяжелым от сгустков цвета, горы скрывались в кровавом тумане; бесстрастные зрители вокруг арены, на которой жертва ждала – как там звучала эта древняя фраза? – момента истины.

Тайан пошла быстрее и быстрее, оставив его позади. Хэммонд прилагал все усилия, чтобы не отстать от нее. Перед ним раскинулся космический порт, в котором находилась около полудюжины кораблей и ряд зданий, над которыми возвышалась высокая и изящная радарная башня. Эта вышка находилась за портом в великолепной долине ее строгие линии сильно контрастировали с грубыми дикими скалами окружавших гор. Хэммонд не увидел никаких защитных сооружений, но неожиданно Тайан обратилась к нему, впервые за последние часы их путешествия, и положила ладонь ему на руку.

– Держись поближе ко мне. Теперь встань туда же, куда и я, точь-в-точь, Кирк!

Она держала его за руку, а он ходил за ней, словно исполняя какой-то ритуальный танец, столько-то шагов до этой точки, столько-то до этой, и понял, что она ведет его через нечто, что можно было бы сравнить с минным полем. Возможно, это просто его нервное воображение заставляло его чувствовать дрожание энергии в окружавшем ее воздухе. Рука Тайан была холодной, и ему стало стыдно, потому что его собственная ладонь была скользкой от пота.

Наконец она его отпустила. Теперь они находились близко от вышки. Хэммонд быстро вытер руки о куртку, и увидел, что к ним бегут врамэны.

После этого события развивались очень быстро. Хэммонд не принимал в них участия, потому что это был мир Тайан, это были ее люди, но все равно он почувствовал их. Прежде чем, он успел осознать это, его потащили в башню, вокруг раздавались и отдавались эхом голоса, резкие и громкие в тихих коридорах, затем он оказался в вестибюле, с двумя врамэнами, которые смотрели на него, но не заговаривали. Он сидел, и чувствовал, что весь могущественный город-башня пробуждается и суетится вокруг него, наполнившись звуками шагов и звонков. Чудовищный свет заходящего солнца насмехался над ним, заглядывая в окно.

В соседней комнате, за белой дверью Тайан разговаривала с руководителями врамэнов.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем дверь снова открылась. Наверно, немного. Тайан стояла в проеме, приглашая его войти.

За столом сидели пять врамэнов. Они казались старше тех, кого Хэммонд видел когда-либо раньше, не в смысле возраста, а в смысле зрелости, словно прошедшие века оставили глубокие следы на их лицах. Их глаза были очень мудрыми, даже пугающе мудрыми, но сейчас в них было что-то еще, кроме мудрости. Они смотрели на Хэммонда, как мужчины могут смотреть на упрямого ребенка, который поджег их дом, спичками, которые ему запретили брать.

– Очень тяжело, – сказал один из них, – не испытывать желания убить тебя.

Он неожиданно встал и повернулся спиной к Хэммонду, словно ему было необходимо взять себя в руки.

– Мне пришлось рассказать им, как это все произошло, – сказала Тайан.

Хэммонд ничего не сказал. Казалось, не существовало слов, которые могли бы оправдать его ошибку, и все же он чувствовал, что это была честная ошибка, в какой-то степени, совершенная им по вине самих врамэнов.

Очевидно, вставший из-за стола врамэн и сам так подумал, потому что снова повернулся к Хэммонду и резко проговорил:

– Думаю, рано или поздно это неизбежно должно было случиться. Вероятно, это просто чудо, что этого не произошло раньше, – он пристально посмотрел на Хэммонда. – Тайан говорит, что мы должны благодарить вас за то, что вы помогли ей вырваться из рук Третьих Людей, иначе мы вообще не получили бы никакого предупреждения.

Когда она заговорила, ее голос звучал очень устало и она не смотрела на него.

– Я скажу тебе все это в первую очередь, Кирк, чтобы не произошло никакой ошибки. Твоя жизнь может зависеть от того, что ты выберешь. Мы немедленно поднимаем наши корабли с поверхности планеты, чтобы они не попали в руки Третьих Людей. Ты можешь отправиться на одном из них. Или можешь остаться здесь и...

– Что сделаешь ты? – спросил он, перебив ее.

– Останусь. Но ты...

– Я тоже останусь, – сказал он.

Она нетерпеливо покачала головой.

– Послушай меня, Кирк. Мы решили попросить помощи у Четвертых Людей. На словах это легко, но на самом деле, это не так. Четвертые Люди не позволяют нарушать границы их города. Любой врамэн или Третий Человек, который это сделает, подвергается мощному психологическому воздействию, которое парализует его прежде, чем он подойдет достаточно близко к городу, не говоря уже о том, чтобы получить возможность с ними заговорить. Я подумала...

Она заколебалась, но сидящие за столом врамэны посмотрели на нее, и она, вздохнув, продолжила:

– Я подумала, что ты можешь быть нашей единственной надеждой на получение возможности войти в город. Если бы ты захотел попробовать.

– Я не совсем понимаю... – произнес Хэммонд.

– Твое прошлое, Кирк. Твое происхождение. Четвертых Людей интересуют все области знания. Они могут заинтересоваться тобой, тем, что они смогут увидеть в твоем мозге, и позволить тебе войти.

Один из сидящих за столом врамэнов сказал:

– Я не думаю, что мы, врамэны, или вы, хумэны, сможете выжить в качестве свободных индивидуумов без их помощи. Теперь Третьи Люди способны одержать верх над всеми нами. То, что мы не дадим им в руки наши корабли, только отодвинет сроки. Ваши друзья снабдили их металлами и атомной энергией. Они начнут процесс построения элементов и вскоре у них будут свои собственные корабли. Они вырвутся в галактику, и никакая сила не сможет им противостоять.

– Кроме Четвертых Людей, – сказал Хэммонд.

– Кроме Четвертых Людей. Если они захотят. Если мы сможем уговорить их сделать это сейчас, прежде чем ситуация перестанет зависеть и от них. Им все равно, что случится с нами или с галактикой. Но возможно, их можно заставить побеспокоиться о том, что произойдет с ними.

Через высокое окно Хэммонд видел, как вспыхнули в сгустившихся сумерках белые огни космопорта. Он чувствовал чудовищную усталость, ностальгию, которая была подобна настоящей физической боли. Он пошел на все, чтобы попасть сюда и унести в галактику секрет жизни, отвоеванный у врамэнов. Победа превратилась в жестокий кошмар, все было впустую и он находился там, где ему вовсе незачем было находиться. Он устал. Он хотел

домой, спрятаться под маленьким небом Земли и забыть о том, что кроме нее существуют другие миры.

Он неожиданно повернулся и поймал взгляд смотревшей на него Тайан. Она покраснела и опустила глаза. Он улыбнулся, потому что знал что вопреки всему, она надеялась, что он скажет «Нет» и улетит на одном из кораблей туда, где по крайней мере еще некоторое время будет в безопасности, а возможно, и всю свою жизнь, потому что Третьим Людям понадобится некоторое время, чтобы покорить галактику.

– На самом деле у меня не слишком большой выбор? – сказал он руководителям врамэнов. – Кто-нибудь пойдет со мной или я должен попытаться сделать это один?

– Я пойду с тобой, – ответила Тайан и встала рядом с ним.

– Нет, – произнес главный врамэн. – Четвертые Люди могут пустить к себе в город двоих, но не больше. Вторым, это ясно, должен быть я. Они не станут вести переговоры ни с кем другим.

– Но, Ример, я думала... – сердито начала Тайан.

Ример покачал головой.

– Ты знаешь, как они не любят чувства. Боюсь, что им слишком не понравится ваша пара, ты и Хэммонд.

Это было так похоже на упрек, что Хэммонд взорвался и начал было что-то говорить. Но Тайан положила ему на руку ладонь и спокойно сказала:

– Удачи тебе, Кирк.

Она улыбнулась и вышла через белую дверь, ступая прямо и высоко подняв голову. Хэммонд позвал ее, но она не оглянулась и не замедлила шаг, уходя от него по комнате, заполненной кроваво-красным и черновато зеленым от света заходящего солнца воздухом, света, который может присниться только в дурном сне. Ее белая кожа и белокурые волосы некоторое время светились, но вскоре слились с сумерками, стали неразличимы. Словно исчез стереообраз на корабле, и Хэммондом овладел внезапный страх. Он прокричал ее имя и бросился за ней, но Ример преградил ему путь и сказал:

– У нас очень мало времени.

Меньше чем через четверть часа их флайер мчался на восток под светящимся небом туманности. Темные горы остались позади. Некоторое время Хэммонд видел огни башни и столбы пламени, когда корабли один за другим начали взмывать в небо. Затем все это исчезло. А где-то над темной землей вспыхивал голубой огонь и раздавалось похожее на гром лязганье, это в городе Вонне ковался меч, который должен был разрушить Шаранну. Он подумал, понимали ли хумэны, что они наделали. Он подумал, живы ли они еще и способны ли что-либо понимать.

А еще он подумал, останется ли кто-нибудь из них в живых завтра.

Ример встряхнул его и Хэммонд понял, что заснул помимо своей воли. Флайер совершил посадку на голой равнине, пустоту которой не нарушали ни одинокая скала, ни отдельно стоящее дерево, только впереди возвышалась одна большая гора, скала с плоской крышей, неясная при ночном сиянии неба.

– Нам придется пройти оставшуюся часть пути пешком, – сказал Ример и добавил, – ту часть, которую нам суждено пройти.

Хэммонд предположил, что Ример боится разбить флайер, когда начнется умственная атака Четвертых Людей. Он вышел на равнину вслед за врамэном и озадаченно осмотрелся по сторонам.

– Я не вижу никакого города.

Ример показал на темную гору.

– Вон там. Внутри скалы. Тысячи туннелей, миллион нор. Они живут как муравьи в муравейнике, который нельзя разрушить, сжечь, на который нельзя наступить, он покачал головой с видом человека, который готовится совершить необходимое, но ненавистное действие.

– Идем, – сказал он. – Забудь Тайан, если можешь. Думай о своем прошлом, о мире и о

людях, которых ты знал десять тысяч лет назад. Сосредоточься как можно сильнее.

Они пошли по направлению к сале.

Хэммонд думал о Земле, старой Земле, которая была утеряна навсегда, о звуках, цветах, лицах, голосах, улицах, ракетах, стартовой площадке, жизни и смерти, переплетшихся вместе у холодной Луны. Но глубоко под этими мыслями, он помнил, где находится, помнил что он делает, и вкус страха, который он ощущал во рту, был подобен вкусу жидкой меди.

Он совершенно не был готов к тому, что произошло. Это был взрыв, ураган, землетрясение, перегрузка в миллион в обезумевшей ракете, вырвавшейся за пределы вселенной, и все это совершенно беззвучно, все это у него в голове. Он не мог этого выдержать. Он не мог сопротивляться этому. Он не мог сделать ничего, только слепо повернуться и, застонав, бежать, бежать, бежать...

Он упал и в его рту была грязь.

Флайер стоял одиноко на равнине далеко перед ним. Темная скрюченная фигура лежала примерно в десяти футах от него, и он увидел, что это Ример. Вызывающий агонию шок прошел, но в его голове было что-то не так, было что-то чужое. Он чувствовал чье-то присутствие, кто-то листал его память, как страницы книги. Он сделал инстинктивную попытку встать и снова побежать, но обнаружил, что неспособен двигаться. Его затрясло от страха и отвращения. Ему было очень холодно.

Кто-то сказал:

– Тебе разрешается войти в город.

Хэммонд встал. Чужое сознание исчезло из его мозга, оставив после себя только тоненькую ниточку. Ниточка спокойно, но уверенно повела его по направлению к горе. Он пошел. Ример шел рядом с ним. Хэммонд слышал его тяжелое дыхание. Ни тот ни другой не произнес ни слова. Мысли Хэммонда странным образом перепутались. Он не был уверен ни в чем.

Стена возвышалась над ними, черная и непроницаемая. Нигде не было ни малейших признаков прохода, но Хэммонд и Ример без колебаний пошли к определенному месту. Небольшая часть стены тихо открылась.

Они вошли в город Четвертых Людей.

Пелена спала с глаз Хэммонда. Он заморгал и осмотрелся по сторонам. Они с Римером находились в очень маленькой комнате с переливающимися стеклянными стенами. Она сильно давила им на ноги, и он понял, что это лифт, который поднимает их на более высокие уровни. Он подумал, что благодаря этому лифту, никто посторонний никак иначе не сможет проникнуть сюда, разве что он найдет эту единственную маленькую дверь и сможет открыть ее.

Неприступный муравейник, как сказал Ример. Но обстоятельства изменились. Там, в Вонне отливается молот, который разнесет эту скалу на маленькие кусочки.

Лифт остановился. Часть стены скользнула в сторону, и они вышли в коридор, с такими же сверкающими стеклянными стенами и освещенный таким же неизвестно откуда льющимся светом. Коридор, протянулся перед ними подобно бесконечной светящейся трубе. Он был слишком мал для Хэммонда. Он наклонил голову и поплелся по светящемуся полу. Ример последовал за ним, почти цепляя ладонями ступни ног.

Впереди в коридоре кто-то стоял.

Сначала Хэммонд подумал, что это ребенок. Футов четырех ростом, он был одет только в короткое платье. Тело имело стройную неоформившуюся красоту детства, возраста, когда пол еще не начал каким-либо образом его менять. По сравнению с телом голова была большой, но не намного больше, чем нормально для ребенка. Выражение лица было несколько холодным, но лицо было очень красиво. Только глаза были совершенно чужими, огромными и глубокими, странного бледного цвета, словно привыкли смотреть на вещи навечно скрытые от глаз человека.

– Уважаемый дедушка, – сказал маленький человек Римеру с ледяной иронией, – я – Клид.

Существо посмотрело на Хэммонда со значительным интересом.

– Это первый хумэн, которого я вижу. Его мозг недоразвит, но содержит уникальную информацию. Нам потребуется всего несколько мгновений, чтобы извлечь и записать ее. Тем временем, уважаемый дедушка...

– Тем временем, – сказал Ример резко, – вы лучше загляните в мой мозг и посмотрите, почему я привел этого хумэна сюда.

– О, – ответил Клид, – мы это уже проделали. Я как раз собирался сказать, что трое из нас выслушают тебя, пока мы будем заниматься этим хумэном. Пожалуйста, ступайте тихо. Шум очень мешает размышлениям.

Клид вел их по коридору, потом повернул в другой, двигаясь легко, как перышко. Хэммонд, чувствуя себя огромным и неуклюжим, следовал за Римером. Теперь он заметил, что по обе стороны коридора в скале на равном расстоянии друг от друга расположены ячейки, края отверстий были покрыты блестящим похожим на стекло веществом, дверями служили прозрачные панели. В каждой из этих, по размеру подходящих только ребенку, ячеек сидела маленькая фигура, погруженная в глубокие мысли.

– Так как мы общаемся исключительно телепатически, – прошептал Клид, – мы можем связать несколько наших блоков в одно целое для того, чтобы совместными усилиями решать более сложные проблемы. Большинство из нас этим и занимаются. Только немногие, проводящие индивидуальные исследования могут уделить вам время, да и то им мучительно тяжело оставлять свои занятия. Мы сделаем нашу встречу как можно более короткой.

Ример начал было убеждать его, но снова закрыл рот, так резко, что Хэммонд услышал, как щелкнули челюсти. Кирка это позабавило. Глава врамэнов, настолько превосходящий его самого, был в присутствии этого маленького существа робким и неуверенным.

Затем Хэммонд подумал – что, собственно, забавного во всем этом. Это было совсем не смешно. Было ужасно осознавать, что его жизнь, жизнь Тайан и жизни несчетного числа людей, как врамэнов, так и хумэнов, сейчас и в будущем зависели от прихоти этих холодных нечеловеческих умов. Он посмотрел на детские фигуры, сидевшие со сложенными руками и невидящими глазами в своих монашеских кельях, и его обожгло внезапное убеждение, что их нельзя будет сдвинуть с места, что они будут сидеть вот так до тех пор, пока мир в буквальном смысле слова не обрушится им на головы, слишком далекие от реальности жизни, чтобы понять и побеспокоиться о чем-то, пока не будет слишком поздно.

– Сюда, уважаемый дедушка, – сказал Клид, показывая на открытую панель в стене. Хэммонд увидел комнату, в которой сидели в ожидании три Четвертых человека. Ример посмотрел на Хэммонда, сделал глубокий вдох и вошел. Панель закрылась.

– Идем, – сказал Клид. На его маленькие губы легла тень, имеющая отдаленное сходство с улыбкой. Тебе нечего бояться. Тебе не причинят никакого вреда. Твои мысли совершенно ясны для меня. Тебе интересно знать, мужского я рода или женского. Тебе интересно знать, как можно вообще жить без секса, без любви, без чувств. Открой мне свой мозг и послушай, возможно, мне удастся тебе кое-что объяснить, совсем немногое, потому что твой мозг не сформирован, так ограничен...

Маленькая фигура пошла прочь от него по светящимися коридору, и Хэммонд последовал за ней. Она танцевала впереди, как блуждающий огонек, и Хэммонд легко плыл за ней, спокойно и без страха. Весь страх, все чувства покинули его, и только очень отвлеченно он понял, что пришел в довольно большой круглый зал, вдоль стен которого тянулись ряды ячеек, поднимавшихся вверх, один над другим, в каждой из ячеек была слабо видна погруженная в мысли фигура.

– Это наша группа памяти, – прошептал Клид. – Встань здесь.

Хэммонд встал и живой банк памяти опустошил его мозг, словно чашку. Боли не было. Он не понял, когда все закончилось. Он не чувствовал ничего, пока не обнаружил, что снова идет по коридору, и рядом с ним кто-то еще. Не Клид. О, да. Ример.

Они снова вошли в лифт, спустились вниз и вышли через каменную дверь, которая закрылась за ними и исчезла, словно ее и не было. Они двинулись к флайеру, не произнося

ни слова. Ум Хэммонда был совершенно спокоен и ничего не хотел узнать.

Только когда они почти подошли к флайеру, дурманящее воздействие неожиданно исчезло. Словно Четвертые Люди держали их в этом состоянии, боясь что их потревожит шум, сопровождающий эмоции Хэммонда и Римера. Двое посмотрели друг на друга, словно люди, которые только что проснулись, и Хэммонд закричал:

– Что они сказали? Они помогут?

В голосе Римера была горечь и беспомощная ярость.

– Они сказали, что рассмотрят это. Они не любят, когда их беспокоят. Это их чрезмерно раздражает. Но так как существует возможность, что Третьи Люди могут теперь представлять угрозу их привычному спокойствию, они рассмотрят это.

– Когда? – спросил Хэммонд с отчаяньем. – Что они сделают?

– Ничего, – ответил Ример. – Если не почувствуют, что это реально угрожает им. Они не любят, когда их беспокоят.

Он посмотрел на гору.

– Надеюсь, что мы их обеспокоили. Надеюсь, что они... Нет. Я становлюсь хуже хумэна. Я не знал, что после прожитых двух тысяч лет во мне осталось столько детских эмоций.

Он повернулся и побежал к флайеру.

– Две тысячи лет?

– Да, – ответил Ример. – Я был одним из первых. Моя кровь течет в Третьих Людях, а через них и в Четвертых. Я стоял у истоков.

Флайер мчался на запад, а за ним поднималась Звезда Жизни, наступал день.

На этот раз, по дороге обратно, Хэммонд не спал. Он сидел, подавшись вперед, напрягая зрение, чтобы поскорее увидеть башню Шаранны.

Путь казался длинным. Звезда Жизни ползла по небу во всем своем многоцветном великолепии, мили голой земли проносились под флайером. И все это время сердце Хэммонда билось медленно и тяжело.

Они добрались до Шаранны незадолго до полудня, и было уже слишком поздно.

20

В небе над самыми горами висел, дрожал, хлестал колоссальных размеров ятаган огня. Только рука Бога могла держать этот огромный сверкающий меч, но никакой руки видно не было. Лишь огромный клинок наносил удары по горам, и они содрогались, лавины камней скатывались вниз, а меч возвращался и снова обрушивал уничтожающий удар, сметая все на своем пути. Даже после первого взгляда Хэммонд понял, что это сияние вызвано силой, которая каким-то образом способна разорвать невидимые связи между электронами и субэлектронами и таким образом разрушить решетчатую конструкцию из частиц и пустоты, которой и является материя.

Сверху из скрытых укреплений вокруг Шаранны било оружие врамэнов, дикие, ревущие полосы и сгустки силы, прыгающие ракеты, которые взрывались адскими цветами пламени. Но нависший над горами меч не обращал на них внимания. Должно быть, его порождало какое-то летающее устройство, но оно было вне досягаемости оружия врамэнов, защищенное разрушением, которое порождало. Третьи Люди не хвастали попусту, говоря, что имея необходимые материалы, смогут создать чудовищную вещь! Они претворили в жизнь свои так долго вынашиваемые планы, основанные на суперчеловеческой науке и выковали этот меч, который теперь кромсал Шаранну на меленькие кусочки.

Огромная башня, сама по себе являвшаяся городом, была рассечена надвое, она стояла, словно расколотый надгробный камень, окруженный обломками. А на нее снова обрушивался не знающий пощады сияющий ятаган, теперь уже разрезающий шатающееся здание на четыре части.

– О, Господи, заставь его остановиться, о, Господи! – закричал Хэммонд. – Тайан...

Но он не останавливался, он плясал в небе, снова и снова обрушивался вниз, пока горы не превратились в дикую усыпанную камнями равнину, на которой едва виднелись остатки крепости врамэнов. И только тогда сияющий меч растаял в небе.

– Ример, – проговорил Хэммонд. – Ример!

Ример сидел, безвольно опустив руки на кнопки управления флайером и его лицо было подобно каменной маске. Он видел разрушение Шаранны, его мира и эпохи, и он не мог слышать ни единого слова Хэммонда.

Хэммонд орал ему в ухо, затем выругался и принялся бить его кулаками и показывать на юг, где появилось что-то похожее на стаю черных мошек.

– Садись! – вопил Хэммонд. – Черт тебя побери, садись! Они прятались до сих пор, но теперь они летят!

Ример посмотрел на него абсолютно бессмысленным взглядом. Затем задвигал руками. Он направил флайер вниз к развалинам Шаранны. Он вел флайер с отточенным механическим совершенством, как вел бы его робот, и плавно сел на скалу прямо перед остатками башни.

Хэммонд выпрыгнул наружу. Мошки стали большими и черными, они начали кружить и резко снижаться, свистя словно ястребы. Хэммонд оставил застывшего, с побелевшими губами Римера возле флайера и побежал.

В воздухе пахло паленым. Почва была частично выжжена. Хэммонд прошел мимо странного пятна и понял, что это лужа расплавленной стали. Все было усеяно обломками, кусками камня и металла.

И телами.

Ни одно из них не было телом Тайан. По крайней мере ни одно из тех, которые можно было узнать. Хэммонд побежал дальше к башне. Он не знал почему. Она могла быть где угодно на равнине, где угодно под ужасным лезвием этого апокалиптического меча. Он бежал и всхлипывал. За его спиной с неба со свистом падали черные флайеры.

Он забежал в разрушенную башню.

Двери не было, но внутри он увидел футов сто высокого коридора, который уцелел. Среди всеобщего разрушения он производил любопытную иллюзию мира и целости.

Хэммонд увидел Тайан.

Она сидела совершенно одна в конце этого длинного и пустого помещения, прислонившись спиной к груде камней и металла. Она словно ждала его, и увидев его, улыбнулась и произнесла его имя. Она была чем-то похожа на сломанную куклу и посмотрев внимательнее, он увидел, что одна сторона ее тела полностью ввалилась внутрь и что Тайан прижимает ее к обломкам.

– Кирк, – произнесла она. Он опустился рядом с ней на колени и поднял ее на руки.

– Тебе нужна помощь, – сказал он. – Я сейчас найду кого-нибудь.

Он не знал, где он сможет найти кого-нибудь способного ей помочь в павшей Шаранне, да и кроме того, это было бесполезно, и он понимал это. Только нечеловеческая жизнеспособность врамэнов так долго поддерживала ее жизнь.

Она прижалась к нему и аромат ее волос смешался с запахом гари.

– Мне нельзя помочь, – прошептала она. – Даже врамэны иногда умирают. Я жила долго, но в моей жизни не было ничего хорошего, кроме самого конца, когда я встретила тебя и полюбила, как обычная женщина.

Он не мог произнести ни слова, только повторял ее имя, сжимая в своих руках так, словно таким образом удержать в ней жизнь, которая уходила с каждым вздохом.

– Как мне хотелось бы знать, что ты будешь в безопасности, – прошептала она.

– Со мной все будет в порядке.

– Кирк! – неожиданно вскрикнула она.

Ее лицо изменилось, оно больше не было гордым лицом Тайан, принадлежавшей к бесстрастным врамэнам, оно приобрело испуганное, застенчивое выражение маленькой девочки, которая изо всех сил прижималась к нему. Затем ее руки упали, он по-прежнему

крепко сжимал ее, но знал, что уже ничего больше не удерживает.

Он сидел не двигаясь. Слышал, как свистят садившиеся флайеры, и знал, что Шаранна действительно пала, но Тайан была мертва, и рядом с этой потерей падение империй ничего не значило. Он тоже хотел умереть. Хотел бы навсегда оставаться на своем ледяном троне, слепо уставившись на звезды и никогда вообще не просыпаться. Он сидел в разрушенной башне, пока не послышался звук настолько странный, что вывел его из оцепенения.

Звук смеха.

Хэммонд медленно поднялся на ноги, пошел по коридору и вышел под сияние переливающегося солнца. Он услышал как закричал мужчина, затем снова послышался смех.

На ровном месте посреди развалин Шаранны стоял Ример и громким голосом посылал проклятия Третьим Людям. Он представлял собой гротескную, резко жестикулирующую фигуру, все достоинство, приобретенное за годы его долгой жизни улетучилось, и он стоял ревя от ярости и горя.

А Третьи Люди смеялись. Теперь в разрушенной Шаранне их было очень много, некоторые осматривали обломки, с деловитостью завоевателей, другие собрались вокруг немногих находящихся в оцепенении врамэнов, тех, кто остался в живых. Но часть из них стояла и смотрела на Римера. Высокие и похожие на богов, полные силы, полные уверенности. Это была минута их триумфа, и вершиной его был беснующийся от ярости, стенающий человек. Они счастливы. Они убили Тайан.

Хэммонд медленно, задумав недоброе, стал двигаться по направлению к ним. Он может убить одного, только одного, но и это будет кое-что.

Ример перестал кричать и бессмысленно посмотрел на Хэммонда. Третьи Люди тоже посмотрели в его сторону, и он увидел, что их лица стали угрюмыми и жестокими.

Затем он понял, что они смотрят вовсе не на него. Он повернулся.

Сзади, из-за разрушенной башни вышли четыре детских фигуры. Это были Четвертые Люди, и Хэммонд подумал, что один из них Клид.

Наступила тишина, Третьи Люди собрались вместе, а Клид и три его спутника направились к ним. Хэммонд не имел ни малейшего представления о том, как эти четверо прибыли в Шаранну. Должно быть, они посадили свой флайер за разрушенной башней. А может, подумал он, они владеют секретом телепортации.

Четыре маленьких фигуры подошли к толпе своих богоподобных родителей, Ример молча уставился на них, Хэммонд наблюдал за всем происходящим с того места, где остановился. Наконец, все четыре человеческих вида собрались на этой планете, а над их головами подобно павлиньему хвосту переливались лучи Звезды Жизни, которой не было ни малейшего дела до трагедии, причиной которой она стала.

Голос Клида звучал мягко и горько, и обращался к Третьим Людям.

– Вы счастливы. Вы ввергли Альтар в войну и хаос, и считаете, что это хорошо.

Ему ответил Хол Гормон.

– Наши дети пришли, чтобы учить нас, всем слушать, внимательно!

Он презрительно засмеялся и его глаза сверкнули.

– Мечтатели, дураки, одурманенные чрезмерными размышлениями, теперь пришла ваша очередь кое-чему научиться! Мы породили вас. Ваш мозг должен был служить нашим целям, так теперь и будет. С этой минуты вы будете нам служить с подобающей детям покорностью, или умрете. Отправляйтесь назад и скажите об этом своему немощному народу!

– В этом нет необходимости, – пробормотал Клид. – Мозг всех остальных Четвертых Людей в данное мгновение связан с моим. И мы все согласны. Вы наши отцы, но вы не должны уничтожать нас и самих себя, мир и мысль на Альтаре. Мы должны спасти вас от этого – сейчас!

Лицо Хола Гормона исказила ярость и он открыл было рот, чтобы закричать, но это произошло прежде чем он успел произнести хоть звук.

Хэммонд почувствовал, в своем мозге взрыв такой умственной силы, что ему

показалось, что голова его разлетится на кусочки. И все же сопротивляясь этому удару, он понял, что до него долетели только отголоски этого взрыва, который имел совсем другую цель. Он закрыл глаза и прижал к ним ладони. Он знал, и это знание родилось не в его собственном мозге, это действие было совокупной результирующей неизмеримой умственной силы всех далеких Четвертых Людей, направленной через Клида и трех его спутников.

Этот мощнейший взрыв затих также быстро, как и возник. Хэммонд открыл глаза и изумленно заморгал.

Потому что ничего не произошло.

Ничего. Ему показалось, что теперь в поведении Третьих Людей появилось что-то странное.

Они больше не стояли с высокомерным и хозяйским видом. Некоторые из них бессмысленно смеялись. Другие сидели в пыли и играли с маленькими кусочками обгорелых обломков. Некоторые плакали или бродили, всхлипывая как очень маленькие потерявшиеся дети.

– О, Боже, – прошептал Ример. – Вы...

Клид повернулся к нему, и Ример остановился, словно получил удар в лицо.

– То, что мы сделали, мы сделали не ради вас! – сказал Клид с горечью. – Помните это, уважаемые дедушки, не ради вас!

В лице Клида был холодный и ужасный гнев, и он отражался в глазах его спутников, бледных и странных. Они смотрели на спотыкающихся, ползающих инфантильных существ, которые были Третьими Людьми. Хэммонд посмотрел на них и ему стало плохо.

– Мы не разрушали мозг наших отцов, – сказал Клид. – Мы только очистили его от ненависти и жажды власти, от всех надежд и всех воспоминаний. Они снова дети, умственно они такие же, как в тот момент, когда вы дали им жизнь, но теперь мы будем о них заботиться и учить их, и возможно, сделаем из них людей лучше, чем сделали вы. Но это ради них и ради нас, а не ради вас, врамэнов, чье стремление к бессмертию привело нас всех к вот этому!

Здесь на Альтаре вы причинили много вреда. Мы не потерпим здесь ни врамэнов, ни хумэнов. Отзывайте свои корабли, которые вы отослали с планеты и улетайте на них. И больше сюда не возвращайтесь.

– Но... – начал Ример.

Клид протянул руку и прикоснулся к щеке Третьего Человека, который как ребенок играл в пыли рядом с ним. В этом жесте удивительно соединились нежность и жестокая насмешка. Он не стал повторять то, что сказал, только пристально посмотрел на Римера.

Ример сделал шаг назад.

– Очень хорошо, – произнес он. – Мы улетим.

Клид улыбнулся. Он посмотрел на Звезду Жизни, ее переливающийся свет заиграл на его лице и отразился в его глазах жуткими вспышками.

– Это злая звезда, – пробормотал он. – Уже дважды люди находили ее, и найдут снова. Они будут стремиться к ней, пока ее лучи будут давать жизнь. Но я думаю, мы можем положить этому конец. Пожалуй, нам будет не слишком трудно изменить ее гравитационное поле так, чтобы она притянула к себе пыль туманности, эта горящая пыль окутает ее и ее лучи потеряют свою силу. И тогда у нас здесь наступит мир.

Он повернулся спиной к врамэнам и протянул руки к Третьим Людям, которые сидели в пыли рядом с ним.

– Идемте, – сказал он. – Пора домой.

После этого, время для Хэммонда остановилось. Он сидел в тени разрушенной башни и глядел в пустоту. Усталость овладела им. Корабли садились, подходили врамэны, что-то говорили ему, но он не отвечал. Проходило время, другие подходили к нему и тоже что-то говорили голосами Ивы и Квоббы, Тола Ора, дрожащие и испуганные голоса рассказывали ему, как Четвертые Люди пришли в Вонн, и как оставшиеся там Третьи Люди стали вести

себя как дети, а хумэнов отправили в Шаранну. Хэммонд слышал их, но они звучали как во сне, и видел все вокруг себя как сквозь серый туман.

Наконец туман рассеялся. Он находился в корабле врамэнов, мчавшемся через пространство, когда он посмотрел на сканер, то изображение было очень четким. Он увидел Звезду.

Она торжествующе сияла, изливая свой переливающийся свет на маленькую планету. Он подумал, что ей недолго осталось так сиять. Подумал, что если даже люди и найдут ее снова, то она окажется окутанной пылью, как обещал Клид, и вражда между хумэнами и врамэнами закончится. Люди больше не будут искать Альтар, и Тайан обретет вечное спокойствие.

– Хэммонд...

За его спиной послышался голос Квоббы. Он видел остальных. Ива открыто смотрела на него. Джон Уилсон сидел ссутулившись посреди обломков своих разбитых надежд. Только Квобба осмелился приблизиться к нему.

– Это еще не конец, – сказал он. – Они везут нас назад на Куум. Но учитывая, как все обернулось, думаю, что они нас скоро отпустят. Ты забудешь...

– Нет, – ответил Хэммонд.

Квобба вздрогнул.

– Ну, может быть, нет. Но вспомни, весь космос перед нами, и теперь он весь открыт для нас, теперь, когда врамэнам больше нечего прятать. А ты астронавт, один из самых первых. Ради этого стоит жить, Хэммонд.

– Правда? – спросил Хэммонд. – А было ли покорение космоса таким уж хорошим делом? Мы думали, что будет, еще в двадцатом веке. Но так ли это?

Он посмотрел на экран, на слепой свет и темноту вселенной, но там не было ответа на его вопрос. Да его никогда и не будет, потому что дело не в добре и зле. Теперь человек уже не может выбирать, он сделал свой выбор давным-давно, когда еще будучи получеловеком посмотрел на звезды и возжелал их. Он и в будущем будет смотреть с желанием на галактики и дали, недоступные современному восприятию, и будет пробиваться к ним, попадая в многочисленные космические ловушки подобные этой, и всегда будет стремиться обрести личное счастье, прежде чем погибнет в этой битве.

Хэммонду пришло в голову, что у него было это счастье, счастье, которое многие пытались ухватить, но промахнулись. Ему пришлось преодолеть время и пространство, чтобы найти его, и оно было с ним всего лишь час, день, но оно было, и у него осталось воспоминание о нем, и внезапно он почувствовал странное удовлетворение.